

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Жигитов Александр Александрович

КАТЕГОРИЯ СМЫСЛА В ТЕОРИИ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, доцент

Азнагулова Гузель Мухаметовна

Москва - 2026

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования категории смысла в толковании права.....	17
§1.1. Адаптация категории смысла к предметному полю юриспруденции: понятие и основные свойства.....	17
§1.2. Влияние свойств смысла на парадигму толкования права.....	51
Глава 2. Категория смысла в научной дискуссии о направленности процесса толкования права.....	76
§2.1. Критический анализ объективистского подхода: проблема объективного смысла правовой нормы.....	78
§2.2. Критический анализ субъективистского подхода: проблема реконструкции замысла законодателя.....	97
Глава 3. Моделирование процесса толкования права через призму категории смысла.....	111
§3.1. Концептуальные основы моделирования процесса толкования: от стадийности к динамической модели.....	111
§3.2. Проблематизация как начальный этап смыслообразования при толковании права.....	119
§3.3. Поиск и конструирование смысла правовой нормы: диалектика общего и частного, общего и особенного.....	135
§3.4. Аргументация и легитимация решения о смысле: завершающий этап модели.....	152
Заключение.....	187
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	194

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Характерным свойством права является его постоянное развитие и движение, а не пребывание в застывшей, неизменной форме. Эта динамическая природа права, его способность адаптироваться к изменяющимся социальным реалиям во многом обеспечивается через механизм толкования. С возникновением аналитической школы права и появлением такой ключевой для западной юриспруденции фигуры, как Г. Харт, внимание ведущих правоведов было заострено именно на этой грани правовой действительности. В частности, особое свойство языка, которым выражаются нормы — его открытая (свободная) текстура и присущая ей неопределенность в пограничных ситуациях, приводит нас к выводу о том, что язык права регулярно нуждается в толковании, благодаря чему право и остается живым, развивающимся явлением.

В современной юридической науке данная тенденция не только сохраняется, но и углубляется: очевидно, что в теории права акценты сместились с изучения сущности права на исследование природы юридического языка, юридической терминологии и процессов их интерпретации. Этот сдвиг обусловлен не только внутренними потребностями юриспруденции, но и мощным влиянием общегуманитарного знания. Развитие в середине двадцатого века герменевтики, феноменологии, постструктурализма, а также появление новых лингвистических и психологических теорий предоставили правоведению широкую методологическую базу для переосмысления характеристик процесса толкования права.

Критика классической концепции науки и переход к постклассической научной рациональности заставляют по-новому взглянуть на традиционные подходы к изучению правовых явлений. Так, философская герменевтика — искусство и теория толкования текстов — прошла путь от постулирования необходимости исключить из процесса интерпретации субъективность толкователя до признания его творческой свободы как неотъемлемого элемента понимания. Современные исследователи в области юридической герменевтики,

опираясь на философские доктрины Х.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, приходят к выводу, что применение правового правила требует творческого акта способности суждения, чтобы увидеть всеобщее в частном. В рамках постклассической юриспруденции право все чаще понимается не как предзаданная «природой» или целиком сконструированная сувереном сущность, а как система коммуникации.

Такой подход непосредственно влияет и на теорию толкования права, которая из вспомогательной дисциплины превращается в центральное направление правовых исследований. Фундаментальный тезис постклассической науки о том, что значения приписываются человеком и только в такой форме существуют окружающие нас предметы, приводит к заключению, что право не существует вне его интерпретации. В этой связи, имеющийся доктринальный аппарат теоретической правовой науки требует расширения для актуального описания современных интерпретационных практик. Сложившаяся дихотомия «правотворчество – правоприменение» и рассмотрение толкования права как сугубо технической, познавательной деятельности («уяснение и разъяснение») вступают в глубокое противоречие с современным пониманием интерпретации как акта со-творения смысла.

Эта методологическая проблема имеет и прямое практическое измерение. Непоследовательная и непредсказуемая судебная интерпретация подрывает принцип правовой определенности, снижает доверие общества к судебной системе и создает неоправданные риски для участников экономического оборота. Вопросы о том, что является объектом толкования — воля закона, воля законодателя или смысл; что ограничивает интерпретатора; какими характеристиками должен обладать выявляемый смысл, — напрямую влияют на правоприменительную практику, поскольку в зависимости от ответов на них могут быть получены диаметрально противоположные результаты толкования одного и того же нормативного текста.

Вопросы толкования правовых норм всегда находились в центре внимания отечественного правоведения. Вместе с тем, значительная часть

научных трудов ориентирована на исключительно инструментальный аспект: как мы получаем результат толкования, с помощью каких методов и приемов. Фундаментальные вопросы: «Что есть толкование права в целом? Если толкование — это процесс установления смысла, то что такое смысл? Какое место он занимает в теории толкования права?» — по-прежнему остаются открытыми. Таким образом, существует объективная необходимость в целостном, философски обоснованном исследовании категории смысла в контексте проблем толкования права, его свойств и глубинных детерминант, что и определяет актуальность настоящей диссертационной работы.

Степень научной разработанности темы исследования

Проблематика толкования права имеет богатую историю, восходящую к юриспруденции Древнего Рима и получившую развитие в трудах глоссаторов, комментаторов и гуманистов. Особую артикулированность она приобрела на рубеже XIX–XX веков с развитием исторической и социологической школ правопонимания, а также с возросшей ролью герменевтики и неклассических философских учений.

Разработкой сущностных характеристик толкования права занимались такие известные зарубежные правоведы как: Ф. Либер, Ф. Жени, Е. Эрлих, О. Холмс, Р. Паунд, Б. Кардозо, Г. Кельзен, Р. Дворкин, Г.Л.А. Харт, Л. Фуллер, М. Троппер, К.-В. Канарис, К. Ларенц, чьи труды составляют теоретическую основу многих современных исследований.

В отечественной дореволюционной науке фундаментальные аспекты толкования права рассматривались в работах Е.В. Васьковского и Н.М. Коркунова. В советский период значительный вклад в развитие теории толкования права внесли А.С. Пиголкин, А.Б. Венгеров, П.Е. Недбайло, А.Ф. Черданцев, Н.Н. Вопленко, С.С. Алексеев и другие ученые. На рубеже советской и современной российской юридической науки также стоит отметить работы Т.Я. Хабриевой.

Текущее развитие российской научной мысли по тематике толкования права можно условно разделить на три направления:

- *Практико-ориентированное направление*, в рамках которого исследуются конкретные виды, приемы и способы толкования через анализ практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. К этому направлению относятся труды Ю.А. Гавриловой (толкование по объему), В.Е. Годик и А.И. Рулева (судебное толкование), Ю.С. Ващенко (филологическое толкование), И.И. Лукашука (толкование норм международного права), Е.А. Волосюк (грамматическое толкование), Г.Н. Дудко (казуальное толкование) и др. Хотя эти работы предоставляют бесценный эмпирический материал, их фокус остается преимущественно инструментальным: они отвечают на вопрос, *как* суды толкуют право, но не на более фундаментальный вопрос о том, *что* представляет собой сам процесс толкования.

- *Компаративистское направление*, сосредоточенное на изучении дискурса о «судебном правотворчестве» и доктрин толкования в зарубежных, прежде всего англо-американской, правовых системах. Здесь следует отметить исследования А.Г. Карапетова, Э.Ю. Викторовой, Е.Н. Тонкова, М.А. Беловой. Данные работы обогащают отечественную юриспруденцию, однако зачастую ограничиваются описанием и сравнением зарубежных моделей, не предлагая их синтеза в рамках целостной отечественной концепции.

- *Философско-правовое направление*, исследующее значение для юриспруденции открытий постклассической науки в рамках герменевтики, феноменологии и постструктурализма. В этом русле работают И.Л. Честнов, Е.Н. Тонков, А.И. Овчинников, А.В. Корнев, В.П. Малахов, А.И. Клименко, Г.М. Лановая и другие правоведы. Именно это направление закладывает методологический фундамент для переосмысления природы толкования.

Несмотря на обилие работ, посвященных отдельным аспектам толкования, в современной отечественной правовой науке наблюдается дефицит исследований, раскрывающих содержание и структуру толкования права в целом, как единого онтологического феномена. Существует определенный разрыв между направлениями: практико-ориентированные исследования зачастую оперируют традиционными моделями толкования, опуская

философские сложности, в то время как философско-правовые работы могут восприниматься как оторванные от реальной правоприменительной практики.

Таким образом, приходится констатировать, что отечественной юриспруденции необходима более целостная, философски обоснованная и в то же время практико-ориентированная концепция. Настоящее исследование развивает существующую теорию толкования права именно в этом направлении путем помещения категории смысла в центр теоретико-правового анализа толкования, что позволит не только обогатить теорию, но и предложить новый язык описания для юридической практики.

Объектом диссертационного исследования выступает толкование права как комплексное социально-правовое явление, существующее в единстве трех измерений:

- *доктринального* — как система научных концепций, теорий и подходов, описывающих и предписывающих правила интерпретации;
- *когнитивно-деятельностного* — как мыслительный и волевой процесс, осуществляемый субъектами права (прежде всего, правоприменителем) в ситуации правовой неопределенности;
- *институционального* — как устоявшаяся практика деятельности уполномоченных органов (в первую очередь судов), в рамках которой происходит авторитарное установление и легитимация смысла правовых норм.

Предметом диссертационного исследования являются закономерности влияния характеристик смысла на природу, направленность и модель процесса толкования права.

Цель исследования заключается в разработке нового научного знания, развивающего теоретические представления о толковании права путем рассмотрения явления смысла в качестве онтологического основания данного процесса.

Для реализации данной цели поставлены следующие основные **задачи**:

- выявить характеристики категории смысла, релевантные для ее адаптации к предметному полю юриспруденции;

- установить концептуальное влияние свойств смысла на теорию толкования права, в частности на понимание природы толкования права;
- определить адекватность утверждений о возможности выявления объективного смысла нормы права в контексте постклассической эпистемологии;
- оценить научный потенциал и пределы применимости тезисов о смысле нормы права как о субъективном замысле законодателя;
- выделить теоретические подходы к моделированию процесса толкования права и разработать авторскую герменевтическую модель указанного процесса с учетом основополагающего значения категории смысла;
- определить проблематизацию как отправную точку (начальный этап) процесса смыслообразования при толковании права;
- описать основную стадию процесса толкования права как диалектическое движение между нормой и ее контекстами в ходе поиска и конструирования смысла;
- охарактеризовать завершающую стадию толкования права (аргументацию и легитимацию решения о смысле) и выявить критерии, ограничивающие усмотрение интерпретатора.

Научная новизна исследования состоит в разработке нового научного знания, развивающего теорию толкования права с позиции юридической герменевтики через категорию смысла, понимаемую как основание толкования права и впервые используемую для определения его природы, преодоления дихотомии «объективного/субъективного» в дискуссии о направленности данного процесса и построения оригинальной трехстадийной динамической модели (проблематизация – поиск/конструирование – аргументация).

В отличие от существующих технико-ориентированных подходов, авторское решение проблем теории толкования права позволяет дополнить ее пониманием интерпретации как процесса intersubъективного взаимодействия, что дает основание предложить динамическую модель, интегрирующую

классические этапы «уяснения» и «разъяснения» в более широкую процедуру смыслообразования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что категория смысла (нормы права) может быть охарактеризована, с одной стороны, как динамичное явление, что обусловлено субъективным аспектом смыслообразования, уникальностью каждой конкретной ситуации, задающей контекст для применения (контекстуальность), и, как следствие, возможностью существования нескольких смыслов у одной и той же нормы права (поливариантность); с другой стороны динамика смысла правовой нормы ограничена контекстом системы права, существованием смысла в горизонте традиции толкования права, разделяемых значений правовой нормы (интерсубъективность), а также направленностью правовой нормы (интенциональность). Именно это диалектическое единство свободы и ограничения делает смысл операциональной категорией для юриспруденции. Установлено, что смысл правовой нормы — это формирующееся в интерсубъективном пространстве отношение между: содержанием нормативного текста, контекстом (системно-правовым, социально-политическим, ситуативным) и направленностью правовой нормы — ее телеологическим вектором.

2. Установлено, что присущие смыслу свойства поливариантности, интерсубъективности и контекстуальности обуславливают творческую составляющую толкования права как интеллектуально-волевого процесса актуализации правовой нормы. Указанный тезис подтверждается следующим. Во-первых, при возникновении нескольких смыслов правовой нормы и ситуации выбора между ними, интерпретатор вынужден легитимизировать своей волей только один из них, что создает простор для усмотрения. Во-вторых, в образуемый каждым интерпретатором смысл правовой нормы всегда вносится уникальное «Я» через: своеобразие языка интерпретатора и индивидуальные акты смыслообразования, обусловленные интересами, индивидуальными психологическими и нравственными установками личности

интерпретатора, которые могут приводить к перманентному конфликту даже с буквальным значением толкуемого текста. В-третьих, зависимость смысла от контекста, приводит к тому, что данное однажды толкование смысла правовой нормы может быть неадекватно при изменении контекста и в последующем перерабатываться в иное, иногда прямо противоположное. Вместе с тем, тезис о творческом характере толкования права концептуально уравнивается функциональными (цель толкования – поиск смысла правовой нормы, а не создание новой правовой нормы), институциональными (в романо-германской правовой семье принцип разделения властей не признает за правоприменительным толкованием правотворческой роли) и формально-юридическими (отсутствие у *ratio decidendi* в российской правовой системе статуса источника права) ограничениями.

3. Аргументировано, что теоретико-правовые подходы, ориентированные на поиск объективного смысла правовой нормы, подлежат ревизии и модернизации, в частности, необходимо смещение парадигмы теории толкования права с поиска статического объективного смысла правовой нормы на процесс рациональной аргументации и легитимации выявляемого смысла правовой нормы. Указанный тезис подтверждается следующим. Во-первых, бытие права и его смысла как ценностно-нормативного явления недоступно для критериев «объективной истины», применимых в естественных науках. Во-вторых, сама концепция объективности в постклассической науке претерпела изменения: знание признано содержащим интенции наблюдателя. В-третьих, идея о единственном и неизменном смысле не учитывает выявленный в рамках настоящего исследования динамический характер смысла, обусловленный субъективным истоком смыслообразования, ситуативным контекстом, темпоральным разрывом между принятием нормы и ее применением.

4. Сделан вывод, что ориентация толкования на поиск смысла, заложенного законодателем, несмотря на практические достоинства, имеет свои пределы. Во-первых, замысел законодателя не тождественен смыслу правовой нормы, а является лишь одним из факторов ограничено влияющих на него. Во-

вторых, продукт законотворчества в виде нормы права существует автономно от своего создателя, и попытки реконструкции подразумеваемого остаются вероятностными гипотезами. В-третьих, теория «воли законодателя» ограничена рамками юридического позитивизма и не решает проблему определения фигуры «законодателя».

5. Предложена трехстадийная герменевтическая модель, углубляющая традиционное деление процесса толкования на «уяснение»-«разъяснение» и учитывающая центральное место категории смысла. В рамках этой модели толкование права понимается как процесс установления смысла нормы права, включающий последовательные стадии: 1) проблематизации первоначально явленного смысла правовой нормы, 2) поиска и конструирования смысла правовой нормы через диалектику общего и особенного, общего и частного, 3) аргументации и легитимации решения о смысле правовой нормы.

6. Установлено, что процесс толкования права инициируется стадией проблематизации. Началом процесса толкования права является не формально установленная неясность текста нормативного акта, а сознательный акт проблематизации, заключающийся в рефлексивном преодолении интерпретатором интуитивно воспринятого смысла (сформированного предрассудками, мыслительными привычками и ценностными установками) через постановку тексту правовой нормы вопросов о его соответствии более широкому контексту правовой реальности — принципам права, целям правовой нормы, последствиям применения правовой нормы, обстоятельствам применения правовой нормы, что превращает толкование из пассивного уяснения в активный смыслопорождающий диалог.

7. Основная стадия процесса толкования права — поиск смысла — заключается в сопоставлении текстуального содержания нормы права с ее многообразными контекстами (нормативным, доктринальным, историческим, телеологическим, ситуационным). В ходе этого диалектического движения мысли от общего (норма права) к особенному (конкретная правовая ситуация) и обратно, от частного (норма права) к общему (контексту правовой реальности)

и обратно расширяется смысловое поле толкуемой нормы и накапливаются различные, конкурирующие варианты ее интерпретации.

8. Заключительная стадия процесса толкования права представляет собой волевой акт интерпретатора, направленный на выбор одного из конкурирующих смыслов правовой нормы и его соответствующую легитимацию. Этот выбор не является произвольным, так как, во-первых, предполагает добросовестное отношение интерпретатора к тексту правовой нормы, исключающее восприятие последнего как послушного материала, в который можно обернуть любую идею. Во-вторых, выбор оптимального варианта смысла правовой нормы из ряда возможных должен включать обоснованную аргументацию интерпретатора, которая позволит не только объяснить предпочтение того или иного смысла всем остальным вариантам, но и гармонично вписать его в действующую систему правоотношений. Пределы усмотрения интерпретатора при выборе вариантов правовой нормы задаются иерархией следующих содержательных критериев: 1) формальных (принципы права; правовые, логические и лингвистические аксиомы), 2) институциональных (правила толкования, изложенные в нормативных правовых актах, правовых позициях высших судов; традиции правоприменительного толкования; конвенциональные установки юридического сообщества, выраженные в доктрине) и 3) социальных (разумные ожидания субъектов права; моральные установки общества, реальное состояние общественных отношений в соответствующей сфере).

Методологическая основа диссертационного исследования.

Достижение поставленной цели и решение задач исследования потребовали применения комплексной методологии, сочетающей общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания.

Общенаучным являлся *диалектический метод*, позволивший рассмотреть толкование права как развивающееся явление, характеризующееся внутренними противоречиями (например, между стабильностью нормы и динамикой ее смысла, между общим правилом и уникальной ситуацией).

Широко использовались традиционные для юриспруденции *формально-юридический и сравнительно-правовой методы*. Первый способствовал логическому и последовательному изложению и анализу правовых категорий; второй позволил сопоставить подходы к толкованию в различных правовых школах и правопорядках, выявить их общие черты и особенности.

Значительное место в работе, обусловленное самим предметом исследования, заняли *философские методы*. Применение *герменевтического, феноменологического, а также аналитического методов* было необходимо для формирования собственной философско-методологической позиции. Поскольку категория смысла носит intersубъективный и ценностный характер, ее изучение невозможно в рамках исключительно формально-юридического подхода. Герменевтический метод позволил раскрыть диалогическую природу толкования, феноменологический — исследовать процессы смыслополагания в сознании интерпретатора, а аналитический — уточнить концептуальный аппарат теории толкования. Основой для оформления философской базы исследования выступили труды И.М. Хладениуса, В. Гумбольдта, Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, П. Рикера и др.

Кроме того, в исследовании применялись *системный и структурно-функциональный подходы*, а также метод *реконструкции идей и теорий* для понимания исторической обусловленности развития концепций толкования права.

Теоретическую базу исследования составили: фундаментальные теоретико-правовые и историко-правовые труды отечественных и зарубежных правоведов, посвященные вопросам теории толкования, философии и методологии права.

В их числе работы Г.М. Азнагуловой, С.С. Алексеева, А.Б. Венгерова, Н.Н. Вопленко, Х.И. Гаджиева, А.В. Корнева, В.В. Лазарева, В.П. Малахова, П.Е. Недбайло, Д.А. Пашенцева, А.С. Пиголкина, Е.Н. Тонкова, Т.Я. Хабриевой, А.Ф. Черданцева, И.Л. Честнова, О.Ю. Рыбакова, С.А. Сеницына,

К.Е. Сигалова, О.И. Цыбулевской, Н.Н. Черногора, а также классиков зарубежной правовой мысли, указанных в разделе о степени научной разработанности темы.

Предлагаемое исследование не претендует на радикальный пересмотр основ отечественной теории толкования права, а напротив, опирается на фундаментальные теоретические работы. Автор стремится развить и дополнить их концепции, отвечая на вызовы, поставленные современным уровнем развития науки. Разрабатываемое новое теоретическое знание позволяет обратить внимание на те аспекты процесса смыслообразования, которые ранее оставались за рамками инструментального подхода.

Нормативную базу исследования составили: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также иные нормативные правовые акты, являющиеся объектом интерпретационной деятельности.

Эмпирическая база исследования представлена материалами судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также правоприменительной практикой иных российских и зарубежных органов власти, иллюстрирующей различные подходы и модели толкования права.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем развивается целостная герменевтическая концепция толкования права, опирающаяся на фундаментальные характеристики категории смысла. Доказано их непосредственное влияние на бытие толкования права, дано развернутое описание этих закономерностей применительно к природе толкования, его направленности и процессуальной модели. Сформулированные в работе выводы вносят вклад в развитие общей теории права, философии права и юридической методологии и могут быть использованы при проведении дальнейших исследований по проблемам толкования права.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена тем, что содержащиеся в нем выводы и

предложенная модель процесса толкования могут быть восприняты в целях совершенствования правоприменительной, в первую очередь судебной, деятельности. Практическая значимость работы обусловлена тем, что предложенный подход позволяет усовершенствовать существующие методики судебной аргументации, обеспечивая более высокую степень легитимации принимаемых решений через раскрытие их смыслового содержания.

Теоретическая значимость работы напрямую обуславливает ее практическую ценность. Предложенные требования к глубине аргументации в судебных актах, способствуют раскрытию процесса интерпретационного поиска, а не только его результата. В этой связи, разработанная модель может служить методологической основой для совершенствования судебной аргументации, делая ее более прозрачной, подотчетной и предсказуемой.

Так, правоприменители (в первую очередь, суды) могут легитимировать судебное решение через отражение в нем герменевтического процесса. В мотивировочной части следует: явно формулировать герменевтическую проблему (стадия проблематизации); перечислять рассмотренные конкурирующие интерпретации и их обоснования из различных контекстов (стадия поиска); аргументировать выбор окончательного решения, последовательно проходя уровни процедуры легитимации: от формальных критериев к социальным.

Кроме того, признание ограниченного творческого характера судебного толкования, основанное на предложенной концепции, может стать теоретической базой для дальнейшего укрепления независимости и авторитета судебной власти в системе сдержек и противовесов.

Материалы диссертации также могут быть применены в учебном процессе юридических факультетов при чтении курсов «Теория государства и права», «Философия права», «История политических и правовых учений», а также специальных курсов, посвященных толкованию права и юридической технике.

Апробация и достоверность результатов исследования.

Диссертация выполнена на кафедре теории, истории и философии права и обсуждена на совместном заседании кафедры теории, истории и философии права и отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Достоверность результатов исследования подтверждается их апробацией. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в четырех опубликованных автором статьях, три из которых напечатаны в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты диссертационного исследования докладывались автором на научно-практических конференциях различного уровня, в том числе: на XVIII и XX международных школах-практикумах молодых ученых-юристов (2023, 2025 гг., г. Москва, ИЗИСП); на X, XI, XII и XIII Общероссийских годовых собраниях теоретиков права (2023, 2024, 2025, 2026 гг., г. Москва, ИЗИСП); на XIII Международном конгрессе сравнительного правоведения (2023 г., г. Москва, ИЗИСП); на IV Международном историко-правовом конгрессе «Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова» (2024 г., г. Саратов, СГЮА); на II Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Судебная власть в условиях новых вызовов» (2024 г., г. Москва, РГУП) и на конференции «Ломоносов-2025» (2025 г., г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами, поставленными во введении. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и указываются дальнейшие перспективы исследования данной темы.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования категории смысла в толковании права

§1.1. Адаптация категории смысла к предметному полю юриспруденции: понятие и основные свойства

При первом же подходе к теме толкования права, очевидны, ее философские корни: толкование неразрывно связано с природой мышления. Толкование имеет дело с мыслью — ее восприятием, пониманием, уяснением, переработкой, передачей, разъяснением, интерпретацией. Мы не можем иметь дело ни с чем другим кроме как со своими мыслями, что справедливо замечал еще И. Фихте и И. Кант, любая вещь, в том числе, текст или речь не является нам сама по себе, мы всегда имеем дело с переработанными нашим мышлением объектами — их смыслами. Поэтому, рассуждая о природе толкования, с уверенностью можно констатировать, что это всегда та или иная манипуляция (действие) со смыслом толкуемого.

При всей разнице подходов к проблемам толкования права, в трудах большинства исследователей прослеживается идея толкования права как процесса установления смысла правовой нормы. По мнению А.С. Пиголкина, начальный этап толкования права предполагает, что субъект устанавливает смысл правовой нормы в его полном объеме¹. В свою очередь, Т.Я. Хабриева определяет толкование правовых норм как «процесс, который имеет место в любом случае, когда необходимо установить смысл нормативных установлений»².

Таким образом, рассматривая толкование права как процесс установления смысла, мы не можем игнорировать понятие смысла как такового, его фундаментальные характеристики и специфику процесса смыслообразования. Необходимо детальное изучение данной категории, поскольку смысл как объект толкования права неизбежно влияет на сущность последнего.

¹ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Госюриздат, 1962. С. 62.

² Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. М. : Российская акад. наук, 2018. С. 34.

На текущий момент категория смысла в юриспруденции не имеет вполне самостоятельного содержания, так как традиционно является предметом исследования для других наук: философии, логики, лингвистики, семиотики, психологии, социологии и пр. При этом, указанное не означает, что категория смысла не может быть органически адаптирована к области правовых исследований. В этом плане наибольшие успехи демонстрирует герменевтика, юридизируя философские подходы к толкованию и категории смысла. Фундаментальные труды феноменологов, достижения аналитической философии, бурное развитие философии языка, структурализма, постструктурализма и последние достижения психологии в теории смысла также позволяют глубже проникнуть в обозначенную тематику и сформулировать основные положения о категории смысла, релевантных для юридических наук. В рамках изучения указанных междисциплинарных исследований о категории смысла, предлагается рассмотреть его понятие и свойства, а также проследить валидность приписываемых ему характеристик в контексте теории толкования права.

Одним из основных признаков и свойств смысла, по мнению большинства ученых, является его контекстуальность и соотнесенность с чем-то большим, чем он сам, что с одной стороны устраняет произвол приписывания смыслов, а с другой — предопределяет многообразие смыслов одного и того же текста. Среди исследователей проблемы смысла в психологии выделяется Д.А. Леонтьев, который определяет смысл чего-либо «как место и роль (назначение) в более общей структуре»³. Следовательно, в качестве одного из основных атрибутов смысла Д.А. Леонтьев фиксирует его контекстуальность — смысл чего-либо определяется через отнесение к более широкому контексту.

Важный вклад в раскрытие данного свойства смысла внес Л. Витгенштейн. Нельзя сказать, что понятие смысла являлось центральным понятием его философии, но его разработки в философии языка дали многое для понимания контекстуальности смысла. В своих «Философских

³ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2019. С. 113.

исследованиях» Л. Витгенштейн наводит на мысль, что язык довольно непростое явление и его структурные элементы в виде слов и понятий это зачастую прикрепление ярлыка к вещи. Причем это может быть абсолютно любой ярлык: нет никаких причин называть яблоко словом яблоко, или зеленый цвет зеленым. В действительности, правила употребления слов задает та или иная языковая игра, в контексте которой слова и предложения приобретают смысл. Поэтому ученый подчеркивает, что в предложении содержится не его смысл, а возможность его выразить.

Например, если говорят: «Моисей не существовал», это может означать разное: у израильтян при исходе из Египта не было одного вождя; или их вождя звали не Моисей; или вообще не было человека, совершившего все, что Библия приписывает Моисею⁴. Все это позволяет Л. Витгенштейну констатировать зависимость смысла предложений от контекста языковой игры, в котором то или иное предложение может передавать новый смысл даже старыми выражениями⁵. Л. Витгенштейн приводит различные виды языковых игр (сочинять истории и читать сочиненное, играть на сцене, отдавать приказы и подчиняться, придумывать шутки и делиться ими), в которых одни и те же слова имеют разное значение и меняют его от одной игры к другой.

Определяя понятие языковой игры, философ исходит из того, что можно описать различные игры, как игру в шахматы, теннис или настольные игры, и сказать: «вот это и подобное ему называют играми»⁶. По мнению Л. Витгенштейна определение языковой игры размыто, однако если попытаться это сделать, то его можно обозначить, как устоявшуюся языковую практику. Философ указывает на различный характер языковых игр, не ограничиваясь его исследованием как средством коммуникации и передачи информации, а, в частности, раскрывая его прескриптивный характер, рассматривая слово как действие и т. д. Например, слово «плита» на стройке может использоваться в

⁴ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М. : Издательство «Гнозио», 1994. С. 116.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 112.

самых различных языковых играх: «Плита» как требование передать плиту «Плита»; означающее — «берегись, плита»; «Плита» как указание на плиту и т.д.

Таким образом, Л. Витгенштейн исследует язык не как систему знаков, а как живую практику, при которой смысл слов зависит от их использования в конкретных ситуациях. Его концепция языковых игр наиболее полно раскрывает контекстуальность смысла: любое слово или выражение обладает множеством значений, каждое из которых может быть обнаружено наблюдателем только в контексте конкретного случая употребления соответствующего слова или выражения. При этом, контекст включает в себя не только непосредственное окружение слова или предложения, но и шире — культурные, социальные и прагматические аспекты.

В дальнейшем данную мысль развила школа постструктурализма, которая также констатирует зависимость смысла текста или слова от различных контекстов, вводя понятие «дискурса» — живой речи, смысл которой меняется в зависимости от факторов: кто говорит, когда, с кем, на каком языке, развивая эту мысль до постулата о динамике смыслов⁷. Со школой постструктурализма также связано понятие «интертекста», которое дает качественно иное представление о контексте. Постструктуралисты указывают, что все тексты всегда существуют в более-менее тесной связи с другими, постоянно ссылаясь друг на друга, что, с одной стороны, определяет включенность одного текста в общую совокупность текстов, а с другой — включенность в этот текст всех прочих текстов.

При чем эта же интертекстуальность является и границей для свободы интерпретации: само интерпретирующее «я» понимается как своеобразный текст, «составленный» из культурных систем и норм своего времени, а также существующий внутри этого текста, т. е. в рамках определенного исторического

⁷ История философии XX века. Современная зарубежная философия: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. С. Колесникова. М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 166—167.

сознания, и, следовательно, произвольность интерпретации со стороны этого «я» заранее ограничена исторической обусловленностью его норм и систем⁸.

Свойство контекстуальности смысла вполне релевантно и для юриспруденции, когда мы говорим о смысле правовой нормы. Так, Л.И. Глухарева рассуждая о контекстуальности языка права указывает следующее: «так как правовая норма, будучи символом, живет только в контексте конкретности, то она будет менять свой смысл от одной юридической ситуации к другой»⁹.

Например, в зависимости от социально-политического контекста одно и то же содержание правовой нормы может приобретать диаметрально противоположные смыслы. Наиболее явно это демонстрирует пример эволюции толкования Четырнадцатой поправки к Конституции США от 1868 года в отношении практики расовой сегрегации темнокожего населения. По итогам гражданской войны в США и борьбы за отмену рабства, текст поправки провозгласил равенство всех граждан независимо от цвета кожи. Однако, американское общество, в особенности штаты «глубокого Юга», были не готовы в полной мере воспринять эту норму и продолжали осуществлять дискриминацию темнокожего населения. На юридическом уровне это выразилось в толковании указанной поправки Верховным судом США в деле *Plessy v. Ferguson* (1896), в котором суд постановил, что если отдельные здания, кварталы, вагоны, предоставленные лицам, имеющим расовые различия, являются равными по качеству (принцип «разделены, но равны», установленный в деле *Roberts v. City of Boston* (1850)), то это не приводит к нарушению Четырнадцатой поправки. Тем самым, Верховный суд США фактически утвердил законность расовой сегрегации¹⁰.

⁸ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. С. 20.

⁹ Глухарева Л.И. Конфликт интерпретаций в правоприменении как стимул развития иных систем права // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 238.

¹⁰ Хапчаев С.Т., Кокорев В.Г. Расовая сегрегация как проявление идеологического экстремизма: на примере дела «Плесси против Фергюсона» // *Legal Bulletin*. 2023. №4. С. 30—41.

Однако, спустя более чем 50 лет убеждения людей меняются и для американского общества постепенно становится очевидным несправедливость сегрегации, что приводит к решению Верховного суда США по делу *Oliver Brown et al. v. Board of Education of Topeka et al.* (1954). Толкуя те же положения Четырнадцатой поправки в отношении раздельного обучения людей с разным цветом кожи, суд приходит к противоположному выводу о том, что сегрегированное государственное образование по своей сути является неравным и неконституционным: «в сфере народного образования доктрине «отдельных, но равных» нет места. Раздельные учебные заведения по своей сути неравны. Отделение чернокожих детей от других людей того же возраста и квалификации только из-за их расы порождает чувство неполноценности в отношении их статуса в обществе, которое может повлиять на их сердца и умы таким образом, что вряд ли когда-либо будет устранено»¹¹.

В итоге, мы видим, что изменившийся в течение времени социально-политический контекст (моральные установки общества; политический дискурс) приводит к изменению одного смысла правовой нормы на противоположный. Аналогичные примеры можно встретить и в практике интерпретации российских судов. Так, Конституционный Суд РФ в 1996 году толкуя ст. 3 и 32 Конституции РФ указал, что «высшее должностное лицо субъекта РФ получает свой мандат непосредственно от народа и перед ним ответственно»¹², запретив вмешиваться в прямой порядок избрания такого лица. Но в 2004 году одобряя поправки, позволяющие Президенту РФ вмешиваться в прямые выборы губернаторов, Конституционный Суд РФ сослался на «развивающийся социально-исторический контекст»¹³ и возможность уточнения и изменения прежнего толкования данных статей с учетом нового законодательного регулирования.

¹¹ Chemerinsky E. *Constitutional Law: Principles and Policies*. New York: Wolters Kluwer Legal & Regulatory U.S., 2019. P. 765.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, при толковании права можно говорить не только о контекстуальности смысла правовых норм в целом, но и о контекстуальности смысла отдельных терминов, используемых законодателем. Рассмотрим термин «транспортное средство», который нередко используется в различных отраслях правового регулирования.

В контексте регулирования страхования гражданской ответственности, транспортное средство — это устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем¹⁴. В контексте законодательства о транспортной безопасности, транспортное средство — это не только автотранспортные средства, предназначенные для перевозки по дорогам, но и воздушные суда, речные и морские суда, железнодорожные составы¹⁵. Определение транспортного средства можно также найти в контексте административного права. В одной из статей гл. 12 КоАП РФ в примечании говорится, что транспортным средством, при помощи которого может быть совершено правонарушение в области дорожного движения, является автотранспортное средство с рабочим объемом двигателя более 50 кубических сантиметров и максимальной конструктивной скоростью более 50 км в час, а также прицепы к нему, подлежащие государственной регистрации, трактора, другие самоходные дорожно-строительные машины, трамваи и троллейбусы¹⁶.

Таким образом, мы видим, что смысл одного и того же юридического понятия «транспортное средство» зависит от контекста правового регулирования.

В качестве еще одного атрибута смысла Д.А. Леонтьев называет его интенциональность — указывающая на предназначение, направленность чего-

¹⁴ Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2002. 7 мая.

¹⁵ Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Российская газета. 2007. 14 февраля.

¹⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2005 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

либо на определенную цель¹⁷. Применительно к смыслу какого-либо текста, лингвисты отмечают, что интенциональность, с одной стороны, связана «с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью» адресанта в отношении адресата, а с другой — со «смысловой информативностью» текста¹⁸. Исходя из данных выводов, Ракитина С.В. определяет интенцию как замысел автора, регулирующий содержание аналитической и продуктивной мыслительной деятельности адресата. Ракитина С.В. полагает, что при написании юридического текста адресант актуализирует стратегию коммуникации в соответствии с интенцией, которая предопределяет организацию текста, порядок изложения информации, направленность создаваемого текста на индивидуальное сознание адресата, управляя его отношением к излагаемым положениям¹⁹.

Следует обратить внимание на телеологическую природу смысла, о которой писали, в том числе, некоторые российские правоведы в контексте исследования толкования права²⁰. Действительно, существует некоторое пересечение понятия смысла с понятием цели, хотя между ними нет полного тождества, когда мы говорим о смысле и цели текста. Смысл — это комплексное, многомерное образование, которое включает в себя: семантическое ядро (содержание), контекстуальную обусловленность (исторический, культурный фон), и, наконец, цель (телеологический компонент). Иначе говоря, смысл не замыкается на замысле автора того или иного текста, он также зависит от буквального содержания толкуемого и контекста ситуации, контекста автора и интерпретатора. В качестве подтверждения данного тезиса Дж. Серль приводит следующий пример²¹.
Английский солдат попадает в плен к итальянцам во время Первой мировой

¹⁷ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 25.

¹⁸ Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 51—63.

¹⁹ Ракитина С.В. Интенциональное содержание юридического текста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 107—109.

²⁰ Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Теория и практика. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1988. С. 67.

войны и хочет выдать себя за немецкого офицера, с целью освобождения, но не знает как будет на немецком: «Я немецкий офицер!». Чтобы как-то выпутаться из ситуации он начинает выкрикивать на немецком единственную известную ему строчку Г. Гейне: «Есть где-то в темном небе далекая звезда», рассчитывая, что итальянцы не знают немецкого и примут его слова как сообщение о том, что он немецкий офицер. В указанной ситуации замысел автора текста в том, чтобы сказать: «Я немецкий офицер!», но будет ли он тождественен смыслу высказывания «Есть где-то в темном небе далекая звезда»? Очевидно, что нет. Таким образом, следует признать интенциональность смысла правовой нормы важной характеристикой данной категории, но иметь в виду, что замысел автора нормативного текста или цель правовой нормы самой по себе — это лишь один из факторов, влияющих на воспринимаемый смысл правовой нормы.

Не менее важен для прояснения соотношения этих категорий и временной аспект. Цель чаще всего обращена в будущее. Она есть проект, намерение, желаемый результат. Смысл же раскрывается через прошлое, настоящее и будущее.

Смысл, по мнению философов, не всегда устремлен только вперед, к предполагаемой цели или последствиям, но также и обращен к причине, которая также задает его предназначение. В этом ключе П. Рикер, анализирует «Феноменологию духа» Г. Гегеля и психоанализ З. Фрейда, учения которых представляют, по его мнению, разнонаправленность смысла: Г. Гегель в своей философии видит смысл явлений в «становлении», то есть полный смысл явлений обретается в том, что находится впереди него, что последует за ним в будущем; а З. Фрейд находится в поиске первичных, архаических и изначальных слоев смысла, иначе говоря, в прошлом — в средоточии выпавших в осадок слоев мышления — утраченных объектах²². Таким образом, для П. Рикера смысл обретается в противопоставлении духа и бессознательного,

²¹ Сёрл Дж. Философия языка / пер. с англ. И.М. Кобозевой. Изд. 3-е. М. : URSS, Едиториал УРСС, 2011. С. 56—75.

²² Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М. : Академический проект, 2008. С. 17.

при котором дух имеет свой смысл в последующем и движется в отрицании изначальной точки, удовлетворяясь стремлением к цели, а бессознательное говорит о человеке как о жертве своего детства, которое постоянно тянет его назад²³.

П. Рикер предлагает синтезировать эти точки зрения и использовать при исследовании смысла как учение Г. Гегеля, так и З. Фрейда, представляя такую методологию «прогрессивно-регрессивной». Таким образом, смысл явления можно представить себе, как то, к чему оно развивается и чем должно стать, но в то же время и как то, чем оно явилось изначально и по каким причинам. Поэтому смысл может одновременно отвечать на вопросы зачем и ради чего, включая в себя и причины — регрессивное восприятие, и цели — прогрессивное восприятие. Пример такой прогрессивно-регрессивной интерпретации смысла представляет собой высказывание Ф. Ницше о смысле человека: «человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком»²⁴. Смысл в этом случае выражается и в том, чем был и остается человек — подчеркивается его чувственное существо, но также постулируется чем должен быть человек, на каком он находится пути — раскрывается его трансцендентальное существо.

В таком понимании смысла есть нечто общее с понятием души или «энтелехией» Аристотеля, только если в случае с последним подразумевается некая сила, движущая вещь из потенциального состояния к действительности и завершенности: например, от желудя к дубу, то смысл есть направленность этого движения. Однако, не просто к завершенности, а в растягивании смысла в разных направлениях: от настоящего к прошлому и от настоящего к будущему. То есть, смысл — это всегда охватывание направленности вещи в целом.

Свойство интенциональности смысла можно нередко проследить и в юридическом контексте. В частности, при выявлении смысла правовой нормы мы нередко обращаемся как к истории развития правовой нормы (ее различным

²³ Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. С. 23.

²⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. СПб. : Азбука-классика, 2014. С. 52.

редакциям), так и смотрим на предполагаемый результат — цель, к которой стремится законодатель, совершенствуя раз за разом регулирование одного и того же вопроса.

Вместе с тем, центральное место в дискуссии о свойствах и характеристиках смысла справедливо занимает вопрос о его положении между субъектом и объектом: является ли смысл чем-то субъективным, существующим только в сознании человека, или же можно говорить о самостоятельном бытии смысла и рассматривать его как сущность, заложенную в саму природу вещей? Д.А. Леонтьев, анализируя высказывание Г.Г. Шпета — «смысл объективен и укоренен в бытии» и изречение М. Хайдеггера — «смысл проявляется и строится в пространстве сознания и является феноменом сознания»²⁵, указывает, что это противопоставление непримиримо только на первый взгляд. Прояснить диалектику субъективного и объективного смысла может обращение к истокам феноменологии, являющейся одним из источников вдохновения, как для М. Хайдеггера, так и для Г.Г. Шпета.

Основатель феноменологии — Э. Гуссерль, исследуя понятие смысла, по его собственному признанию, обращается к древней мысли о том, что «разум придает всему, что считают сущим (вещам, ценностям, целям), его смысл, а именно соотносённость этого сущего с тем, что со времени начала философии обозначается словом «истина» и словом «сущее» (вместе — истинно сущее)²⁶. Иначе говоря, мы получаем тождество бытия и сознания: что-либо предназначается для определенной цели — имеет смысл, а данное значение придается вещи в силу интенциональности самого сознания.

Э. Гуссерль считает, что задача, возлагаемая на разум, призвана оправдать человека, сделать его бытие истинным в постоянной борьбе за свою истину. Однако, при решении этой задачи человек столкнулся с глубочайшей проблемой связи между разумом и сущим вообще. Одной из первых попыток решить эту

²⁵ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 19.

²⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб. : Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. С. 28.

проблему, по Э. Гуссерлю, была попытка математизации природы с помощью установления объективных гештальтов. Геометрия и математика, по мнению философа, как раз занимались именно этим: они утверждали идеальные объективности — «аксиомы», которые основывались на intersубъективных априорных эмпирических очевидностях, которые доступны всем.

Э. Гуссерль говорит, что в донаучном опыте мир перед каждым из нас предстает индивидуально, мы регулярно расходимся друг с другом в том, чему придавать бытийную значимость. Мы, конечно, верим, что мир един, и все вещи в нем одни и те же, только они по-разному нам являются²⁷. Это происходит ввиду того, что вещи для нас протяженны и длительны, т. е. для нас вещи якобы имеют «привычки» — в схожих обстоятельствах ведут себя сходным образом. Иначе говоря, причинно-следственные связи в явлениях не более чем наша «привычка», а не свойство вещей, поскольку в нашем временном восприятии одно следует за другим. Однако, это вовсе не означает, что одно явилось причиной другого. Это дает основание Э. Гуссерлю утверждать, что «созерцаемый нами мир обладает общим эмпирическим стилем»²⁸.

На основе этого «общего эмпирического стиля» математика создала идеальные объективности — «аксиомы» и «меры», с помощью которых можно, в обратную сторону, с необходимостью объективно познать все многообразие являющегося мира. Э. Гуссерль же стоит на том, чтобы уйти от этой объективации, которая, по его мнению, породила кризис европейских наук преобразовав методологический способ познания в онтологический критерий.

Философ исходит из следующего. Эмпиризм ничем не лучше рационализма: «собственное существо естествознания — до бесконечности быть гипотезой и до бесконечности подтверждением»²⁹. Исходные пункты современной науки — эмпирическая «очевидность», основанная на привычке, и идеализация до несуществующего в эмпирике как база для объективности.

²⁷ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. Философию. С. 40.

²⁸ Там же. С. 50.

²⁹ Там же. С. 65.

Другими словами, наука полагает очевидным, что две параллельные прямые никогда не пересекаются, однако же, она не может провести эксперимент такого рода и удостовериться этот факт эмпирически, эта аксиома может держаться только за счет того, что мы не можем ни представить себе, ни увидеть где-либо, что они когда-нибудь пересекутся.

Выход из этого тупика Э. Гуссерль видит в обращении к субъективности, к постулированию существования феноменов только в субъектах. По Э. Гуссерлю: «жизнь сознания есть свершающая жизнь, которая вершит бытийный смысл, создает его уже как чувственно созерцающая и тем более — научная жизнь. Бытие мира — есть свершение субъекта»³⁰. Действительно, проще признать субъективный исток науки и отталкиваться уже от него, нет смысла отрицать, что изначальное средоточие объективных смысловых образований и бытийных значимостей состоит в познающей субъективности.

Э. Гуссерль и феноменология в целом, таким образом, совершают переход от эпистемологии интерпретации, исследующей условия понимания чего-либо, к онтологии интерпретации и понимания³¹. То есть понимание или интерпретация предстают перед нами в качестве бытийствующих процессов, а не как условия познания бытия. Феноменология выступает с критикой традиционной философской проблемы противоречия субъекта и объекта, возвращаясь в полемике по этому вопросу к спору реалистов и номиналистов. Обращая внимание на задаваемый этим дискурсом «пробел» между сознанием (оттеняющимся бытием) и реальностью (бытием, которое не может быть дано в оттенке), феноменология соединяет их на почве «смысла». Проблема отыскания смысла в феноменологии неразрывно связана с проблемой понимания, и, соответственно, с интерпретацией³². Но с определенным уклоном в сторону проблемы понимания смысла.

³⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию. С. 136—137.

³¹ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 93.

³² Шпет Г.Г. Явление и смысл: Феноменология, как основная наука, и ее проблемы. М. : Гермес, 1914. С. 14.

Одним из важнейших средств для преодоления проблемы понимания и объективации по Э. Гуссерлю является феноменологическая редукция — метод сомнения: «эпохе». «Эпохе» ведет Э. Гуссерля к «самосмыслению и познанию того, что мир черпает свой бытийный смысл из нашей интенциональной жизни, из ее свершений с их априорной типикой»³³. Феноменология Э. Гуссерля стоит также на том, что в «первичной данности» именно предмет или реальное заставляет нас познавать его так, а не иначе. В свою очередь, наше сознание носит в себе «отпечаток» этого принуждения — оно обладает интенциональностью, т. е. всегда направленно на что-то, «предметно». Таким образом, выражается суть сознания — «быть сознанием чего-нибудь» — «давать смысл»³⁴.

Э. Гуссерль говорит о том, что в мире мы можем лишь найти свое сознание о мире. Наши чувственные восприятия не передают нам данные цвета или звука, мы находим лишь «интенциональность» — направленность нашего сознания на что-либо и в силу этой направленности что-либо существует для нас. Все сводится к следующей тезе: все на что направлено сознание — существует. С помощью редукции мы можем усомниться во всем, но не можем усомниться в том, что мы сомневаемся — мыслим, а если нельзя усомниться в мышлении, то и нельзя усомниться и в мыслимом³⁵. Речь идет не о существовании таких вещей «в мире», а о существовании их в сознании. От того, что они не издают запаха или звука, они не перестают быть реальными для нас и влиять на жизнь сознания. То есть речь идет о существовании неких «интенциональных объектов». Одним из таких объектов, как можно понять, также является право. Поэтому, когда мы говорим о толковании права, мы неизбежно говорим о толковании феномена сознания³⁶.

Производность толкуемого смысла от субъекта интерпретации и его сознания во многом находит свое подтверждение в рамках юриспруденции.

³³ Шпет Г.Г. Явление и смысл: Феноменология, как основная наука, и ее проблемы. С. 243.

³⁴ Там же. С. 133—134.

³⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию. С. 378.

³⁶ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 94.

Субъективность каждого из интерпретаторов не может не оказывать влияние на выявляемые смыслы правовой нормы. Как указывает Д.С. Ягудина, установки, исходя из которых субъект интерпретирует текст, становятся своеобразным фильтром, через призму которого формулируется часть смысла текста в виде герменевты³⁷. Е.Н. Тонков подчеркивает, что «в разъяснении имплицитно содержится интенция интерпретатора, его индивидуальные качества, образы предпонимания нормы, итоги интеллектуальной деятельности по уяснению нормы, в том числе собственное понимание ее смысла»³⁸.

Не последнюю роль здесь играют концепции правопонимания каждого толкователя, которые во многом обуславливают методы работы интерпретатора с правовым текстом и непосредственно влияют на выявляемый смысл. А.В. Корнев анализируя соотношение категорий «понимание права» и «толкование права», констатирует, что имеет место определенность в части того, что представляет собой толкование права, и, увы, отсутствие единообразия в понимании права³⁹. По мнению Варламовой Н.В. «тип правопонимания, который определяет принципиальные подходы к теоретическому познанию и объяснению права в целом и истолкованию любой юридической категории более частного порядка»⁴⁰, в том числе, к толкованию права.

Кроме того, учеными выделяется мышление о правиле и законе (легистское мышление), которое можно отнести к позитивистской традиции правопонимания; мышление о решении (казуистическое мышление), а также мышление о порядке и форме (естественно-правовое мышление)⁴¹. Явственнее всего влияние данных видов юридического мышления и типов правопонимания

³⁷ Ягудина Д.С. Конфликт интерпретаций как социально-герменевтический феномен, его предпосылки, разновидности и способы разрешения // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 247.

³⁸ Тонков Е.Н. Юридическая герменевтика и практические подходы к толкованию права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб. : Алетей, 2016. С. 16.

³⁹ Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. №8 (236). С. 29—43.

⁴⁰ Варламова Н.В. Права человека : теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация : автореферат дис. ... доктора юридических наук. М., 2024. С. 16.

⁴¹ Зыков Д.В. О трех видах юридического мышления // Legal Concept. 2013. №2. С. 82—84.

на толкование права прослеживается в вопросе о предмете толкования. Логистские и эстетические типы ориентированы на толкование воли законодателя, казуистика требует толковать ситуацию сама по себе, достижение справедливости в ней здесь и сейчас, а юснатурализм ищет естественный порядок вещей, пытается вывести смыслы из универсальной сущности права. Отталкиваясь от данных предметов толкования, данные теории получают не объективный смысл, а смысл, соответствующий индивидуальному типу юридического мышления.

Возвращаясь к утверждению Э. Гуссерля о предопределенности смысла сознанием не следует воспринимать его в качестве абсолютного, как простое повторение за философией И. Фихте. Э. Гуссерль не уходит в солипсизм, но для его преодоления он обращается к понятию intersubjectивной реальности. Философ основывается на том, что каждый из нас имеет свой жизненный мир, который мыслится как «мир для всех», но человек соотносит свой мир с мирами других и видит, что они обладают полюсным единством и некоей универсальностью, посредством этого и обретается жизненный мир «для всех». Субъект неизбежно обнаруживает, что окружен «чужими» интенциональными объектами и понимает, что есть Другой. Человек, по Э. Гуссерлю, обладает способностью вчувствования, благодаря которой возможна intersubjectивность. Интенциональные объекты опыта субъекта могут стать таковыми и для Другого. Образую такие «общие» объекты возможно наше общение с Другим по их поводу, т. е. возникает intersubjectивный мир⁴².

А этот intersubjectивный мир есть ни что иное, как мир смыслов, или как пишет уже Х.-Г. Гадамер: мы находимся в определенных «горизонтах». По Х.-Г. Гадамеру, горизонт — это «поле зрения» человека, пространство, в которое попадают люди странствуя в мире смыслов, идвигающееся вместе с ними, дающее возможность выйти за пределы близкого и ближайшего —

⁴² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию. С. 382.

личного смысла, но позволяющего обрести в рамках более значительного целого видение общего смысла, образуемого «слиянием горизонтов»⁴³.

Еще один из исследователей категории смысла, его свойств и характеристик — Ж. Делез, также подчеркивает особый способ существования смысла, иначе говоря, особое бытие смысла. Анализируя спор реалистов и номиналистов о вещах и понятиях, обозначающем и обозначаемом, он приходит к тому, что смысл находится в срединном, «связующем» положении между вещами и предложениями⁴⁴. То есть с одной стороны он не тождественен предложению, а является выражаемым им, с другой стороны — это «бестелесное на поверхности вещей» и нельзя сказать, что смысл существует в вещах. По отношению к ним обоим он выступает, по словам Ж. Делеза, «чистой сущностью», которая не смешивается ни с одним, ни с другим⁴⁵.

Таким образом, смысл у Ж. Делеза — это нечто «нейтральное», он не является словом, вещью, представлением, ему всецело безразлично как специфическое, так и общее, как единичное, так и универсальное, как личное, так и безличное. Он существует в чистом бытии, а не в вещах или даже разуме⁴⁶. Иначе говоря, Ж. Делез придает смыслу независимое существование — он то, что выражается. Данные исследования в области философской герменевтики позволяют ученым утверждать об наличии особого способа существования смысла — в «интерпретированном» бытии⁴⁷.

В этой связи вполне закономерна отсылка Ж. Делеза к «смыслу восприятия» Э. Гуссерля, который отличается «от физических объектов, от психологически пережитого, от ментальных представлений и логических понятий» и являет собой «нечто бесстрастное и бестелесное, лишённое физического или ментального существования, как то, что ни действует, ни страдает, — чистый результат, или чистую «видимость»: реальное дерево

⁴³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. М. : Прогресс, 1988. С. 360—362.

⁴⁴ Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Свирского Я.И. М. : Академический Проект, 2011. С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 32.

⁴⁶ Там же. С. 33.

⁴⁷ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 103.

(дессигнант) можно сказать, оно может быть субъектом и объектом действия, входить в смеси; но ничего подобного нельзя сказать о ноэме дерева»⁴⁸.

Но тем не менее, по Ж. Делезу смысл связан как с предложением, так и с вещью. Предложение — это то, в чем «обитает» смысл, без выражающего предложения не может быть и выражаемого смысла. Вместе с тем, смысл всегда имеет нечто «объективное», связанное с вещью и отличающее его от предложения. Это позволяет говорить о смысле как об атрибуте вещи. Иначе говоря, смысл — это граница между вещами и предложениями⁴⁹.

Д.А. Леонтьев, отмечая всю разницу подходов к понятию смысла со стороны различных ученых, приходит к выводу, что, ведя речь о смысле говорится не просто о конкретной психологической структуре, а про сложную и многогранную реальность, в частности, смысловую реальность, проявляющейся в различных психологических эффектах⁵⁰. Именно поэтому, ученый в дальнейшем ведет речь о нескольких гранях или пространствах существования смысла⁵¹:

1. Онтологический аспект смысла — пространство объективных отношений субъекта и мира, в которых вещи, события и действия имеют для субъекта жизненный смысл и объективно небезразличны ему;

2. Феноменологический аспект смысла — личностный смысл, выступающий в качестве формы познания субъектом своих жизненных смыслов: понимание, что значимо для него, с какими мотивами и потребностями они связаны;

3. Деятельностный аспект смысла — смысловые структуры личности, неосознаваемые механизмы его внутренней регуляции жизнедеятельности; то есть, смысл обладает практической функцией, регулируя деятельность человека, а не только характеризует особенности понимания.

⁴⁸ Делез Ж. Логика смысла. С. 34.

⁴⁹ Там же. С. 36.

⁵⁰ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 113.

⁵¹ Там же. С. 121.

Выделение данных граней смысла позволяет Д.А. Леонтьеву дать более детальное определение смысла как «отношения между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта в жизни субъекта, выделяет этот объект в образе мира и воплощается в личностных структурах субъекта по отношению к данному объекту»⁵².

Таким образом, феноменология, герменевтика и психология переносят проблемы понимания и толкования смысла какого-либо явления, в том числе, права, из статуса эпистемологических в статус онтологических. Ученые возражают и против того, чтобы рассматривать смысл исключительно в качестве определенного аспекта познающего сознания, и против того, чтобы причислять смысл к чему-то объективному, будь это платоновские «идеи» или эмпирическая реальность. Постулируется, что существует особое бытие смысла, которое, при этом, не «объективное» или «чувственно-воспринимаемое» бытие, а именно бытие интерсубъективное, что нисколько не умаляет его реальное существование (экзистенцию) для каждого.

Бытие смысла являет собой органическое единство объективного и субъективного, объединяющим пространством для достижения взаимопонимания между друг другом. В этой связи, диалектика субъективного и объективного выводит нас на диалектику индивидуального и социального в бытии смысла, которая предопределяет многие иные — вторичные свойства смысла.

Так, с одной стороны, смысл можно охарактеризовать как нечто индивидуальное. Рассуждая о бытии смысла в этом аспекте, Д.А. Леонтьев обращает внимание на следующее: во-первых, смысл порождается реальными отношениями субъекта с объективной действительностью, в ходе которых образуется уникальная система смысловых образований субъекта, обусловленная индивидуальностью его восприятия действительности; во-вторых, основным источником смыслообразования являются мотивы и

⁵² Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 122.

потребности личности, которые как раз и обеспечивают уникальность восприятия объективной реальности⁵³.

Д.А. Леонтьев анализируя механизм смыслообразования и роль сознания в этой части приходит к выводу о том, что у каждого человека источником смыслов выступают «индивидуально-неповторимые акты смыслопорождения», которые имеют место в непосредственном взаимодействии с миром⁵⁴. Характерным для человека, по Д.А. Леонтьеву, является то, что его потребности, привычки и интересы носят принципиально надвидовой, личностный, то есть неповторимый и невоиспроизводимый характер, который не может быть объяснен какой-либо универсальной матрицей⁵⁵. Именно эта личностная, уникальная характеристика человека дает ему при соприкосновении с миром возможность генерировать бесконечное число новых смыслов.

Следует констатировать, что взаимодействие со смыслом осуществляется, главным образом, через операцию приписывания. Вещи остаются тем, чем они были всегда, но их смыслы могут появляться вновь, меняться или утрачиваться. Вместе с тем, нельзя сказать, что приписывание осуществляется в полной мере произвольно — в первичной данности именно предмет или реальное, а также окружающий его контекст заставляет нас познавать его так, а не иначе. Операция понимания или способность «вчувствования» позволяет смыслу стать всеобщим для других, однако, все же нельзя сказать, что осуществляется полное копирование смысла, так как понимание это и есть приписывание. То есть, даже понимая кем-то приписываемый смысл, мы в любом случае вносим в акт понимания самих себя, вырабатывая свое собственное понимание этого смысла, которое может быть непохоже на понимание кого-то другого.

Все эти тонкости понимания позволяют говорить о том, что данный мыслительный акт понимания (или приписывания) у каждого из нас уникален,

⁵³ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 111—112.

⁵⁴ Там же. С. 142—143.

⁵⁵ Там же. С. 141.

но при этом он может находиться в более-менее похожем диапазоне понимания с другими. В результате мы получаем не объективную реальность, где понимаемые смыслы соответствуют некоему объективному смыслу, заданному природой или другим человеком, а общий горизонт видения.

Представляется, что дело тут также состоит в самой сфере существования смысла — языке. Язык, как отмечает Н. Хомский, это вычислительная система, порождающая бесконечную вариацию выражений, каждое из которых имеет определенную интерпретацию⁵⁶. Основное свойство языка и указывает на бесконечную протяженность смысла — это рекурсивно-порождающая процедура, которая принимает словарные элементы на вход из лексикона и действует в многократном повторении, порождая структурированные выражения, не ограниченные по сложности⁵⁷. Таким образом, поле языка располагает к тому, чтобы смысл вечно проговаривался в различных текстовых вариациях, которые никогда не были бы ему полностью тождественны.

Бесконечное порождение самых различных выражений позволяет говорить об индивидуальности формулируемого текста или речи. Если мы попытаемся передать смысл текста через поле языка, но при этом не исказить его, не потерять часть и не добавить нового, необходимо будет просто скопировать этот текст. Как указывает С.А. Жданов, уникальность комбинаций знаков и выражений языка делает возможным формирование двойственности, неоднозначности смысла: «символ заставляет мыслить». Более того, в многозначности символов проявляет себя также аллегорическая функция языка (аллегория означает: говоря одно, говорить и другое)⁵⁸. На это же указывает В.И. Глухарева, обращая внимание на структуру языкового знака, его асимметрию, многообразие знаков, выражающих смыслы, универсальные

⁵⁶ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 6.

⁵⁷ Там же. С. 58.

⁵⁸ Жданов С.А. Герменевтика права в работах Поля Рикера // Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетей, 2015. С. 55.

свойства языка, а также тот факт, что он постоянно развивается, слова обретают новые значения и смысловые оттенки⁵⁹.

Л. Фуллер полагает, что словесная коммуникация не состоит в транспортировке смысловых блоков из одной головы в другую: она подразумевает усилия, направленные на стимулирование в другом уме процессов восприятия, которые будут в максимально возможной степени соответствовать аналогичным процессам, которые имеют место в уме передающей стороны. Если адресовать вам слова в ситуации, которая требует определенной точности коммуникации, необходимо спросить себя, какое именно значение я приписываю словам, которые я использую, что именно вы имели бы в виду, если бы использовали те же самые слова, и что, по вашему мнению, скорее всего буду иметь в виду я, используя эти слова в контексте наших взаимоотношений, не говоря уже о более сложных цепочках взаимных ожиданий⁶⁰.

Дело в том, что люди не фиксируют вкладываемый в слово или действие смысл, он не присутствует независимо от конкретного человека, то есть объективно. «Самое большое, на что мы можем надеяться, это ухватиться за созданную нами самими иллюзию стабильности, впечатление того, что мы все же понимаем, что имеем в виду, используя выражения языка» — говорят нам философы⁶¹. Именно по этой причине можно потеряться во множестве значений, которые подразумеваются в процессе использования слов или формирования социальных действий в определенном пространстве. Следовательно, единственное, что может сделать агент речи, это вступить в сообщество, которое «способно генерировать и поддерживать ту иллюзию относительной стабильности значений, которая столь необходима для

⁵⁹ Глухарева В.И. Конфликт интерпретаций в правоприменении как стимул развития иных систем права // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 243—245.

⁶⁰ Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2007. С. 269.

⁶¹ Ладов В. А. Витгенштейн и Хакер о языке ощущений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 135—140.

успешного использования языка»⁶². Конкретный агент речи ждет от социума одобрения своих действий по употреблению слов, приводящих к корректным (социально-одобряемым) моделям поведения. Социальный агент подтверждает свою уверенность в правильности словоупотребления и интерпретации используемых слов со стороны всех участников коммуникации. Так возникает впечатление стабильного и ясного употребления языковых выражений. Постоянные перекрестные ссылки участников коммуникации в социуме приводят к уверенности в правильности толкования смысла и использования слов⁶³.

Развивая данные выше умозаключения о свойстве intersубъективности смысла в контексте юриспруденции и применительно к смыслу нормы права, следует указать, что единство и стабильность при толковании правовых норм обеспечивается конвенциональностью правовых смыслов, а не их объективным существованием. То есть, правовая норма не имеет своего референта в объективной действительности; как она сама, так и ее смысл — это продукт социального взаимодействия: коммуникации, диалога и соглашений. Такое раскрытие категории смысла правовой нормы во многом приближают нас к утверждениям социологической школы права, что вполне доказывает валидность изучаемых философских разработок для предметного поля юриспруденции.

Как мы уже отмечали ранее, при констатации индивидуальности смыслов от солипсизма нас спасает наличие intersубъективной реальности: каждый из нас имеет свой жизненный мир смыслов, но соотнося его с мирами других мы видим, что они обладают полюсным единством и некоей универсальностью, посредством этого и обретается жизненный мир «для всех».

Таким образом, смысл существует в intersубъективности и предполагает диалог между личными универсами. Понимать смысл — это значит прежде

⁶² Ладов В. А. Витгенштейн и Хакер о языке ощущений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 135—140.

⁶³ Равочкин Н.Н. Влияние философских идей Л. Витгенштейна на современное право // Философия права. 2018. №1 (84). С. 12—16.

всего понимать друг друга (взаимопонимание). Люди понимают друг друга либо непосредственно (через очевидность), либо договариваются до достижения взаимопонимания. Поэтому и смысл, например, текста нормы права доступен как интерсубъективный объект, тем самым становясь возможным в качестве общего. Тем не менее, интерсубъективность не исключает различие и индивидуальность смыслов, так как интерсубъективных смыслов одного и того же текста может быть несколько.

Констатируемая уникальность смысла и его производность от индивидуальных актов смыслопорождения выводят на постулат о многообразии смыслов и отсутствии некоего единого и объективного смысла чего-либо. Исследования постструктуралистов приводят их к той же мысли об истоках смыслообразования в глубине индивидуальности, что обеспечивает уникальность каждого смысла, но, при этом, они фиксируют попытку захватить дискурс через «овладение» единым смыслом. Решение они находят в диалоговой природе смысла. Только этот диалог выстраивается не между индивидуумами, а между текстом, автором и читателем.

Так, постструктуралисты считают, что неизбежность интерпретации дает возможность индивиду творить новые смыслы (или их оттенки), что позволяет характеризовать феномен смысла как уникальное и индивидуальное. По мнению этой школы философской мысли, это есть путь к «власти», к «господству» над миром через приписывание смыслов, поскольку в том мире постструктурализма, где доминируют представления о практике не как о чувственно-предметной форме жизнедеятельности, а как о дискурсивных практиках, т. е. фактически замкнутых в пределах сознания, «налагание» нового смысла на любой феномен материальной или духовной действительности означает его подчинение этому «новому смыслу»⁶⁴.

Ввиду индивидуального характера бытия смысла, постструктурализм фиксирует его ограниченность для всей окружающей действительности, поэтому не принимает никаких метатекстов и метаобъяснений всего, некоего

⁶⁴ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. С. 46.

«всеобщего» смысла. Постструктуралисты указывают на абсурдность и противоречивость тотальных концепций, пытающихся объяснить все мироздание. По их мнению, стремление к «овладению» смысла всего приводит к тому, что только один из множества имеющих право на существование смыслов признается верным и навязывается другим, что уничтожает эту самую индивидуальность. Они исходят из того, что прежние трактовки понимания смысла фактически вели речь о его овладении и присваивании смысловым стереотипам, господствовавшим в сознании⁶⁵. Смысл, по их мнению, более не является вопросом общепризнанной реальности, а скорее эпистемологической и онтологической проблемой изолированного индивида в произвольном и фрагментированном мире"⁶⁶.

На выход из этой ситуации указывает М. Фуко — во-первых, нужно осознать и свою неизбежную историческую ограниченность, и тот факт, что каждая интерпретация является поневоле творческим актом — в силу метафорической природы языка, неизбежно предполагающей «необходимость ошибки», во-вторых, нужно отвергнуть «устаревшее представление» о возможности однозначно прочесть любой текст. Правильное прочтение и интерпретация, по мнению философа, представляет собой «беседу» автора, читателя и текста, выявляющую «сложное взаимодействие» авторских намерений, программирующей риторической структуры текста и «не менее сложного» комплекса возможных реакций читателя⁶⁷. Таким образом, постструктуралисты вслед за феноменологами также фиксируют диалоговую природу бытия смысла, обогащая эту характеристику дополнениями о сложной структуре процесса передачи смысла через автора, язык и сознание читателя.

Для раскрытия значения последнего следует вспомнить о тезисе структурной лингвистики Ф. де Соссюра в виде концепции произвольности знака: «означающее немотивированно, т. е. произвольно по отношению к

⁶⁵ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. С. 33.

⁶⁶ Там же. С. 217.

⁶⁷ Там же. С. 190.

означаемому, с которым у него нет в действительности никакой связи»⁶⁸. Слово и смысл не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается никогда не присутствует в знаке.

Развивая эту мысль, Ж. Деррида критикует традиционный концепт коммуникации, который предполагает передачу, призванную переправить от одного субъекта к другому тождественность обозначенного объекта, смысла или концепта, формально позволяющего отделить себя от процесса этой передачи и от операции означивания. То есть, в качестве исходных предполагаются субъекты и не подлежащие трансформации объекты, или смыслы, а операция означивания мыслится как попытка прозрачной трансляции. В этой системе тема перевода, например, оказывается однозначной и ясной, и не представляет собой проблемы, на первый взгляд.

Следствием такой трактовки знака, по мысли Ж. Деррида, и вопреки изначальной позиции лингвистики, язык оказывается кодом, а перевод — чистым «переносом» означаемых «инструментом» означающего. С точки зрения Ж. Деррида, метафизическое, или «идеалистическое», представление о языке и тексте исходит из предданности и неизменности транслируемых смыслов, во-первых, и абстрактных субъектов языка, во-вторых, — т. е. предполагается некое «трансцендентальное означающее», независимый от языка концепт, в какой-то момент не работающий в качестве означающего. А «говорящие субъекты», таким образом, и то, к чему отсылают говорящие в прошлом или будущем, формально отделены от самого процесса смыслопредставления — текста.

В действительности ни один текст не является самодостаточным, а оказывается «текстом, продуцирующимся лишь в порядке трансформации какого-то другого текста», означаемое функционирует и как означающее, а коммуникация — процесс формирования смыслов, поливариантный по своему характеру. Ж. Деррида по-новому подходит к проблеме озвученного/звучащего языка и языка письменного: речь в противоположность письму фиксирует

⁶⁸ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. С. 24.

высказанный здесь и сейчас смысл, в то время как понимание письменного лежит в поиске многих вариантов смысла⁶⁹. Вывод, к которому приходит Ж. Деррида, состоит в том, что нет и не может быть единства языка понятий, не может быть единственно верной оценки или ядра интерпретации: ситуация в языке повторяет ситуацию в обществе и культуре — это может быть обозначено как процесс децентрации и рассеяния.

Поливариантность смысла, по мнению Ж. Деррида, также проистекает из того, что невозможно уловить каждый смысл интерпретируемого текста. Постструктуралисты стремились показать, что за общими «структурами» текста, которые находили их предшественники, всегда стояли необъяснимые «темные» места, внутренние противоречия или выпадающие из общего концепта смыслы, напрасно мыслимые как исключения и побочный продукт. Так называемые «остаточные» смыслы в тексте не случайны, по мнению Ж. Деррида; наследие речевых и дискурсивных практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируется под воздействием языковых клише его эпохи⁷⁰.

Негативно относится к идее единственного смысла и коммуникативная теория права: «единственный смысл текста есть наихудший результат его толкования, поскольку не позволяет далее поддерживать осмысленный диалог»⁷¹. Так, если обратимся к практическим примерам, то мы увидим, что законодательство нередко оперирует такими оценочными категориями, как «разумность» судебных издержек, «уважительная» причина, «несоразмерность» неустойки, «добросовестность» приобретателя, «существенный» недостаток и т. д. Очевидно, что устанавливать единственно верный смысл уважительности, разумности или существенности нецелесообразно. Это оценочные понятия,

⁶⁹ История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М. : Академический Проект, 2005. С. 462—464.

⁷⁰ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. С. 4.

⁷¹ Беляев М.А. Нормативность в правовой герменевтике: эпистемический аспект // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 102.

которые могут быть раскрыты только в конкретных ситуациях и ни одно определение не будет для них исчерпывающим.

Когда мы говорим о поливариантности смыслов правовой нормы, следует отметить, что различные смыслы формируются в сознании интерпретаторов не только в силу эпистемологических причин, но и факторов практического характера. Если речь идет о конфликте интерпретаций сторон в судебном процессе, то он во многом обусловлен противоположными целями и интересами сторон. То есть стороны стараются дать такую трактовку норме права, которая предполагает принятие решения в ее пользу. Ф. Либер приводит пример такого конфликта: речь шла о толковании положения закона, который более сурово карал за преступления, совершенные в ночное время суток. Толкуя это положение, обвинитель исходил из того, что ночным временем может быть признано, когда солнце поднимается из-за гор, а защитник считал, что, когда наступает утро по времени часов, благодаря чему следовал вывод о совершении преступления в дневное время⁷².

Рассмотрим еще один пример из отечественного правопорядка. Высказываясь о внесудебной конфискации имущества в 1997 г. и толкуя нормы таможенного законодательства, Конституционный Суд РФ определил данную меру как законную, в связи с наличием гарантии последующего судебного контроля в виде обжалования такой меры⁷³. Но в последствии уже через год Конституционный Суд РФ высказался против возможности внесудебной конфискации, толкуя те же нормы права, но уже исходя из того, что судебное решение не является достаточным с точки зрения обеспечения судебных гарантий права собственности, ибо одна только возможность такого обжалования не исключает лишения собственности без судебного решения⁷⁴. Как верно замечает Н.В. Малиновская, здесь даже дело не в том, что

⁷² Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 250.

⁷³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.1997 № 8-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.1998 № 8-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

изменились какие-то обстоятельства и, в этой связи, появилась иная интерпретация — изначально было несколько интерпретаций, только в 1997 г. одна из них была в особом мнении, а потом переместилась в статус официальной интерпретации⁷⁵.

Здесь уместно сказать о том, что именно в судебном процессе становится вполне ясно о возможности нескольких трактовок нормы права. Судебный процесс однозначно обостряет конкуренцию смыслов в силу своего вербального и гласного характера, построенного на принципах диалога, а также различия интересов тяжущихся сторон. По мнению В.И. Глухаревой герменевтическая ситуация истолкования в судебном процессе осложняется диалогом сторон, когда от авторитета, красноречия и убедительности любой из них может зависеть признание той или иной версии интерпретации⁷⁶.

Именно в судебном процессе интерпретатор получает возможность встретиться с новыми смыслами для себя, так как презентует их уникальный Другой. При чем это замечание касается как каждой из сторон, так и самого судьи. То есть, коммуникация сторон актуализирует скрытые для правоприменителя смыслы, которые прямо не сформулированы в тексте нормы, подлежащей применению. В.И. Глухарева анализируя перспективы такого толкования приходит к тому, что маловероятно полученная в результате интерпретации казуальная норма будет копией смысла (близкой или даже тождественной) той общей норме, которая положена ответственными за исход дела лицами в основу рассмотрения того или иного юридического случая⁷⁷.

Постструктуралисты также отрицают возможность единственно правильной интерпретации текста и отстаивают тезис о неизбежной ошибочности любого прочтения⁷⁸. Утверждение о том, что смысл нельзя «прикрепить» к какому-либо тексту, предложению или слову, а также

⁷⁵ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 120.

⁷⁶ Глухарева Л.И. Конфликт интерпретаций в правоприменении как стимул развития иных систем права // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 243.

⁷⁷ Там же. С. 236.

⁷⁸ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. С. 4.

фиксируемая поливариантность и уникальность смыслов, приводит ученых и философов к мысли о динамике в бытии смысла.

Так, в отличии от классических представлений о смысле, как о чем-то изначально существующем («здоровом смысле»), Ж. Делез мыслит его как вечно становящееся и порождающееся событием смысла. При чем такое становление для Ж. Делеза это растягивание смысла сразу в двух противоположных направлениях, создание парадокса, который разрушает возможность некоего общего тождества⁷⁹. Смысл, по Ж. Делезу, это всегда двойной смысл⁸⁰.

Похожее свойство смысла обнаруживает и Х.-Г. Гадамер отмечая, что подлинный смысл текста никогда не может быть исчерпан, а приближение к нему — это бесконечный процесс. Помимо того, что в процессе постижения смысла устраняются различные предрассудки и замутнения понимающего, всегда открываются новые неожиданные смысловые связи. Более того, в процесс постоянного движения и расширения смысла вовлечен временной разрыв между наличием предмета и постижением его смысла⁸¹.

Указанные выводы вполне актуальны и для смысла правовых норм. Почти каждая норма, пусть даже в минимальной степени, меняет свой смысл при ее применении в конкретных случаях, каждый из которых имеет свои отличительные черты. Как указывает А.И. Овчинников, нет одинаковых случаев, каждый из них уникален и неповторим, отличается индивидуальными свойствами, так как социальные явления есть результат бесконечной, разнообразной и неповторяющейся деятельности человека и всегда окрашены какими-нибудь индивидуальными характеристиками, что позволяет говорить лишь об аналогичности, но никак не о тождественности (аналогия же процесс интуитивный)⁸². Многообразие правовых ситуаций невозможно систематизировать в неподвижный, неизменяемый порядок, каждую ситуацию сложить в отдельный, полагающейся ей ящик.

⁷⁹ Делез Ж. Логика смысла. С. 12.

⁸⁰ Там же. С. 50.

⁸¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 353.

⁸² Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 2002. С. 53.

По мнению Э.Х. Леви, в судопроизводстве используется особый род мышления: квалификация меняется по мере того, как она осуществляется, т. е. нормы меняются в результате их толкования применительно к конкретным обстоятельствам. Но дело в том, что меняются не только ситуации, но и сами люди, их стремления, именно поэтому, правовые нормы и категории должны быть в состоянии «ассимилировать новые идеи»⁸³, возникающие в обществе. На этот же момент обращает внимание и Г.М. Азнагулова, указывая, что «правовые категории по своему содержанию носят динамический характер»⁸⁴. Таким образом, динамический характер смысла обычного текста или текста нормативного правового акта — это фактор, с которым необходимо считаться.

Х.-Г. Гадамер называет ключевой ошибкой при понимании исторических текстов предрассудок завершенности смысла, т. е. не только восприятие смысла как структуры, которая может быть договорена до конца, но и предожидания, и предвосхищения от смысла⁸⁵. На это же указывает и Д.А. Леонтьев, подчеркивая, что смысл не задан априори, он создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершен. Смысл нельзя приклеить, долго существует лишь его каркас⁸⁶.

Таким образом, доказано, что обозначенные философами, психологами и социологами характеристики смысла могут быть адаптированы к предметному полю юриспруденции. Среди таковых свойств категории смысла (нормы права) отмечены: контекстуальность — обусловленность более широким целым: социально-политическим, системным, языковым; интенциональность — телеологическая направленность, объединяющая причины и цели; интерсубъективность — обусловленность процесса смыслообразования уникальными субъективными установками личности, но в то же время, возможность существования общего смысла в пространстве диалога,

⁸³ Леви Э.Х. Введение в правовое мышление / пер. с англ. А.С. Мамуляна и Л.Ф. Пирожковой. М. : Наука, 1995. С. 12—13.

⁸⁴ Азнагулова Г.М. Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 138—151.

⁸⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 348.

⁸⁶ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 13.

взаимопонимания и конвенций правового сообщества; поливариантность — множественность равновозможных интерпретаций; динамизм — незавершенность, становление в процессе применения.

Проведенный анализ философских учений (феноменологии, герменевтики, постструктурализма) позволяет заключить, что категория смысла обладает особым статусом, не сводимым ни к объективной данности (сущности), ни к субъективному произволу (переживанию). Ключевым для дальнейшего юридического анализа является вывод о двуединой природе смысла: с одной стороны, его индивидуальный, динамичный, контекстуальный и поливариантный характер, выражающийся в различных интерпретациях одной правовой нормы и эволюции ее толкования; с другой — его статичность, обеспечиваемая интенциональностью, конвенциональностью и погруженностью в «горизонт» традиции: единообразия судебной практики, правовых позиций высших судов, доктринальных консенсусов (*communis opinio doctorum*), принципов права.

В целях операционализации используемых понятий для дальнейшего исследования вопросов толкования права предлагаются следующие определения:

1. Смысл (правовой нормы) — это выявляемое в результате толкования права отношение в пространстве intersубъективного: между содержанием толкуемого (правовой нормы), контекстом (ситуативным и системным), направленностью толкуемого (целью).

2. Интерсубъективность: Способ бытия смысла, при котором он существует не изолированно в сознании индивида и не как объективная сущность, а в пространстве разделяемых значений, диалога и взаимопонимания внутри правового сообщества. Смысл формируется не только в сознании интерпретатора, но в диалоге между: (а) профессиональным правоприменителем (судьёй) и вышестоящими инстанциями (через правовые позиции), (б) судом и участниками процесса (сторонами, чьи аргументы

презентуют альтернативные интерпретации), (в) юридическим сообществом в целом (доктрина, традиции толкования).

В заключение необходимо очертить границы этого понятия, в частности, провести черту между категорией смысла и смежными понятиями значения и содержания. Касательно первого ученые отмечают, что есть две традиции использования понятий «смысл» и «значение»: в первой смысл выступает как полный синоним значения; во второй — смысл и значение образуют концептуальную оппозицию⁸⁷. Если обращаться ко второй традиции, то речь идет о том, что значение у текста (знака) может быть только одно, а смыслов — несколько, так как различные контексты могут задавать и различные смыслы. Значение здесь мыслится как объективная реалья, которую обозначает текст (знак), в отрыве от контекста его употребления. Иначе говоря, это кантовская «вещь-в-себе» в мире лингвистики. Похожим образом определяется понятие содержания в случае его отделения от понятия смысла — это совокупность элементов, фактов, данных или утверждений, которые явным образом присутствуют в тексте, сообщении или явлении.

Не вдаваясь глубоко в философскую дискуссию о различии и тождестве данных понятий, отметим, что в рамках настоящего исследования понятия смысла, значения и содержания употребляются следующим образом. Мы будем рассматривать смысл как синоним значения, потому как концептуальная оппозиция указанная выше усматривается не противопоставлении смысла и значения, а в различении смысла и содержания. Содержание — это то, что составляет текст: нейтральные языковые единицы (буквы, слова, предложения), грамматические и синтаксические конструкции, представляющие статику языка. Смысл же это динамическое отношение между (а) содержанием толкуемого явления (текста), (б) контекстом, (в) направленностью толкуемого. Соответственно содержание толкуемого будет всегда одним и тем же, однако смысл будет подвержен флуктуациям из-за изменений контекста ситуации или контекста ожиданий воспринимающего.

⁸⁷ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 11—12.

Стоит отдельно отметить, что проведенный философский анализ категории «смысл» не является для правовой науки ключевой задачей. Данное исследование продиктовано тем фактом, что современная методология права столкнулась с серьезными концептуальными затруднениями, будучи ограниченной рамками «объективного» и «субъективного». Используя данные эпистемологические модели, классическая юридическая доктрина столкнулась с проблемой раскрытия онтологии смысла. Выявленные интересующая и диалектическая природы смыслообразования, объединяющие творческий потенциал интерпретатора и конвенциональные границы правовой среды, выступает тем методологическим фундаментом, который позволяет по-новому подойти к фундаментальным проблемам толкования права. Например, к разрешению фундаментальной правовой дихотомии «воли закона» и «воли законодателя», а также построению динамической модели процесса толкования права.

§1.2. Влияние свойств смысла на парадигму толкования права

Толкование и его природа вызывают достаточно много дискуссий. Попытки охарактеризовать этот процесс с точки зрения его значения, целей, субъектного состава, объекта и сущности в целом неоднократно предпринимались в истории юридической науки. Сама суть понятия «толкование» с юридической точки зрения изменялась с течением времени. В качестве наиболее яркого и наглядного примера такого изменения можно привести утверждение исследователя римского права Ч. Санфилиппо: по его наблюдениям, изменилось не только понимание процесса, но и сам результат толкования, и если на сегодняшний день функция интерпретатора ограничена только выявлением смысла текста закона или договора, то во времена деятельности римских юристов результатом толкования вполне могло стать создание новой нормы⁸⁸.

Можно с уверенностью сказать, что сейчас в отечественной юридической науке также стала традиционной мысль о недопустимости при толковании права каких-либо отступлений от воли законодателя и внесения с его помощью нового содержания в правовую норму. Однако, этот момент заслуживает пристального внимания, так как фактически сводит на нет вопрос о творческом характере толкования права, который все еще является дискуссионным для юридической науки. Не будет преувеличением сказать, что разрешение этой проблемы существенно влияет на понимание, что из себя представляет толкование права в целом: претендует ли оно на что-то большее, чем просто экзегетика права — расшифровка мысли законодателя или же воли закона? А именно, можем ли мы утверждать, что толкование права не только переводит содержание права на более доступный для правореализации язык, но и корректирует само содержание интерпретируемого материала?

В советской правовой доктрине данные вопросы имели ограниченный диапазон обсуждения вследствие зависимой роли судов и отсутствия какой-

⁸⁸ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / под ред. Д.В. Дождева. М. : БЕК, 2002. С. 18.

либо состязательности в судопроизводстве. Общепринятое мнение в это время выражал А.С. Пиголкин: не отрицая творческий элемент в процессе толкования и называя его «своего рода искусством, где необходимо активное применение интерпретатором своих знаний и опыта»⁸⁹, он считал недопустимым привнесение толкованием права нового содержания в правовую норму.

Аналогичную позицию занимала и Т.Я. Хабриева, негативно воспринимая возможность «подправления» закона с помощью толкования при игнорировании воли законодателя, если она отразилась на смысле закона. Более того, Т.Я. Хабриева настаивает на возможности установления единственного правильного понимания смысла нормы⁹⁰, что является характерным для правоведов, которые скептически настроены по отношению к восприятию процесса толкования как креативного.

В соотношении толкования с конкретизацией права, Т.Я. Хабриева подчеркивает, что толкование «не вносит ничего нового в содержание толкуемой нормы, лишь способствует правильному пониманию соответствующих предписаний, а «конкретизация предполагает дальнейшее развитие, детализацию правовой нормы, т.е. дается более развернутое и в этом смысле новое содержание»⁹¹. Н.А. Власенко и М.В. Залоило поддерживают данную точку зрения и указывают, что «в результате конкретизации в регулирование той или иной сферы общественных отношений вносятся определенные элементы новизны, а толкование права не выходит за рамки содержания толкуемой нормы... при толковании нормы права ее содержание, как и сфера действия, остаются неизменными»⁹².

Однако, не только изменившаяся политико-правовая система требует уточнения данных утверждений, но и новейшие философские разработки в теории толкования права и теории смысла. Как уже было подчеркнуто в первом параграфе, понятия интерпретации, языка, текста, и особенно категории

⁸⁹ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 35.

⁹⁰ Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. С. 47—48.

⁹¹ Там же. С. 51-52.

⁹² Власенко Н.А., Залоило М.В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. №8 (236). С. 43—57.

смысла, выступали в качестве центра внимания для философов XX века, что привело к более глубокой концептуализации теории толкования в целом. И.Л. Честнов подчеркивает, что в постклассической перспективе толкование права представляет собой установление социального значения и личностного смысла юридического феномена (нормы права в соотношении с ситуацией и контекстом)⁹³.

Объективная потребность в теоретической концептуализации герменевтических моделей и глубокой имплементации категории смысла в предметное поле юридического анализа определена онтологическим статусом права как сложной системы. Если классическая правовая догматика, во многом определяемая установками советской школы, опиралась на презумпцию семантической стабильности и возможности исчерпывающей объективации смысла в тексте нормы, то современная постклассическая эпистемология исходит из принципиально иных методологических оснований.

Сущностно-бытийные свойства смысла — его контекстуальность (зависимость от конкретной «языковой игры» и социокультурной ситуации), внутренняя динамика (незавершенность и способность к постоянному приращению), интересубъективность (ограниченность горизонтом традиции, но в то же время постоянно обогащаемость уникальными смыслами за счет субъективного аспекта смыслообразования), а также поливариантность (отсутствие единственного и окончательного референта) — трансформируют юридический текст из статичного и пассивного объекта познания в активное и динамическое поле для бесконечной интерпретации. В этой связи толкование перестает быть лишь факультативной операцией по «расшифровке» текста и превращается в имманентный, неустранимый способ бытия самой правовой реальности.

В рамках настоящего исследования предлагается использовать данную методологию применительно к теории толкования права и сместить акцент

⁹³ Честнов И.Л. Онтология толкования права: постклассическая диалогическая методология // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2024. С. 22.

внимания: рассматривая традиционное понятие толкования права — «процесс, направленный на выявление смысла нормы права», сфокусироваться в этом определении на категории смысла и его свойствах. В результате чего мы получаем новую оптику, которая позволяет нам по-иному взглянуть на сущность толкования права, его направленность и модель.

В частности, постулат о том, что в текст правовой нормы не может вноситься нового содержания при толковании, теперь не должен быть воспринят как всеобъемлющая истина, без уточнения некоторых тонкостей. Безусловно, толкование права не следует смешивать с правотворчеством, так как первое имеет своей целью установить смысл правовой нормы и наиболее полно раскрыть его, а не создать новое правило поведения. Правоведы также весьма точно указывают на недопустимость подмены правоприменительными органами функций законодательных и нарушения принципа разделения властей. Вместе с тем, это не означает, что правоприменители — в первую очередь суды, не участвуют в создании ткани права совместно с законодателем, а в некоторых случаях при толковании права не происходит создания новых смыслов правовой нормы само по себе. Эта мысль не является абсолютно новой для юридической науки, но в ее развитие предлагается авторский ряд детерминант творческой составляющей толкования права, как философско-правовых, вытекающих из свойств категории смысла, так и чисто юридических.

Касательно первых, например, Х.-Г. Гадамер обращает внимание на спекулятивный характер толкования. Это выражается в том, что, по мнению философа, не существует никакого «смысла в себе», толкователь работает со смыслом в соотнесенности со своим «Я» и неизбежно привносит его через язык толкования: «толкующее слово суть слово толкователя — это не язык и не словарь толкуемого текста»⁹⁴. То есть, толкователь зачастую и не подозревает, что привносит в истолкование себя самого и свои собственные понятия. Языковая формулировка так тесно сплетена с самим мнением интерпретатора, что она никогда не становится для него отдельным предметом рассмотрения⁹⁵.

⁹⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 547.

⁹⁵ Там же. С. 469.

Уяснение по Х.-Г. Гадамеру не есть простое воспроизведение переданного текста и тем более не повторение вслед за текстом того, что в нем сказано, но подобно некоему новому творчеству, творчество понимания. Истолкование, которое развертывает смысловые импликации текста и дает им отчетливое языковое выражение, кажется по отношению к уже данному тексту новым творчеством и тем не менее не претендует на самостоятельное по отношению к пониманию бытие⁹⁶. Не менее важно, что при толковании особое место занимает «индивидуальное мировоззрение интерпретатора»⁹⁷. Иначе говоря, в ходе толкования неизбежно возникает пространство для новых смыслов, которые хоть и являются в большей степени производными от толкуемого текста, но при этом не теряют качества некоторой новизны из-за влияния на них субъективности интерпретатора. Поэтому правоведа вынуждены констатировать: «творческий характер толкования неизбежен»⁹⁸.

Проблема заключается в том, что толкование права зачастую анализируется с точки зрения классической науки, которая объективирует окружающие нас явления и смотрит на ученого, как на беспристрастного наблюдателя, описывающего объект своего исследования и не вмешивающегося в его бытие. Точно также многие правоведа смотрят на процесс толкования права. Неклассическая наука же рассматривает познающий разум не как дистанцированный от мира и извне постигающий его, а как находящийся внутри мира и воздействующий на него. В связи с теорией смысла это означает, что смысл при разъяснении нормы права не переводится в свою вербальную или письменную копию, а всегда преобразуется, обогащаясь индивидуальными характеристиками, вносимыми субъектом интерпретации.

Вторая философско-правовая причина, по которой толкование права имеет творческий характер, заключается в многообразии выявляемых смыслов и их динамике. Г. Кельзен приходит к тому, что эпистемологическое установление

⁹⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 547.

⁹⁷ Азнагулова Г.М. Толкование права как познавательный процесс // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 4. С. 7—14.

⁹⁸ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М. : Юрид. Лит., 1979. С. 29.

смысла правовой нормы может привести только к установлению «рамки», которую представляет собой толкуемая норма, и изучению множества возможностей, заданных в пределах такой рамки. Ученый настаивает, что толкование может вести к множеству решений, каждое из которых имеет равную ценность по отношению друг к другу, но нет никакого метода, который бы установил «верное» вербальное значение правовой нормы⁹⁹.

Г. Кельзен называет самообманом традиционное представление о том, что определенность, отсутствующая в применяемой правовой норме, может быть получена как знание об уже существующем праве. По его мнению, нет «правильного» варианта из данных в рамках правовой нормы, суд или другой правоприменитель должен выразить волю на определенный вариант. Точно также, согласно Г. Кельзену, нет «правильного» закона, выводимого с помощью толкования из Конституции, а есть только воля законодателя на принятие определенного закона в рамках конституции. Ввиду этого, Г. Кельзен приходит к тому, что в толковании судов имеет место акт воли, когда они выбирают между равными возможностями определений¹⁰⁰.

По мнению Г. Кельзена толкование правоприменительными органами создает право и сопровождает процесс нормотворчества от вышестоящей ступени к нижестоящей¹⁰¹. Судья «является правотворцем, будучи относительно свободным» в рамках действующего законодательства, фактически создает индивидуальную норму.

Указанное позволяет в дальнейшем заключать правоведам, что «законодатели и суды — это органы, совместно создающие законы»¹⁰², или, по крайней мере, констатировать «неопределенность границ между толкованием и правотворчеством»¹⁰³. Данное утверждение в свое время поддержал и

⁹⁹ Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. Антонов М.В., Лезов С.В. М. : ИД Алеф-Пресс, 2023. С. 424-425.

¹⁰⁰ Там же. С. 426-427.

¹⁰¹ Там же. С. 421.

¹⁰² Леви Э.Х. Введение в правовое мышление. С. 43.

¹⁰³ Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 63.

Верховный Суд ФРГ, указав следующее: «Не может быть никаких сомнений, по крайней мере среди юристов, что во все обозримые периоды времени применяемое право представляло собой смесь статутного права и судебного права, и что закон, воплощенный в решениях судов, никогда не совпадал во всем с тем правом, которое установил законодатель...»¹⁰⁴.

Волевой характер толкования также подчеркивает М. Троппер, считая, что интерпретация ничто иное как не стесненный акт волеизъявления субъекта толкования, которым устанавливается норма как смысл текста и его юридическая сила. Иначе говоря, под толкованием подразумевается практическое действие, — «решение о смысле текста и его юридической силе»¹⁰⁵. Аналогичным образом С.С. Алексеев справедливо указывает на существенные особенности толкования в тех случаях, когда оно является элементом властной индивидуально-правовой деятельности компетентных органов, которая неизбежно накладывает на толкование свою печать¹⁰⁶.

При этом волевой характер толкования предопределен не только тем, что судья должен выбрать правильный смысл исходя из нескольких вариантов интерпретации или тем, что он обладает властно-распорядительными полномочиями, а также тем, что судья нередко находится в конфликте с текстом закона при его интерпретации. А. Росс обращает внимание на дуализм в природе толкования права. С его точки зрения, судья при толковании права занимается не только познавательной деятельностью, нацеленной на рациональное установление смысла как эмпирического факта, но перед ним всегда стоит выбор, проистекающий из его оценки смысла нормы и требующей волевого решения. Судья выполняет социальную задачу и не может быть поставлен в положение автомата, механически воплощающего правила на бумаге в жизнь. Даже если уважение к закону глубоко укоренено в профессиональном мировоззрении судьи и его личной морали, это не может

¹⁰⁴ Цит. по Белова М.А. Сравнительный анализ концепций толкования права в Германии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 121.

¹⁰⁵ Троппер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 171—181.

¹⁰⁶ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. М. : Юрид. лит., 1981. С. 295.

быть единственным мотивом принятия решения. Если противоречие между личным правосознанием судьи и формальным требованием закона слишком велико, то судья может даже нарушить пределы, установленные словами или «намерением» законодателя¹⁰⁷. При этом, обосновывает свой выбор судья как раз с помощью или посредством интерпретации.

Так, дело *Re Sigsworth* (англ. *Re Sigsworth*) от 1934 года было рассмотрено Апелляционным судом Англии и Уэльса в соответствии с п. 46 Закона 1925 года об управлении имуществом, который предусматривает, что в случае завещания имущество умершего «будет распределено» в соответствии с установленным в нем порядком. Суд постановил, что, несмотря на недвусмысленные формулировки Закона, эта статья не применяется, когда сын убил свою мать, потому что в противном случае он унаследовал бы ее имущество, а это противоречило бы основополагающему принципу общего права, которое не позволяет людям получать выгоду от их собственных проступков¹⁰⁸. Похожим способом со ссылкой на более общий смысл закона суд изменял формулировки статутов в делах *Smith v. Hughes* (1960) и *Adler v. George* (1964)¹⁰⁹.

Р. Дворкин, приводя аналогичное дело «Риггс против Палмера» (1889) настаивает, что судья нашел нечто, что может «контролировать и изменять» правило законов о наследстве, а именно: «общие, фундаментальные максимы обычного права». Однако, кому достоверны известны эти максимы и все вытекающие из них правила поведения? Это напоминает следующую историческую ситуацию. Король Англии Карл I в 1641 г. придя на заседание парламента объявил, что утвердит билль, который разрешает ему призывать солдат на срочную службу за пределами его графства. Парламентарии возмутились и обвинили его в нарушении привилегий. На следующий день он

¹⁰⁷ Васильева В.С. Общая теория судебного метода Альфа Росса // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 298-299.

¹⁰⁸ McLeod I. *Legal method*. London : Macmillan press, 1999. P. 57.

¹⁰⁹ Викторова Э.Ю. Толкование норм права в Англии и США : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 98—99.

попросил парламентариев записать свои привилегии, которые он бы обязался соблюдать. Но спикер Палаты общин ответил: мы сами не знаем какие у нас привилегии, но как только вы нарушите какую-то из наших привилегий, мы непременно скажем вам какую. Несколько загадочная фраза, выражающая тайну правовой культуры: выходит, лицо узнает о своих правах в момент их нарушения¹¹⁰.

Кроме того, следует обратить внимание на вопрос: что было раньше — ощущение несправедливости ситуации или справедливое правило, в соответствии с которым мы ее так квалифицировали и собираемся разрешить? Представляется вероятным, что в ситуации «полутени» мы также отталкиваемся от правового чувства и интуиции справедливого в отношении конкретной ситуации, интегрируя в дальнейшем наши выводы о верном правиле поведения в систему действующего права и согласуя его с принципами права, а не наоборот. Равно также судьи в примере Р. Дворкина вряд ли будут искренними, если заявят о том, что выработанное ими умозаключение о «порочном» наследнике было дедуктивно выведено из общих принципов к конкретным правоотношениям. Заполнение пробела выводится в первую очередь из того, как было бы справедливо разрешить конкретный спор и только затем *ratio decidendi* такого решения подводится к системе действующего права: вывод опережает его обоснование.

Так, А.И. Овчинников считает, что в ситуации правоприменения процесс понимания нормы права начинается уже с имеющимся в правосознании судьи образом «желаемого права» после изучения фактических обстоятельств дела. То есть, после того как судья ознакомился с фабулой дела, он уже имеет предрассудок в отношении смысла нормы, которую собирается применить к данной ситуации и уже знает, как должно разрешить спор. В случае совпадения очевидного для него варианта разрешения спора со смыслом правовой нормы судья спокойно осуществляет акт подведения, в ином случае — при

¹¹⁰ Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: Учебное пособие. М. : Зерцало+М, 2010. С. 147—148.

несовпадении предвзвешенности и смысла нормы, судья, рефлексивно осознав это несоответствие, будет иметь, скорее всего, дело с пробельностью закона и толковать его¹¹¹. Ученый видит в образе «желаемого права» и интуиции справедливости тот самый источник новых смыслов для пробельных зон права, которые судьи заполняют с помощью толкования.

Таким образом, интуиция и правовое мышление также выступают в качестве авторской или правотворческой процедуры в ситуации «морального конфликта» между совестью судьи и совестью суверена (общества), когда закон не справедлив в конкретной ситуации и судья пытается примирить свою совесть с совестью суверена посредством толкования. Указанное позволяет утверждать семиотикам права, что «всякий новый правовой текст рождается через прорыв сквозь нормы и соглашения, как творчество свободы и воображения»¹¹².

На основании вышеприведенных дел *Re Sigsworth* (1934) и «Риггс против Палмера» (1889) очевидно, что суды, понимая абсурдность прямого применения нормы, фактически вносят в нее изменения, сокращая или расширяя круг обстоятельств, при которых она может применяться. В странах общего права такой подход к толкованию также называется «золотым правилом» (*golden rule*), которое позволяет отойти от буквального прочтения текста закона, когда оно противоречит смыслу закона или, по мнению суда, приводит к абсурдным результатам толкования. В связи с чем, допускается включение в закон слов, которых там изначально не было, или же, наоборот, игнорирование присутствующих в законе слов и формулировок¹¹³.

В юридической литературе такое толкование права обозначается как толкование *contra legem*. В качестве основания для обращения суда к такому толкованию, И.Г. Аллахвердиев выделяет наличие в применимом положении

¹¹¹ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 148.

¹¹² Ковкель Н.Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 106.

¹¹³ Викторова Э.Ю. Толкование норм права в Англии и США : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 124—126.

закона так называемого телеологического пробела, который описан выше как конфликт между совестью судьи и совестью суверена. Термин «телеологический пробел» используется некоторыми исследователями, чтобы обосновать возможность судебного правотворчества в отсутствие пробелов в праве в традиционном смысле, и вместе с тем обозначить для этого необходимые ограничения. В отличие от традиционного понимания пробела как отсутствие правила, регулирующее ту или иную ситуацию, телеологическим называют такой пробел, при котором правило, регулирующее рассматриваемую судом ситуацию, существует, однако в силу конкретных обстоятельств дела его разрешение на основе действующей нормы будет «явно несправедливо и неразумно». Телеологический пробел, по И.Г. Аллахвердиеву, это своего рода аналог «скрытых» пробелов, признаваемых в немецком праве, иначе говоря, пробелов, которые состоят в отсутствии ограничения предписания закона, требуемого потому, что цель и смысл этого предписания не охватывают какой-то из формально подпадающих под его действие случаев, ибо законодатель не учел присущие именно этому случаю особенности¹¹⁴.

Развитие судебной практики идет таким путем, что сложно отрицать правотворческий характер деятельности судей не только в рамках заполнения «телеологических пробелов» путем толкования *contra legem*, но также в устранении судами правовых пробелов, в классическом смысле этого понятия, с помощью обычного толкования права. Под правовыми пробелами принято понимать «ситуации, когда судья обязан вынести позитивное решение по определенному вопросу, но при этом правопорядок не дает указаний относительно того, какое решение должен вынести судья»¹¹⁵ или «полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых

¹¹⁴ Аллахвердиев И.Г. Сбалансированная модель толкования *contra legem*: попытка обоснования // Право и политика. 2021. № 12. С. 69—88.

¹¹⁵ Цительман Э. Пробелы в праве // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 612—628.

обусловлена развитием общественных отношений и потребностями разрешения конкретных дел»¹¹⁶.

Общепринятым местом для концепции правовых пробелов является утверждение о том, что главное средство для восполнения правовых пробелов — аналогия закона и аналогия права¹¹⁷, что, возможно, в некоторой степени идет в разрез с защищаемым положением о творческом характере толкования в результате восполнения им пробелов в правовом регулировании. Остановимся на этой наиболее распространенной трактовке, хотя существуют и другие мнения, например, о том, что восполнение пробела осуществляется только путем издания нормативного акта¹¹⁸, или о том, что пробелы все же могут устраняться путем толкования права, если в результате толкования устраняется неясность правового регулирования, влекущая пробел, или суд изменяет нормы права с целью их применения¹¹⁹.

На самом же деле, противоречий между защищаемым утверждением и аналогией как о главном средстве для восполнения пробелов нет. Дело в том, что для применения аналогии закона или права в любом случае требуется толкование, которое не лишено того же творческого характера. Рассмотрим аналогию закона, когда, например, гражданские правоотношения сторон прямо не урегулированы нормой права и применяется другая норма права, регулирующая сходные правоотношения. Как правоприменитель определяет «схожесть»? Снова с помощью толкования, чтобы объяснить в чем состоит эта схожесть. Так, суд, применяя положения п. 3 ст. 450.1. ГК РФ по аналогии, установил цель законодательных положений и обосновал в чем заключается сходство необходимости вступления в СРО с необходимостью включения контрагента в специальный реестре операторов майнинговой

¹¹⁶ Лазарев В.В. Пробелы в советском праве и методы их установления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 159.

¹¹⁷ Цительман Э. Пробелы в праве // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 612—628.

¹¹⁸ Лазарев В.В. Пробелы в советском праве и методы их установления. С. 156.

¹¹⁹ Леонова Ю.А. Пробелы в праве России и Германии (сравнительный анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 169.

инфраструктуры¹²⁰. В свою очередь, так называемая «аналогия права» в гражданском законодательстве вовсе не является никакой аналогией, а есть ни что иное, как толкование права. Как указывает Н.Н. Вопленко, аналогия права означает преодоление пробела правового регулирования с помощью применения общего смысла и духа закона, но последнее возможно только при использовании приемов и средств теории толкования¹²¹. Общие начала и смысл гражданского законодательства, требования добросовестности, разумности и справедливости не могут быть применены непосредственно или по аналогии, так как из них самих по себе не вытекает никаких прав и обязанностей сторон без контекста фактических правоотношений. Для их применения необходимо разъяснить, что значит быть, например, добросовестным в этой конкретной ситуации и что значит быть добросовестным в общем, что и сделал суд при толковании принципа «эстоппель» в приводимом далее примере¹²².

Рассмотрим также примеры разработки судами фактически новых правоположений для заполнения правовых пробелов из отечественного правопорядка. Наиболее явно иллюстрирует творческий подход толкование судами законодательства о банкротстве. Это вполне объяснимо, так как именно в этой сфере правоотношений суды регулярно сталкиваются с попытками недобросовестных контрагентов уйти от ответственности по долгам и разработать новые схемы обхода закона. Учитывая, что законодатель всегда не успевает за развитием общественных отношений, суды зачастую отвечают на эти вызовы самостоятельно.

Так, можно привести примеры разработки Верховным Судом РФ полноценных доктрин в результате применения законодательства о банкротстве, как, например, концепции «фактической аффилированности»¹²³,

¹²⁰ Решение Арбитражного суда Иркутской области от 17.07.2025 по делу № А19-1420/2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹²¹ Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М. : Юрид. лит., 1976. С. 118.

¹²² Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2024 № 300-ЭС24-6956 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹²³ Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2023 № 307-ЭС22-15103 (2,5) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

«компенсационного финансирования»¹²⁴, сальдирования¹²⁵, и пр. При чем, нередко такого рода правотворчеством занимаются и суды округов.

Например, Арбитражный суд Поволжского округа, учитывая позиции Верховного суда РФ, согласно которым деятельность на рынке коммунальных услуг презюмируется как убыточная, указал, что при входе на этот рынок и создании компании — бенефициары должны обеспечить образованное юридическое лицо дополнительными активами, которые смогут в дальнейшем служить источником погашения убытков для внешних кредиторов. В рассматриваемом споре суд посчитал необходимым минимумом для признания поведения бенефициаров добросовестным передачу котельной в уставный капитал должника с тем, чтобы на случай банкротства на нее могло бы быть обращено взыскание. В ином случае поведение контролирующих должника лиц следует квалифицировать, по мнению суда, как создание заведомо убыточной компании, которая в условиях высокого риска дефолта по договорным обязательствам не сможет обеспечить погашение убытков внешних кредиторов¹²⁶.

Таким образом, суд фактически задал новый стандарт добросовестного поведения для контролирующих должника лиц при ведении деятельности на рынке коммунальных услуг или даже создал правовую норму: в случае создания юридического лица для ведения предпринимательской деятельности на рынке коммунальных услуг, необходимо не просто обеспечить, например, создаваемое ООО, уставным капиталом не менее чем 10 000 рублей, как это предусматривает соответствующий закон для данной формы хозяйственного общества — необходимо внесение в уставной капитал имущества, которое

¹²⁴ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁵ Определения Верховного суда РФ от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043(2,3), от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221(2)), от 28.10.2019 № № 305-ЭС19-10064, от 18.03.2018 № № 305-ЭС17-17564 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.10.2024 по делу № А57-1405/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

будет задействовано в производственных процессах; в качестве санкции за неисполнение — субсидиарная ответственность.

Толкование судами принципа добросовестности в гражданских правоотношениях «золотая жила» правовых инноваций не только для банкротных составов судов. Так, при рассмотрении спора по интеллектуальному праву, Верховный Суд РФ, толкуя ст. 10 ГК РФ, развил принцип эстоппеля до полноценной нормы права. Как известно, принцип «эстоппель» — частный случай проявления принципа добросовестности, направленный на то, чтобы обеспечить последовательное поведение участников правоотношений. То есть эстоппель не позволяет стороне за счет непоследовательного поведения получить преимущества и выгоду в ущерб другой стороне, которая добросовестно положила на юридическую ситуацию, созданную первой.

Верховный Суд РФ указал, что недобросовестным является непоследовательное поведение лица в ситуации, когда оно, обладая каким-либо субъективным правом, своими предшествующими действиями создает для другой стороны разумное ожидание, что оно этим субъективным правом воспользоваться не планирует, а впоследствии совершает действия по осуществлению этого права, вопреки предшествующему поведению. В качестве санкции за такое поведение может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, обосновывающие соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства. Поэтому упомянутая норма закона может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика¹²⁷.

Аналогичные примеры можно наблюдать и в других правопорядках, например, в немецком гражданском праве сегодня имеются некоторые правовые институты, которые прямо не предусмотрены в самом законе, но были созданы судебной практикой: титульное обеспечение, разрешение на взыскание и право ожидания. Во всех названных случаях речь не идет о толковании против закона,

¹²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2024 № 300-ЭС24-6956 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

поскольку нельзя сказать, что законодатель хотел исключить данные институты. Но при этом нельзя обосновать их тем, что наличие и развитие таких институтов следует из закона — они скорее образовывались в ответ на вызовы судебной практики¹²⁸.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие фундаментальные выводы, определяющие парадигму толкования права в постклассической науке с помощью категории смысла.

Во-первых, творческая составляющая толкования права детерминирована не только гносеологическими (сложностью познания «воли законодателя») или лингвистическими («открытая текстура» языка) факторами, но, в первую очередь, свойствами правового смысла, а именно процесса его образования. Его имманентная поливариантность (способность предлагать множество легитимных значений) и динамизм (незавершенность, способность к приращению) онтологически обуславливают кельзенианскую «рамку», предоставляющую интерпретатору веер равноценных возможностей. Выбор между ними не может быть осуществлен актом познания и требует волевого акта (*Willensakt*), что превращает толкование из пассивного «отражения» в активный, созидательный процесс.

Во-вторых, герменевтический (гадамерианский) аспект толкования, выраженный в «спекулятивном характере» и неизбежном привнесении «Я» интерпретатора, является не недостатком, а необходимым механизмом адаптации права. Смысл не «извлекается» из нормы, а со-конструируется (*co-constructed*) в диалоге между горизонтом текста (нормой) и горизонтом интерпретатора (правоприменительной ситуацией). Этот процесс, как показывает А.И. Овчинников, зачастую инициируется интуитивным «образом желаемого права», где вывод опережает его обоснование. Практика толкования *contra legem* и преодоление «телеологических пробелов» являются наиболее яркими проявлениями этого со-конструирования, где интересубъективный

¹²⁸ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М. : М-Логос, 2024. С. 270.

(разделяемый) смысл справедливости легитимно доминирует над дефектным текстуальным смыслом.

В-третьих, ограниченное судебное правотворчество является не теоретической аберрацией, а имманентной практикой функционирования правовой системы. Отечественная судебная практика, особенно в сферах, опережающих законодательное регулирование (например, доктрины «фактической аффилированности» и «компенсационного финансирования» в делах о банкротстве), эмпирически подтверждает, что суды вынуждены заниматься смыслопорождением для ответа на новые социальные вызовы, фактически создавая «правоположения» (А.Б. Венгеров), которые стабилизируют общественные отношения и выполняют функцию, которую не успевает выполнять законодатель.

В-четвертых, признание креативной природы толкования не означает апологии судебного произвола. Творческая функция интерпретатора имеет ограниченный характер. Эти ограничения (оговорки) носят многоуровневый характер.

1. Телеологическое ограничение: цель толкования — «установить и раскрыть смысл», а не создать норму *ex nihilo* вопреки системе. Как указывает Э. Цительман, судья не может и не хочет создавать новое право, он хочет только разрешить конкретное дело¹²⁹. По мнению Х.И. Гаджиева, судьи (международные или национальные), конечно, не занимаются в повседневной работе нормотворчеством, им нужно разрешить дело, а не преднамеренно изменить закон. Для разрешения спора они отталкиваются от существующей нормы права и, постигая все возможные значения и смыслы, интерпретируют ее и стремятся примерить к фактам конкретного дела. Несмотря на расширение или сужение формулировки закона судья может изменить содержание нормы только в конкретном случае правоприменения, но он не имеет права фактического изменения текстов закона. Однако, ученый полагает, что

¹²⁹ Цительман Э. Пробелы в праве. С. 612—628.

правотворчество включает в себя толкование, так как является более широким понятием, чем нормотворчество¹³⁰.

2. Институциональное ограничение: принцип разделения властей запрещает суду подменять законодателя. Как указывает, М.А. Белова в Германии считается, что при судебных отклонениях от закона они превращаются из служителей закона в господ правопорядка. Аналогичного мнения придерживается и сама М.А. Белова, а также В.В. Ершов, полагая, что с практической точки зрения это только вредит правопорядку, так как нарушает принцип разделения властей и порядок законности¹³¹. Действительно, разрешение некоторых вопросов имеет слишком далеко идущие последствия для разных сфер жизни и принимать решения по ним должен только представительный орган законодательной власти, который может взглянуть на ситуацию комплексно и учесть интересы не только тяжущихся сторон, но и тех, на кого это будет влиять только косвенно. Поэтому К. Ларенц и К.-В. Канарис считают, что судья может руководствоваться при интерпретационном правотворчестве политико-правовыми аспектами только в узких рамках¹³².

Однако в парадигме «сдержек и противовесов» такое толкование само выступает сдержкой против законодательного волюнтаризма и нестабильности. Принцип разделения властей не означает, что правоприменители не должны участвовать в создании ткани права совместно с законодателем, это не аксиома о том, что одна ветвь власти не может выполнять функции другой (например, парламент во многих странах делегирует правотворческие полномочия исполнительной власти). Данный принцип направлен на предотвращение узурпации власти одной из ветвей, поэтому определяющим для него является не четкое разделение функций ветвей властей, а работающая система сдержек и противовесов. Сложно представить, как в результате творческого подхода к толкованию права судебная власть сможет настолько сместить баланс в системе

¹³⁰ Гаджиев Х.И. Судебное правотворчество в международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №3. С. 118—129.

¹³¹ Белова М.А. Сравнительный анализ концепций толкования права в Германии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 120.

¹³² Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 71.

разделения властей, что придется говорить о захвате законодательной власти судьями. По крайней мере, проблематично припомнить хоть один исторический пример по этому поводу. В свою очередь, именно парламент и исполнительная власть регулярно становятся возмутителями общественного спокойствия и правопорядка, пытаясь вплести в закон сиюминутные устремления к сохранению власти, идеологическую нетерпимость и корыстные интересы.

В связи с этим, судебное правотворчество следовало бы признать исключительно из практических соображений в целях следования концепции сдержек и противовесов в системе разделения властей. Как верно отмечено Е.Н. Тонковым, достижение справедливости в ее естественно-правовом значении возможно только с помощью такой доктрины толкования закона, которая позволяет судьям быть независимыми от сиюминутной воли правителей¹³³. Дело в том, что относительная свобода в толковании законов является одним из элементов сдержек законодательной и исполнительной власти. Так, в случае победы на парламентских выборах, правящая партия может получить абсолютное большинство в парламенте и принимать любые законы, которые существенно ущемляют права и законные интересы проигравшего меньшинства. Свобода толкования, предоставленная судам, как раз позволяет нивелировать такие ситуации, смягчая противоречия между группами населения и не позволяя одной из них произвольно принимать законы и разрушать веками возводившуюся правовую систему.

Проблема нынешней отечественной правовой системы и системы законодательства в целом заключается в том, что независимо от результатов выборов, у власти оказываются лица, не отражающие интересы некоторого количества населения, порой достигающего до абсолютного большинства. Кроме того, воля законодателя подчас носит ситуативный характер, нередко принятие закона связано с конкретным случаем, лицом или группой лиц. В этой связи, способом нейтрализации такого волюнтаризма как раз может быть признание судебного правотворчества и использование

¹³³ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. СПб. : Алетейя, 2013. С. 3.

зарубежного опыта — английской доктрины толкования закона, которая предполагает, что каждый новый закон должен пройти через судебское осмысление предыдущего законодательства, через опыт судебной практики, через принципы, презумпции и другие методы оценки «хотения» людей, получивших законодательную власть на несколько лет¹³⁴.

3. Формальное ограничение: в отечественной системе *ratio decidendi* не является формальным источником права, что снижает его нормативную силу. Поэтому, например, А.Б. Венгеров понимает судебную практику как результат толкования права, осуществляемый в форме конкретизации правовой нормы до правоположения — «положения своеобразного нормативного характера»¹³⁵. В соотношениях с идеями герменевтики более глубокое понимание судебной практики представляет собой ее определение в качестве самостоятельного поля правовых смыслов, потенциально существующих вследствие действия тех или иных норм права в конкретных юридически значимых ситуациях. Иными словами, в поле судебной практики существуют не сами по себе нормы права, но самостоятельные правовые смыслы как результат приложения норм права к жизненным ситуациям, причем важно отметить, что эти правовые смыслы создаются конкретными практиками-правоприменителями — судьями, прокурорами, следователями¹³⁶.

4. Политико-правовое ограничение: легитимность и эффективность креативного толкования как механизма поиска справедливости прямо пропорциональна степени реальной независимости судебной власти. В условиях недемократического режима и отсутствия независимости судей герменевтическая парадигма вырождается, и доктрина «единственного правильного смысла» де-факто реставрируется, но уже не как научная позиция, а как инструмент политического контроля над правосудием.

¹³⁴ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. С. 41.

¹³⁵ Братусь С. Н., Венгеров А. Б., Кузнецов И. Н. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М : Юрид. лит., 1975. С. 13.

¹³⁶ Павлов В.И., Дубрава Н. М. Судебное правотворчество в контексте теории интерпретации и антропологической концепции права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2016. С. 305.

Действительно, признание творческого характера толкования и отказ от догмы единственно верного смысла закономерно порождает множество вопросов. Рассмотрим основные риски и механизмы их минимизации.

Риск 1: Релятивизм и «размывание» права. Наиболее серьезное возражение заключается в том, что признание поливариантности смысла ведет к правовой неопределенности и судебному произволу.

Ответ: Модель не отрицает ограничений, а переносит их из плоскости онтологии («объективный смысл существует») в плоскость процедуры и аргументации. Пределы задаются не фикцией, а интересубъективной проверяемостью аргументации. Произволом является не сам выбор, а неспособность обосновать его в рамках процедуры легитимации. Предсказуемость обеспечивается не единообразием результатов, а единообразием рациональной процедуры выбора и его обоснования.

Риск 2: Скрытый субъективизм. Как отличить подлинное обращение к интересубъективным ценностям от маскировки личного предпочтения под «смысл закона»?

Ответ: Ключевой критерий — диалогичность и способность к интересубъективному разделению. Аргумент должен быть сформулирован так, чтобы его мог разделить любой другой добросовестный участник правового сообщества, следующий тем же рациональным процедурам. Если аргумент апеллирует исключительно к личному убеждению и не может быть верифицирован через правовые принципы, системные связи или социальные последствия — он выпадает из поля легитимной интерпретации.

Риск 3: Неприменимость в условиях «слабого суда». В отсутствие реальной независимости судебной власти герменевтическая модель вырождается, так как судья несвободен в своем выборе.

Как указывает Е.Ю. Стрелкова глава тоталитарного или авторитарного государства имеет возможность, не считаясь с глубинным истинным смыслом закона, толковать его по своему усмотрению или попросту игнорировать норму права, тем самым нейтрализуя необходимость юридической герменевтики как

таковой¹³⁷. К сожалению, в отечественной правовой системе правоприменители не мотивированы на урегулирование спора, восстановление прав, установление справедливости существующими стандартами. Судья выносит то решение, которое ему легче обосновать как в текстуальном, так и в понятийном смысле. Обычно это решение, лежащее на поверхности, не вызывающее спор с коллегами по цеху, с исполнительной и законодательной властью¹³⁸.

Ответ: В условиях отсутствия реальной независимости судей предложенная герменевтическая концепция должна рассматриваться *не столько в качестве дескриптивной модели* (описывающей сущее), *сколько в качестве прескриптивной (нормативной) модели* (описывающей должное). Ее практическая значимость заключается в предоставлении судебной власти *методологии и языка аргументации*, позволяющих легитимировать решение через апелляцию к интересующим правовым ценностям (принципам, ожиданиям), даже в условиях дефектного или волюнтаристского законодательного текста. Она служит *нормативным идеалом* для судебной аргументации, к которому должна стремиться правовая система.

Риск 4: Цифровизация и алгоритмизация правоприменения. Автор отдает себе отчет в том, что при текущем развитии технологий, росте популярности использования цифровых инструментов в правоприменительной деятельности и алгоритмизации правосудия, встает ребром вопрос об актуальности такой шаткой и пространной категории как смысл, а также о возможности механизации толкования права. Появилось множество цифровых инструментов, которые позволяют вывести толкование права на новый уровень: юристы и суды используют алгоритмы для анализа огромных массивов судебных решений, чтобы выявить статистические закономерности, предсказать исход дела (*predictive justice*). Смысл нормы начинает выводиться не только из ее текста, но и из совокупности ее применений, выявленной машинным обучением. Алгоритмы могут проанализировать тысячи документов за секунды, чтобы

¹³⁷ Стрелкова Е.Ю. Герменевтический подход к толкованию норм права // Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2015. С. 45.

¹³⁸ Там же. С. 23.

найти прецеденты или схожие случаи. Это меняет саму практику юридического исследования, делая ее более эмпирической.

Ответ: Использование алгоритмов и цифровизация правосудия возможна лишь в гибридной форме, без утраты определяющего значения категории смысла и интенционального акта человека.

В смарт-контракте изначальный смысл и намерения сторон (их интенция) переводятся в строгую логику «ЕСЛИ \Rightarrow ТО». Алгоритм не понимает дух договора, добрую совесть, существенное изменение обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*). Он исполняет только букву, причем букву, переведенную на язык кода. Категория смысла здесь не исчезает, но она «замораживается» в момент создания контракта. Последующая интерпретация, присущая человеческому правоприменению, невозможна.

Рассмотрим также пример с автоматическими штрафами: камера фиксирует превышение скорости и выписывает штраф. Здесь нет места для толкования смягчающих обстоятельств (например, «везли роженицу в больницу»). Алгоритм применяет норму формально-логически. Интенциональный акт судьи или чиновника, который мог бы учесть контекст, заменен автоматическим действием.

Таким образом, в строго алгоритмизированных системах происходит подмена интенционального акта человеческого сознания на интенцию разработчика алгоритма. Смысл права сводится к тому, как программист и юрист совместно «зашили» норму в код. Это создает «черный ящик»: конечный пользователь (гражданин) сталкивается не с живым правом, а с предустановленной логикой, которую он не может оспорить в момент ее применения.

Однако, механизация герменевтики в ее полном, классическом смысле невозможна ввиду следующего.

1. Проблема контекста: Алгоритмы плохо справляются с неформализуемым контекстом. Как машина оценит, что являлось «разумными

мерами» для защиты персональных данных в конкретной ситуации? Что такое «справедливые условия» труда?

2. Ценностные суждения: Право полно оценочных категорий («достоинство», «честность», «добросовестность», «общественная нравственность»). Их наполнение содержанием — это акт человеческого сознания, основанный на разделяемых в обществе ценностях. Алгоритм не имеет ценностей, он имеет только данные и цели, заданные человеком.

3. Герменевтический круг: Человек-интерпретатор понимает часть (отдельную норму) через целое (всю систему права) и наоборот. Это динамический, диалектический процесс. Алгоритм работает линейно: он не «переосмысливает» всю систему права при применении одной ее части.

4. Творческий характер: Толкование права часто является творческим актом, особенно когда суд сталкивается с новой, непредвиденной законодателем ситуацией. ИИ может экстраполировать из старых данных, но не может создать по-настоящему новое правовоположение, основанное на чувстве справедливости.

Что же возможно? «Слабая» механизация процесса толкования права. Хотя полная замена человека невозможна, возможна и уже происходит гибридизация:

— Инструменты поддержки принятия решений: ИИ может анализировать прецеденты и предлагать судье или юристу возможные варианты толкования, указывать на противоречия, оценивать риски. Но окончательное решение, наделенное смыслом и легитимностью, остается за человеком.

— Обработка рутинных случаев: Для массовых, стандартизированных дел (например, взыскание долгов по распискам, некоторые административные правонарушения) алгоритмическое применение возможно и эффективно. Но это именно потому, что в таких случаях герменевтическая составляющая (поиск глубинного смысла) минимальна.

По итогам первой главы установлено, что категория смысла, являясь сложным философским конструктом, обладает набором онтологических характеристик (интерсубъективность, контекстуальность, динамизм,

креативность), которые имеют прямое и непосредственное влияние на теорию толкования права:

— Поливариантность → конфликт интерпретаций сторон в судебном процессе, возможность различных легитимных прочтений одной нормы (например, оценочные понятия, телеологические и системные контексты).

— Интерсубъективность → влияние правосознания, профессионального опыта, «образа желаемого права» судьи (по А.И. Овчинникову) на выбор интерпретации; неизбежность привнесения субъективного «Я» в разъяснение.

— Контекстуальность → изменение смысла нормы в зависимости от социально-политического контекста (примеры: эволюция толкования Четырнадцатой поправки, практика по сальдированию в банкротстве)

На основе указанных характеристик обосновано, что рассмотрение смысла в качестве онтологического основания юриспруденции требует признания имманентно присущего толкованию творческого (в ограниченных пределах, правотворческого) характера.

Глава 2. Категория смысла в научной дискуссии о направленности процесса толкования права

Нельзя не заметить существенный разброс мнений ученых по поводу направленности процесса толкования и явной проблематичности установления для него какого-то единого объекта или предмета. С одной стороны, правове­ды фиксируют, что толкование права направлено на объективный смысл всего права, с другой стороны — мнение автора текста, его мысли и воля тоже могут быть ориентирами для толкования. Поэтому Н.Ф. Ковкель видит в качестве одной из основных проблем любой теории интерпретации определение ее цели — постижение субъективного смысла, заложенного автором (или интерпретаторами), или в раскрытии объективного значения нормы права¹³⁹. К. Ларенц считает, что данные идеи о цели толкования возникли еще в дискуссии второй половины XIX века между «субъективной теорией» (или «теорией воли», исследующей волю законодателя при толковании) и «объективной теорией» (или «теория имманентного толкования», рассматривающая присущий правовым нормам смысл)¹⁴⁰. В настоящее время активно развивается постклассическая методология, которая постулирует в качестве объекта толкования конкретную жизненную ситуацию в соотнесении с нормой права¹⁴¹.

В одном все же правове­ды сходятся — толкование направлено на смысл. При всей разнице подходов и тонкостей вопросов правопонимания по отношению к вопросу о направленности процесса толкования, в трудах большинства исследователей прослеживается идея о толковании права как процессе установления смысла.

¹³⁹ Ковкель Н.Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 107.

¹⁴⁰ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 160.

¹⁴¹ Честнов И.Л. Онтология толкования права: постклассическая диалогическая методология // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2024. С. 23.

По мнению А.С. Пиголкина, уяснение права, как начальный этап толкования права, представляет собой необходимый подготовительный акт для любой работы с правовой нормой, в том числе, для ее применения; а именно, предполагает, что субъект устанавливает смысл правовой нормы в его полном объеме¹⁴².

В свою очередь, Т.Я. Хабриева толкование правовых норм определяет, как «процесс, который имеет место в любом случае, когда необходимо установить смысл нормативных установлений»¹⁴³.

Применительно к конкретным видам толкования права ученые также мыслят его как процесс, направленный на установление смысла. Например, Г.Н. Дудко указывает, что казуальное толкование юридических норм — это «интеллектуально-волевая последовательная деятельность, осуществляемая любым заинтересованным лицом и направленная на выяснение смысла содержания юридических норм по отношению к конкретному жизненному казусу»¹⁴⁴.

При толковании судами норм права мы также, как правило, сталкиваемся с указанием на то, что соответствующее разъяснение судом производится «по смыслу...», «согласно смыслу» или «... следует из смысла»¹⁴⁵.

Принимая во внимание изложенное, в рамках данной главы предлагается рассмотреть традиционные концепции относительно того, каким должен быть этот смысл.

¹⁴² Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 62.

¹⁴³ Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. С. 34.

¹⁴⁴ Дудко Г.Н. Казуальное толкование юридических норм : теория, практика, техника : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2025. С. 11.

¹⁴⁵ Определение ВАС РФ от 18.08.2008 № 10196/08; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 по делу № А40-29943/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2025 по делу № А40-296482/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

§2.1. Критический анализ объективистского подхода: проблема объективного смысла правовой нормы

Применительно к проблеме смысла в сфере юриспруденции часто постулируется, что в процессе толкования необходимо уяснить именно объективный смысл нормы права: будь то «действительная мысль законодателя»¹⁴⁶ у Е.В. Васьковского и Т.Я. Хабриевой¹⁴⁷, «действительный»¹⁴⁸ смысл воли народа у А.С. Пиголкина, «истинный» смысл текста закона самого по себе или вовсе «истинный» смысл, соответствующий праву в целом по Р. Дворкину. На этот же момент обращает внимание Ю.А. Гаврилова, указывая, что у правоведов уже сформировалось языковое клише относительно цели толкования права: «раскрыть истинный смысл правовой нормы»¹⁴⁹.

Нередко можно встретить похожие интенции и в практике судов. Верховный Суд РФ, признавая толкования данные судами нижестоящих инстанций несостоятельными, указывает, что они не соответствуют «истинному смыслу»¹⁵⁰ законодательных положений. Конституционный Суд РФ полагает, что «объективный смысл» закона может быть установлен конституционной интерпретацией¹⁵¹. Арбитражный суд Северо – Кавказского округа в деле № А32-47254/2018 от 30.09.2019 употребляет следующую фразу: «толкуя объективно, мы приходим, что...»¹⁵². Иначе говоря, суды в отношении толкования также находят возможным указывать на объективность выявляемого смысла.

¹⁴⁶ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 142.

¹⁴⁷ Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. С. 99.

¹⁴⁸ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 16.

¹⁴⁹ Гаврилова Ю. А. Категория «Смысл права» и толкование права по объему // Вестник ВолГУ. 2007. №6. С. 99—103.

¹⁵⁰ Определение Верховного Суда РФ от 29.01.1999 № 83-В98-17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.1998 № 10-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.09.2019 по делу № А32-47254/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

В свою очередь, подход к возможности выявления «действительного смысла» нормы права фактически закреплен на законодательном уровне. Так, ст. 217.1. КАС РФ предусматривает основания для оспаривания актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, среди которых также упоминается: несоответствие положения оспариваемого акта действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений¹⁵³.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что постулируемые свойства «истинности», «действительности», «объективности» выявляемого в результате толкования смысла сводятся к концепции объективной истины, которая предполагает, что истина — это содержание знания, которое соответствует объективной действительности и не зависит от субъекта. То есть, применительно к нашей теме исследования, это означает, что толкование права должно выявить смысл определенной нормы права так, как если бы подходили к установлению какого-либо эмпирического факта (например, изучали бы состав атмосферы нашей планеты). Это соответствует классической научной парадигме и теории корреспонденции о том, что истина — это единство объективного: того, что есть, и субъективного: нашего знания о том, что есть (соответствие понятия объекту и соответствие объекта понятию)¹⁵⁴. В свою очередь, истинный смысл или истинная мысль о чем-либо — это знание¹⁵⁵. Безусловными критериями получения знания в естественных науках, как можно заметить, является объективность и эмпирическая подтвержденность. Философы также видят в качестве критериев: рациональность или логичность, конкретность, соответствие ранее открытым законам науки и т.д.¹⁵⁶ Не вдаваясь более глубоко в философскую дискуссию о понятии истины и знания,

¹⁵³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета. 2015. 11 марта.

¹⁵⁴ Горелов А.А. Истина и смысл. М. : ИФРАН, 2010. С. 15.

¹⁵⁵ Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. АЛ. Никифоров. М. : ИФРАН, 2008. С. 11.

¹⁵⁶ Горелов А.А. Истина и смысл. С. 60.

остановимся на критериях объективности, логичности и эмпирического подтверждения.

Объективность законов природы может быть доказана через эмпирическое подтверждение, в частности, через эксперимент, в ходе которого задача ученого — выявить причинно-следственные связи с целью повторения заданных условий и получения желаемого результата. В случае, если мы берем объект гуманитарного знания — право, правовой текст и его смысл, подобный критерий вряд ли будет для него применим. Как верно отмечают философы: явления, относящиеся к области гуманитарных наук, даны нам в форме переживаний, истинность знаний в значительной степени субъективна и является результатом интерпретации, логических построений, а не экспериментальных доказательств¹⁵⁷; поэтому на вопросы о «смысле» нельзя ответить ни экспериментальным путем, ни посредством измерений и подсчетов¹⁵⁸.

Объективность — относится к постулатам классических научных программ, разработанных метафизическими системами Нового времени (субстанциалистскими конструкциями мироздания) со свойственным им представлением о рациональности как лежащей в основе мира, которую Разум должен лишь обнаружить¹⁵⁹. Данный концепт по отношению к толкованию права, в первую очередь, относится к классической школе юснатурализма. Так, естественное право предполагает, что существует определенный порядок или последовательность, которые человеческий разум способен открыть и в соответствии с которыми человеческая воля должна действовать, дабы привести себя в соответствие с сущностными и необходимыми целями человеческого бытия. Это и есть не что иное, как неписанный закон, или естественное право¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Горбухова М.Ю. Естествознание и гуманитарные науки: различие и проблема единства в контексте формирования гуманитарной культуры специалиста-естествоиспытателя // Известия Алтайского государственного университета. № 2. 2007. С. 101—105.

¹⁵⁸ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 23.

¹⁵⁹ Честнов И.Л. Онтологическое измерение постклассической герменевтики права как интерпретации воспроизводства правовой реальности // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 43.

¹⁶⁰ Маритен Ж. Человек и государство. М: Идея-Пресс, 2000. С. 75.

Иначе говоря, для юснатурализма право — это знание, которое должно быть открыто, соответственно, толкование — это лишь способ открытия права. В Англии похожую концепцию продвигал У. Блэкстон, согласно которой суды не создают право, а декларируют то, что, хотя и не было зафиксировано в каких-либо источниках, но имманентно существует в невыраженном виде в общем юридическом пространстве. Принято было говорить, что суды не творцы, но оракулы права, которые не могут создавать правовые нормы, а лишь считают априорно существующие правовые решения.

В.И. Павлов считает, что идея восприятия юридического текста как абсолютного объекта в юридической традиции исторически обусловлена и связана со средневековым пониманием на Западе юридического текста как *ratio scripta* (писанного разума), воспринятого из схоластической традиции и школы естественного права. На этой же почве основывается и новоевропейская идея о разумной человеческой природе и разумном законодателе. Поэтому традиционная теория толкования права вращается вокруг текста правового акта¹⁶¹.

Однако, является ли смысл нормы права и самого права объектом знания? Стоит в первую очередь отметить, что право дано нам не как объективно существующее явление в виде записанных на бумаге текстов и в полном объеме соответствующее им поведение людей, а как требования о должном и соответствующая оценка фактического поведения людей с точки зрения этих требований. Как указывают К. Ларенц и К.-В. Канарис, право — это часть мира, принадлежащая человеку и связанная с его социальным существованием, она представляет правила поведения людей между собой — правила, в соответствии с которыми оценивается человеческое поведение¹⁶². Правовой текст есть утверждения о должном, а не описание сущего. Поэтому проблематично будет логическим путем устанавливать истинный смысл

¹⁶¹ Павлов В.И., Дубрава Н. М. Судебное правотворчество в контексте теории интерпретации и антропологической концепции права // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 214.

¹⁶² Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 13.

утверждений о должном, можно только понять смысл предъявляемых правом требований к поведению людей.

Следует также обратить внимание на особый тип мышления, используемый юристами при толковании права. А.И. Овчинников считает, что его специфика заключается в том, что оно не осуществляется строго в логических формах, так как утверждение и его объект могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: истинностном и ценностном¹⁶³.

В первом случае отправным пунктом сопоставления является объект, утверждение выступает как его описание и характеризуется в терминах истинностных понятий. Понятие истины характеризует другую сторону отношения субъекта к объекту, отношение теоретическое. Оно квалифицирует соответствие знаний об объекте свойствам самого объекта. Это знание описывающее (дескриптивное). Оно может быть истинным или ложным в описании объекта. Это знание — результат мышления, объектами которого является позитивное право, взаимосвязь его норм, система и т.п. Во втором — исходным является утверждение, функционирующее как оценка, стандарт, план. Соответствие ему объекта хранится в оценочных понятиях. Основание оценки составляет ценность — объект значимый для конкретного человека. Знание предписывающее (прескриптивное) не может быть истинным или ложным, оно ничего не описывает. В первом случае обязательно устранение всего субъективного (так как познание объекта требует всеобщего), а во втором — обязательно обращение к субъекту аргументации (так как ценность — соответствие объекта требованию субъекта)¹⁶⁴

Еще в «Трактате о человеческой природе» Д. Юм писал: «Разум есть открытие истины или заблуждения. Истина или заблуждение состоят в согласии либо несогласии с реальным отношением идей, или с реальным существованием или фактами». Однако если представить себе факт убийства, то с каким научным подходом вы бы к нему не подходили, вы не сможете вывести из него умозаключение о запрете убийства. «Порок совершенно ускользает от

¹⁶³ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 115.

¹⁶⁴ Там же.

Вас до тех пор, пока Вы не обратите свой взор внутрь себя и не найдете в себе чувство порицания, возникающего в Вас по отношению к данному поступку»¹⁶⁵. Именно чувство, а не дедуктивное рассуждение. Ведь в основе дедукции должна лежать посылка с связкой «есть», а не «должно». Логическое следование определяется в терминах истины, суждения с «должен» не являются обычно ни истинными, ни ложными. Истинность фразы «убивать не хорошо» невозможно подтвердить фактами, так как последние без оценки абсолютно ничего не значат.¹⁶⁶

Данная позиция восходит еще к Аристотелю, согласно которому практическое знание отлично от теоретического, что означает невозможность рациональной морали, права, всеобщих правил, не зависящих от конкретных ситуаций. В свое время, Аристотель, критикуя сократовско-платоновскую идею блага как «пустую всеобщность», исходил не только из невозможности и утопичности идеи, согласно которой человек, зная, что есть благо, будет нравственным, но и за отрыв сферы «должного» от «сущего», не учитывающий многообразие социального мира, с его бесконечным числом вариаций человеческой деятельности и поступков. В противоположность Сократу, отождествлявшему добродетель и знание, Аристотель (впервые в истории этической мысли) связывает этическую добродетель главным образом с желанием, хотением, волей. В самом деле, Аристотель, говоря о благе в своей «Никомаховой этике», как бы постоянно настаивает на взаимодействии в человеческом сознании двух факторов — рассудительности и стремления, знания и желания¹⁶⁷.

Основоположник деления объекта знания социогуманитарных и естественных наук — В. Дильтей наряду с неокантианцами отмечал особенную черту изучения первого: необходимость «понимания» или «вчувствования». Душевная жизнь, по В. Дильтею, дана как «некоторая живая связь», «цельность», которая дана нам изнутри «в переживании», поэтому ее

¹⁶⁵ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 118.

¹⁶⁶ Там же. С. 118.

¹⁶⁷ Там же. С. 139—140.

понимание и возможно только через аналогичное переживание, задействующее все наши душевные силы¹⁶⁸. Для В. Дильтея на первый план выходит категория «душевной жизни». Ее связь не поддается объяснению, а должна быть понята во всей ее связанности. В. Дильтей указывает, что «в отличии от внешнего восприятия, внутреннее покоится на прямом усмотрении, на переживании, оно дано непосредственно»¹⁶⁹.

Руководствуясь схожими соображениями Т. Кун в свое время признавал правоту аргумента о том, что гуманитарные науки вовсе не заточены на знание, а стремятся к пониманию: понять поведение субъекта, а не открывать законы (если таковые существуют), управляющие этим поведением¹⁷⁰. Высказывания естественных наук о фактах могут быть «истинными» или «ложными» (неистинными), тогда как заявления юристов о действии норм мы называем «правильными» или «неправильными»¹⁷¹.

Однако, это не означает, что право находится исключительно в сфере субъективного. Суть в том, что оно находится в особой сфере, которая не является субъектной или объектной, так как существует, прежде всего, в ценностном аспекте. Право — это система оценок поведения и требований о «должном». Ценность не находится ни на стороне субъекта, ни на стороне объекта, взятых сами по себе, она находится в сфере субъект-объектного безразличия — сфере смысла. Особенностью смысла является то, что он не есть, но значит. По утверждению А.Ф. Лосева, смысл совершенно особый вид бытия¹⁷².

Таким образом, отношение к выявляемому смыслу правовой нормы как к классическому объекту знания несостоятельно, то есть утверждение о том, что он может быть объективным — крайне спорное. Смысл правовой нормы не «вещь-в-себе», а субъект диалога, его можно только понять, вникнуть в суть его

¹⁶⁸ Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. Е.Д. Зайцевой, под ред. Г.Г. Шпета. М. : РИПОЛ классик, 2018. С. 29.

¹⁶⁹ Дильтей В. Описательная психология. С. 118.

¹⁷⁰ Кун Т. После «структуры научных революций». М. : АСТ, 2014. С. 52.

¹⁷¹ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 23.

¹⁷² Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. М. : Мысль, 1997. С. 41—51.

оценки того или иного варианта поведения как «должного», того, что считается правильным в его системе координат. Так как право — это утверждения о должном, то и смысл утверждений о должном, главным образом, устанавливается в поле дискурса о «правильном» и «неправильном» утверждении о должном и его смысле соответственно. По мнению К. Ларенца и К.-В. Канариса для юриста наиболее важно понять, что правовая норма должна выражать, хотя это непосредственно и не следует из ее дословной формулировки¹⁷³. Разумеется, речь здесь не идет об игнорировании законов логики, когда в норме содержится одно утверждение, а мы выводим совершенно противоположное, так как считаем, что правильно именно оно. Например, В. Дильтей также не отрицает интеллектуальности внутреннего восприятия, т. е. неотделимости понимания от логических процессов, но указывает более важный момент: обусловленность восприятия душевных явлений переживаниями. Последнее предполагает задействование всех душевных сил, не только интеллектуальных. Суть в том, чтобы увидеть за буквальным содержанием правовой нормы более глубокое требование практического разума.

Еще в большей степени о невозможности существования объективного смысла свидетельствует то, что процесс смыслообразования неразрывно связан с процессом интерпретации: смысл правового текста и какого-либо другого не появляется сам по себе и не существует как некая объективная сущность внутри текста, ожидая своего открытия — в ходе интерпретации мы сами придаем смысл тексту. Как отмечает известный философ М.К. Мамардашвили: «нельзя отдельно выделить анализом «интерпретацию» бытия его субъектами (ложную или же более или менее приближающуюся к действительности) и «истинное бытие», которое складывалось и действовало бы помимо своей интерпретированности»¹⁷⁴. При таких обстоятельствах можно говорить об «истинном» смысле, только подразумевая под «истинным» соответствие мысли действительности здесь и сейчас (тому, что бытийствует), а под действительностью — то, что мыслится.

¹⁷³ Ларенц К., Канарис К.-В. *Методология юриспруденции*. С. 30.

¹⁷⁴ Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию*. М. : Политиздат, 1990. С. 327.

М. Вебер также полагает, что смысл мироздания не раскрывается исследованием каким бы совершенным оно ни было, мы сами призваны создавать этот смысл, а «мировоззрения» никогда не могут быть продуктом развивающегося опытного знания и, следовательно, высшие идеалы, требования морали и нравственности, наиболее нас волнующие, во все времена находят свое выражение лишь в борьбе с другими идеалами¹⁷⁵. В этой связи, М. Вебер считает догматикой все поиски «правильного» и «истинного» смысла, поэтому употребляет этот термин в двух значениях: 1) то, что субъективно предполагается действующим лицом; 2) теоретический конструкт чистого типа смысла, гипотетически предполагаемого действующим лицом¹⁷⁶.

Данные тезисы связаны с философией социального конструктивизма, согласно которой требуется снять зашедшие в тупик антиномии классической философии объективного и субъективного, материи и духа. Вместо этого, следует признать их тождество в социальной реальности, которую составляют люди, их действия, объекты материального мира и одновременно значения, приписываемые людям (в том числе, и самим себе), их действиям и объектам материального мира¹⁷⁷.

Руководствуясь данной концепцией, И.Л. Честнов полагает возможным оставить в стороне традиционные представления о праве как о некой объективной, «натуралистической» данности, выражающей природу вещей или законы общественного бытия, которую можно одним единственно правильным образом описать и объяснить. Взамен чего предлагается исходить из «многомерной, стохастической, контекстуально обусловленной, конструируемой людьми картиной релятивного, интерсубъективного права»¹⁷⁸. Ученый определяет право, как продукт действий человека, но не произвольный,

¹⁷⁵ Вебер М. Понимающая социология / пер. с нем. М. Левиной. М. : Издательство АСТ, 2021. С. 15.

¹⁷⁶ Там же. С. 332.

¹⁷⁷ Честнов И.Л. Онтологическое измерение постклассической герменевтики права как интерпретации воспроизводства правовой реальности // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 43.

¹⁷⁸ Там же. С. 27—28.

а обусловленный также внешними факторами — экономикой, политикой и прочими сферами жизни, которые интегрируются в правосознание, воздействуя на поведение, трансформируясь в юридические практики. То есть человек (люди) конструирует и воспроизводит право в объективном контексте для правовой реальности — в соответствующей культуре. Механизмом конструирования и воспроизводства права, по мнению И.Л. Честнова является дискурсивная, знаково-символическая деятельность по означиванию (наделению значениями и смыслом) внешнего мира и самого себя¹⁷⁹.

Неклассическая наука изменяет наше представление об объекте знания: объект не существует «сам по себе» вне и независимо от познавательной деятельности субъекта познания. Как указывает автор данного понятия — В.С. Стёпин: «Переход от классической науки к неклассической заключался во вхождении субъекта познания в «тело» знания в качестве его необходимого компонента. Изменилось понимание предмета науки: им стала теперь не реальность «в чистом виде», а некоторый ее срез, заданный через призму принятых теоретических и операционных средств и способов ее освоения субъектом»¹⁸⁰. Поэтому даже если мы пытаемся применять естественно-научные критерии знания к искомому смыслу правовых норм, современная наука уже скептически относится к объективности знания как такового. Даже на уровне восприятия объектов органами чувств мы не можем заявлять о некоем их объективном «отражении» в нашем сознании.

Поэтому и к процессу установления смысла правовой нормы, мы не можем относиться как к «отражению» истинного смысла, присутствующего в норме независимо от нашего восприятия. Целесообразно привести здесь снова мысль Л. Фуллера о том, что словесная коммуникация не состоит в транспортировке смысловых блоков из одной головы в другую: она

¹⁷⁹ Честнов И.Л. Онтологическое измерение постклассической герменевтики права как интерпретации воспроизводства правовой реальности // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 27—28.

¹⁸⁰ Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Научные революции и смена типов научной рациональности. М. : Гардарики, 1999. С. 108.

подразумевает усилия, направленные на инициирование в другом уме процессов восприятия, которые будут в максимально возможной степени соответствовать аналогичным процессам, которые имеют место в уме передающей стороны¹⁸¹.

Более точно сформировала эту особенность толкования Н.Ф. Ковкель. По ее мнению, традиционная (догматическая) теория толкования пытается представить дело так, что законодатель кодирует смыслы в текст, который должен раскодировать правоприменитель в конкретной ситуации. Нетрудно заметить, что такое положение вещей предполагает наличие некоего общего «ключа» для кодировки и раскодировки смысла, которого не существует в правовой реальности. Равно также не существует никакого зеркала для «отражения» истинно существующего объекта. Именно поэтому, Н.Ф. Ковкель обращает внимание на то, что правовые знаки кодируются (создаются) и декодируются (интерпретируются) разными кодами (языками) адресанта и адресата (интерпретатора), в различных социокультурных контекстах¹⁸².

Аналогичного мнения придерживается Д.С. Ягудина, указывая на разницу в установках и пресуппозициях субъектов, исходя из которых они интерпретируют текст. Уникальность каждого человека и его восприятия картины мира порождает различные смыслы. Установки, исходя из которых субъект интерпретирует текст, становятся своеобразным фильтром, через призму которого формулируется часть смысла текста в виде герменевмы¹⁸³.

Не будет преувеличением сказать, что при такой «механике» толкования права текст нормативного правового акта как бы преломляется через сознание интерпретатора. В свою очередь, если мы пропускаем через себя какой-либо смысл, то мы не можем ручаться, что в процессе толкования не привнесем в

¹⁸¹ Фуллер Л. Мораль права. С. 269.

¹⁸² Ковкель Н.Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 132.

¹⁸³ Ягудина Д.С. Конфликт интерпретаций как социально-герменевтический феномен, его предпосылки, разновидности и способы разрешения // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 247.

него что-то от себя. При чем это относится не только к элементу разъяснения, когда мы самостоятельно формулируем положения, разъясняющие текст и закономерно отражающие особенности нашего слога, но и к элементу уяснения, так как именно от индивидуальных особенностей нашего сознания будет зависеть какие акценты мы будем делать, воспринимая смыслы текста. Иначе говоря, речь идет о направленности нашего сознания при уяснении смысла правовой нормы.

По мнению Л.И. Глухаревой, ментальные особенности толкователей, их предпочтения, культура, субъективные цели и интересы, опыт, ситуационные задачи, объем наличной информации, умения и навыки репрезентации предмета познания, творческий потенциал, комбинаторные и продуктивные способности личности и пр. — сказываются, как очевидно, на понимании текста, выявленный смысл которого по этим и многим другим причинам не может оказаться идентичным с тем, что был заложен законодателем или озвучен другим интерпретатором. Мир сознания человека (должностного лица и рядового гражданина) наполнен персональными размышлениями и суждениями, выборочными аргументами, предвзятыми оценками, продуктивным воображением, эмоциональными и перцептивными эффектами. Сознание каждого способно по-другому реагировать на одно и то же информационное воздействие¹⁸⁴.

Проблематичным для существования объективного смысла нормы права является также вытекающее из этого качество его единственности. Идеи философии постструктурализма предлагают посмотреть нам на правовую норму как на «открытое» произведение. Суть данной концепции сводится к тому, что каждое произведение искусства является «принципиально неоднозначным сообщением, множественностью означаемых», сосуществующих в одном означающем, благодаря чему оно изначально открыто для различных вариантов понимания. Иначе говоря, открытость проявляется в художественном

¹⁸⁴ Глухарева Л.И. Конфликт интерпретаций в правоприменении как стимул развития иных систем права // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 239.

произведении как «допустимость бесконечного ряда возможных его прочтений, каждое из которых вдыхает в это произведение новую жизнь в соответствии с личной перспективой. Ввиду многозначности информации, заключающейся в тексте, и возможности бесконечного множества ее прочтения никакой текст не может быть замкнутой структурой, что предопределяет многосмысленность и неопределенность такого текста¹⁸⁵.

Л.И. Глухарева полагает, что «чистых» правовых текстов как носителей собственно единственного значения (смысла) практически не существует, поэтому догматическая логика познания рассматривается в герменевтическом видении в качестве условного и функционального знания о норме, временного и непроблематизированного (истинного) только для определенного когнитивного и социокультурного контекста. Истолкование любого текста заключается не в выявлении как бы предзаданных читателю (интерпретатору, критику, правоприменителю) истинного смысла анализируемого текста, а в конструировании множественности его возможных смыслов, которые он содержит в себе латентно¹⁸⁶. Правоведы справедливо замечают не только несостоятельность концепции единственного смысла правовой нормы, но и на то, что, таким образом, уничтожается потенциал разрешения самых различных споров: «от потенциальной смысловой бесконечности — к единичности!»¹⁸⁷.

Толкуя норму, мы вынуждены так или иначе приспособлять текст закона, дошедший к нам из прошлого, к современным потребностям, а также приспособлять его к возникшим трудностям и отказываться от его старого толкования и строгих общих категорий в ситуациях, когда необходимы исключения. Еще юристы Древнего Рима отмечали, что «всякое определение в гражданском праве опасно: редко бывает, чтобы оно не могло быть опровергнуто». С этим сложно поспорить, так как жизнь не может остановиться

¹⁸⁵ Сиднева Т.Б. «Открытое произведение» Умберто Эко и проблема границы в искусстве // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2011. №5 (21). С. 44—49.

¹⁸⁶ Глухарева Л.И. Конфликт интерпретаций в правоприменении как стимул развития иных систем права // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 237.

¹⁸⁷ Ветютнев Ю.Ю. Заключение // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2016. С. 399.

и замереть в соответствии с заданным смыслом, она требует живого смысла. Как указывает Ю.Ю. Ветютнев: «одна из наиболее удивительных и обескураживающих идей герменевтики заключается в том, что окончательного смысла достичь невозможно. Смысл всегда дан только в процессе своего движения и никогда — в готовом застывшем виде»¹⁸⁸. А запускает это движение и ассимиляцию идей именно толкование, обладающее творческими, продуктивными свойствами, что позволяет переработать устаревший для данного общества смысл правовой нормы и вдохнуть в него новые идеалы.

Наиболее явно это демонстрирует уже рассматриваемый ранее пример толкования Четырнадцатой поправки к Конституции США от 1868 года в отношении практики расовой сегрегации темнокожего населения. По итогам гражданской войны в США и борьбы за отмену рабства, текст поправки провозгласил равенство всех граждан независимо от цвета кожи. Однако, американское общество, в особенности штаты «глубокого Юга», были не готовы в полной мере воспринять эту норму и продолжали осуществлять дискриминацию темнокожего населения. Поэтому толкование указанной поправки Верховным судом США в деле *Plessy v. Ferguson* (1896) осуществлялось в рамках соответствующей парадигмы: если отдельные здания, кварталы, вагоны, предоставленные представителям разных рас, являются равными по качеству (принцип «разделены, но равны», установленный в деле *Roberts v. City of Boston* (1850)), то это не приводит к нарушению Четырнадцатой поправки¹⁸⁹. Тем самым Верховный суд США фактически узаконил расовую сегрегацию.

Однако, спустя более чем 50 лет убеждения людей меняются и для американского общества постепенно становится очевидным несправедливость сегрегации, что приводит к решению Верховного суда США по делу *Oliver*

¹⁸⁸ Ветютнев Ю.Ю. Процедурность юридической герменевтики // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 134.

¹⁸⁹ Хапчаев С.Т., Кокорев В.Г. Расовая сегрегация как проявление идеологического экстремизма: на примере дела «Плесси против Фергюсона» // *Legal Bulletin*. 2023. №4. С. 30—41.

Brown et al. v. Board of Education of Topeka et al. (1954). Толкуя те же положения Четырнадцатой поправки в отношении раздельного обучения людей с разным цветом кожи, суд приходит к противоположному выводу о том, что сегрегированное государственное образование по своей сути является неравным и неконституционным: «в сфере народного образования доктрине «отдельных, но равных» нет места. Раздельные учебные заведения по своей сути неравны. Отделение чернокожих детей от других людей того же возраста и квалификации только из-за их расы порождает чувство неполноценности в отношении их статуса в обществе, которое может повлиять на их сердца и умы таким образом, что вряд ли когда-либо будет устранено»¹⁹⁰.

По этому поводу следует отметить высказывание Б.Н. Кардозо о том, что, суды — это огромные лаборатории права, в которых каждое новое дело — эксперимент; и, если ранее выведенное правило, представляющееся применимым, дает результат, который кажется несправедливым, правило пересматривается. Более того, могут быть пересмотрены сами руководящие начала, если правило слишком часто приводят к несправедливости¹⁹¹.

Аналогичные «развороты» судебной практики при толковании одних и тех же норм права наблюдаются и в российской правовой системе. Толкуя нормы ГК РФ о залоге, Верховный Суд РФ долгое время довольно последовательно отстаивали взгляд о том, что залог не прекращается даже если заложенная вещь была приобретена добросовестным покупателем, не знавшим о залоге, в связи с чем, обращение взыскание на предмет залога у такого покупателя допускается¹⁹². Однако на данный момент можно констатировать, что проблема решена в пользу подхода, согласно которому не может быть обращено взыскание на заложенное движимое имущество, находящееся у лица, которое

¹⁹⁰ Chemerinsky E. Constitutional Law: Principles and Policies. New York: Wolters Kluwer Legal & Regulatory U.S., 2019. P. 765.

¹⁹¹ Кардозо Б.Н. Природа судебной деятельности / пер. с англ. М. : Статут, 2017. С. 17.

¹⁹² Определения Верховного Суда РФ от 10.04.2007 № 11В07-12; от 12.07.2011 № 74-В11-4; от 20.03.2012 № 16-В11-24; от 09.10.2012 № 18-КГ12-39 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество является предметом залога¹⁹³.

Несмотря на то, что господствующая теория догматического толкования с идеей окончательной интерпретации поддержана отечественным законодателем и высшей официальной интерпретационной инстанцией в лице Конституционного Суда РФ, с точки зрения герменевтики и самой правовой реальности она является нонсенсом. Как верно замечает Ю.Ю. Ветютнев, никакой субъект, пусть даже самый авторитетный, не может своим волевым решением запретить дальнейшую интерпретацию текста, по крайней мере, в обществе, где признана свобода мысли и свобода слова¹⁹⁴.

Таким образом, приписывание качества объективности к смыслу нормы права, по крайней мере, весьма спорно по следующим причинам. Во-первых, норма права является специфическим объектом гуманитарных наук скорее недоступным для критериев объективной истины, которые более применимы в инструментарии описательных (дескриптивных) наук. Смысл нормы права — это в первую очередь ценностное утверждение, которое скорее оценивается как «правильное» или «неправильное» (соответствующее ценностям или нет), а не познается. Во-вторых, даже если не принимать во внимание различия в объектах гуманитарных и естественных наук, концепция объективности претерпела серьезный кризис: объект науки больше не воспринимается как нечто отдельное от субъекта; знание признано содержащим интенции наблюдателя. В этой связи какой-либо выявленный смысл правовой нормы не может претендовать на истинность в виде полного соответствия некоему независимо существующему истинному смыслу. Более того, последние достижения науки скорее говорят о том, что смысл скорее может приписываться субъектом, чем извлекаться из «объективной действительности». То есть, с точки зрения современной науки, если говорить о каких-либо операциях со

¹⁹³ См. : подп. 2 п. 1 ст. 352 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.

¹⁹⁴ Ветютнев Ю.Ю. Процедурность юридической герменевтики // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 135.

смыслом, то мы можем только приписывать и понимать приписываемый другими смысл. Ни о каком знании или открытии «объективного», «реального» или «истинного» смысла, обособленного от субъекта речи идти не может. В-третьих, темпоральный разрыв между принятием законодательного положения и ситуацией его применения или даже между различными ситуациями его применения, развитие общественных отношений и бесконечная генерация уникальных ситуаций, — все это вынуждает интерпретатора корректировать смысл абстрактной нормы закона, что не позволяет подтвердить утверждения о единственном и навечно данном смысле нормы права.

Хоть объективный смысл правовой нормы представляет собой достаточно условный концепт и внушен юридическим оптимизмом, все же непродуктивно будет отказываться от определенных критериев рациональности, логичности и предметности, которые он предлагает для достижения интерпретации, характеризуемой в качестве всеобщей, о чем будет более подробно сказано в последующих главах. Как отмечает Ф. Либер, ключевым свойством интерпретации является то, что она осуществляется на надежном основании — правилах разума, а не произвольно или по прихоти. По мнению ученого это свойство отличает толкование от выдвижения гипотез, догадок и предположений (*conjecture*)¹⁹⁵.

В отличие от литературного критика юристу тяжело допустить плюрализм уяснения смысла текста, так как в этом случае, будут подвержены опасности основные признаки и достоинства права — предсказуемость, формальная определенность и общеобязательность. Поэтому, по мнению Д.С. Ягудиной, признание истинным только одного смысла в юридическом контексте является необходимостью, и в этом принципиальное отличие юридической герменевтики от философской и других специальных герменевтик¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. Boston : C.C. Little and J. Brown. 1839. P. 22.

¹⁹⁶ Ягудина Д.С. Принципы и критерии истинности интерпретации в праве // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб. : Алетей, 2016. С. 149.

Причина, по которой достижение истинного, объективного, реального или действительного смысла возможно, видится правоведам в том, что даже в неясных ситуациях всегда сохраняется твердое ядро значений текстов и фактов, обеспеченных действием в праве принципа определенности правовых предписаний. При этом определенность правовых предписаний трактуется не как характеристика точности или ясности соответствующего текста, а как выражение юридической необходимости регулирования общественных отношений на основе однозначных правил. В этой связи также презюмируется, что официальное толкование есть корректное выявление истинного смысла нормы, и это придает ему статус не только законной, но и авторитетной акции¹⁹⁷.

Проведенный в настоящем параграфе критический анализ объективистской концепции толкования позволяет сделать следующие выводы, определяющие дальнейший ход исследования:

1. Эпистемологическая несостоятельность: традиционная ориентация на поиск «объективного смысла» основана на устаревшей научной парадигме, которая не учитывает ценностную природу права и неизбежное участие субъекта в конструировании познаваемого объекта. Смысл не «открывается», а «созидается» в акте интерпретации.

2. Темпоральная неадекватность: идея статичного, навечно данного смысла игнорирует динамику общественных отношений и необходимость постоянной актуализации правового содержания. Правовой смысл всегда контекстуален и темпорален.

3. Преодоление монизма: признание имманентно присущей правовому тексту поливариантности смыслов требует перехода от поиска «единственно верного» решения к процедурам аргументированного выбора наиболее обоснованной интерпретации в рамках «правовой рамки».

¹⁹⁷ Глухарева Л.И. Конфликт интерпретаций в правоприменении как стимул развития иных систем права // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 239—241.

4. **Интерсубъективный поворот:** на смену дихотомии субъекта и объекта должна прийти модель интерсубъективной коммуникации, где критерием валидности смысла выступает не его «объективность», а его укорененность в правовой традиции, принципах права и консенсусе юридического сообщества.

Таким образом, деконструкция объективистского подхода обеспечивает методологическое пространство для анализа субъективистских концепций, а в конечном итоге — к построению динамической герменевтической модели процесса толкования, в которой категория смысла занимает центральное, онтологическое положение. Смысл права — это не застывший артефакт прошлого, а живое отношение, постоянно рождающееся в диалоге между текстом нормы и вызовами современности.

§2.2. Критический анализ субъективистского подхода: проблема реконструкции замысла законодателя

В теории толкования права часть исследователей считает, что толкованию подлежит только тот смысл, который отражает волю законодателя, в частности: Е.В. Васьковский видит цель толкователя в том, чтобы «пролить свет на действительную мысль законодателя»¹⁹⁸, Т.Я. Хабриева считает, что толкование права направлено на смысл, который «имелся ввиду законодателем»¹⁹⁹, А.С. Пиголкин указывает на толкование права как на процесс установления и раскрытия воли господствующего класса, которую выражает законодатель²⁰⁰, А.А. Лазутин — как «на раскрытие выраженной в нормах права воли социальных сил, стоящих у власти»²⁰¹. Как, верно, указывает А.И. Овчинников, современная теория толкования так и продолжает находиться в плену того стереотипа, который требует в процессе толкования установления замысла законодателя²⁰².

Более подробно этот вопрос традиционно рассматривается в рамках дискуссии теорий о «воле законодателя» и «воле закона», а также о соотношении статистического и динамического толкования права. Так, деление теорий толкования на статистические и динамические, предложенное Е. Врублевским, предполагает, что дифференциация проходит в зависимости от ценностей правовой жизни: стабильность и определённость права с одной стороны, динамизм и приспособление права к меняющимся условиям жизни с другой²⁰³. Диалектика данных ценностей достаточно широка, и включает в себя не только противоречия между «волей законодателя» и «волей закона», но также конфликт между «духом» и «буквой» закона — расширительным и буквальным способом толкования текста, между историческим толкованием закона и

¹⁹⁸ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. С. 142

¹⁹⁹ Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. С. 99.

²⁰⁰ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 16.

²⁰¹ Лазутин А.А. Воля и волеизъявление законодателя в процессе толкования норм права // Право и современные государства. 2018. №6. С. 28—34.

²⁰² Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 136.

²⁰³ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. С. 32.

актуальным. Однако, мы обратимся только к наиболее интересующему нас, основному постулату статистической теории, который гласит, что в ходе толкования мы пытаемся установить в норме права «волю законодателя», смысл, закладываемый законодателем, или в некоторых интерпретациях этой теории смысл «воли законодателя» — его цель, интерес или потребность.

Очевидно, что в вопросе о направленности толкования права в теории «воли законодателя» прослеживается ее ангажированность позитивистской концепцией правопонимания в соответствии с которой право понимается как «воля суверена». Именно поэтому для теории толкования «воли законодателя» актуальны все те же вопросы и замечания, которые предъявляются к данной концепции.

Юридическая практика показывает, что право существует скорее не в форме императивного приказа, чье авторство можно установить, а скорее являет собой компромисс между отдельными людьми и социальными группами. Причем это утверждение справедливо как по отношению к частной сфере, так и к публичной.

В качестве первого примера можно рассмотреть процесс согласования условий договора между сторонами: обмениваясь редакциями договора и перебирая различные варианты, контрагенты, как правило, идут на компромисс, уступая в одном условии договора, но выигрывая в другом, тем самым, сохраняя баланс интересов. То есть, в таком случае, для толкования не продуктивно будет устанавливать волю сторон по отдельности, так как каждый из участников договора имел намерения добиться большего, чем добился в ходе компромисса, или же рассматривать итоговый результат переговоров в качестве арифметического сложения воли сторон, но имеет смысл устанавливать смысл самого компромисса. Поэтому вполне обоснованно звучит утверждение Н.Э. Максимовой, что «предопределяющее значение для гражданского оборота имеют не конкретные воля и волеизъявление, а совпадение воли и волеизъявлений договаривающихся сторон»²⁰⁴.

²⁰⁴ Максимова Н.Э. Воля и волеизъявление как существенные элементы гражданско-правового договора // Вестник ЧГУ. 2006. №5. С. 60—62.

В свою очередь, если мы рассмотрим законодательный процесс в Российской Федерации или в любом другом современном государстве, то увидим, что в нем участвует множество субъектов, вынужденных договариваться между собой, а не только сами составы законодательных собраний: от групп давления и лобби до должностных лиц и государственных органов с правом законодательной инициативы, правом наложения вето или предоставляющих отзывы на законопроекты. Довольно примечателен здесь случай, когда Государственная Дума в своих Постановлениях от 21.07.1995 № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11.10.1996 № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» на правах законодателя предоставила толкование своей воли, выраженной в вышеуказанных законах, ссылаясь на ч. 1 ст. 105 Конституции РФ, согласно которой федеральные законы принимаются Государственной Думой. Проверяя конституционность таких постановлений Государственной Думы Конституционный Суд указал, что принятым федеральным законом может считаться только тот закон, который прошел через все стадии законодательного процесса, поэтому Государственная Дума не может претендовать на роль монопольного волеизъявляющего органа, а данные ей толкования не являются аутентичным официальным разъяснением закона или делегированным официальным разъяснением закона²⁰⁵.

Если обратиться к теоретическому обоснованию права как социального компромисса, то в ученой среде на этой точке зрения стоял М.А. Рейснер, указывая на его плюралистическое содержание, в том смысле, что право выражает волю различных социальных групп. Всякое право, по его мнению, не обладает «классовым единством», каждая правовая система, по сути, «лоскутное» право, в том числе, советское право, которое состоит из пролетарского, крестьянского и буржуазного. Рейснер М.А. считает, что «общее

²⁰⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

право есть только результат компромисса этих отдельных классовых прав, при чем, естественно, в классовом обществе этот компромисс несет уклон в сторону наиболее сильной классовой группы»²⁰⁶.

В свою очередь, Р. Иеринг последовательно развивал мысль о том, что право создается борьбой внутри общества, так как каждым членом общества постоянно прилагаются усилия по поддержанию порядка путем отстаивания своего интереса. Сталкиваясь в «борьбе за право», интересы облечены в форму права и потому приводят не к хаосу, а к порядку – к тому, что правовая материя всегда выражает чьи-то интересы. Интерес означает «ценность блага в его особенном применении к целям и отношениям лица, обладающего благом»²⁰⁷. В интересе, конечно, отражается субъективное стремление человека к достижению определенной цели, получению, в связи с этим известного блага, пользы, выгоды. Вместе с тем, право конституирует такие интересы в одно целое, которое перестанет быть таковым при расщеплении и установлении интересов каждого в отдельности.

Из вышеизложенного следует, что в правовых нормах не может быть выражена воля некоего единого субъекта или органа власти, диктующим свою волю как суверенную, более того, вопреки этатистским концепциям правопонимания даже государство в целом и властвующие не могут претендовать на эту роль. Как указывает В.В. Иванов, «абсолютный суверенитет Ж. Бодена, Ж.-Ж. Руссо и прочий подлинный суверенитет есть абсолютный фантазм, ни одно государство никогда не обладало таким суверенитетом. Государство так или иначе ограничено моральными и нравственными нормами, культурными традициями, политическими обычаями, наконец всей политической, социальной и экономической реальностью, заставляющей принимать одни конкретные решения и непременно воздерживаться от других»²⁰⁸. В действительности, суверен в силу своей

²⁰⁶ Рейснер М.А. Общее право. М. : Государственное издательство, 1925. С. 125.

²⁰⁷ Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб. : Н.В. Муравьев, 1881. С. 10.

²⁰⁸ Иванов В.В. Теория государства. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 21.

немногочисленности не может беспрепятственно диктовать свою волю, как отмечал Г.Ф. Шершеневич: «эгоизм властвующих подсказывает им благоразумие и умеренность; они могут охранять свои интересы, только тесно сплетая их с интересами подвластных и по возможности, не доводя последних до осознания противоположности»²⁰⁹.

Таким образом, при поиске «воли законодателя» в ходе толкования права проблемным становится вопрос: кто такой законодатель и есть ли он вообще? В отечественной правовой системе роль законодателя могла бы взять на себя нижняя палата парламента, однако в таком праве ей было отказано судом. Государственный аппарат в целом также не вполне годится на роль суверенна и законодателя, так как при принятии закона вынужден учитывать мнение и считаться с группами давления, лобби, международным сообществом и населением в целом — то есть не просто выражать свою волю, а идти на компромисс. Кроме того, сами властвующие, правящая элита или аппарат публичной власти не представляют собой какого-то монолитного единства в ходе законодательного процесса, а являются лишь его сторонами со своими целями, интересами и волей; то есть о какой-то реальности фигуры законодателя и речи идти не может, даже в случае достижения согласия между участниками законодательного процесса. Такое положение вещей позволяет констатировать вслед за Е.В. Васьковским неизвестность относительного того, «кто собственно является автором толкуемой нормы, и чью волю следует раскрывать при ее толковании»²¹⁰.

При постановке задачи толкования на выяснение чего желал законодатель, вместо определения смысла закона, по справедливому замечанию, «происходит смешение юридического толкования с историческим», которое становится особенно опасным в применении в современном законодательству. Как уже указано ранее, в государстве не может быть законодателя, который лично

²⁰⁹ Шершеневич Г.Ф. Философия права / Часть теоретическая. Общая теория права. М. : Бр. Башмаковы, 1910—1912. С. 310.

²¹⁰ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. С. 156.

составлял бы и придумывал закон, поэтому слишком легко, при помощи дальнейшего удобного смешения, «придавать авторитетное значение вместо законодателя отдельным лицам, которые были случайным образом причастны к составлению закона»²¹¹.

За этими рассуждениями закономерно возникает следующий вопрос: а можем ли мы вообще говорить о какой-либо единой коллективной воле? Даже если подразумевать под сувереном или законодателем некий коллективный субъект и, соответственно, резюмировать истолкование коллективной воли в законе, то, когда мы говорим об этом, налицо определенная фикция такого выражения. Н.Н. Черногор справедливо отмечает, что волеобразование остается для юристов *terra incognita*, лишь некоторые ученые обращаются к этой проблематике с многочисленными оговорками о том, что она выступает предметом психологической науки, а ее исследование невозможно без использования методологического инструментария и достижений социальной психологии и отчасти социальной педагогики²¹².

Действительно, категория воли относится, прежде всего, к сфере психологического и личностного, поэтому применяется к объединениям вроде политических организаций или юридических лиц лишь по аналогии. Так, анализируя применение категории «воли» в отношении формулируемого органами юридического лица поведения, С.С. Вилкин подчеркивает, что оно «обуславливается только тем, что выполняет функцию регулятора деятельности юридического лица подобно тому, как воля является психическим регулятором поведения человека»²¹³. В результате совпадения воли, целей, интересов, потребностей, в действительности, не образуется единый субъект с общей волей, поскольку составляющие его частные субъекты не утрачивают своей

²¹¹ Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. С. 158.

²¹² Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : монография. Т. 1 / Черногор Н.Н., Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.] ; отв. ред. Н.Н. Черногор. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. С. 19.

²¹³ Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

индивидуальности и воли, а скорее появляется интенциональный объект в виде общего смысла²¹⁴ или, как обозначает этот момент Х.-Г. Гадамер — общий горизонт видения²¹⁵, к которому направлены воли сторон и который может быть истолкован. Иначе говоря, применительно к толкованию права это означает, что смысл закона, например, это не чья-то объективированная воля, а пространство интрасубъективной реальности, объединяющее смыслы, закладываемые сторонами законодательного процесса.

В связи с этим, проблема определения автора правовой нормы и выражения в последней чьей-то конкретной воли, остается актуальной для теории толкования воли законодателя. Даже в случае, если закон был принят без правок в редакции предложившего его депутата или помощника депутата, подготовившего проект, вряд ли будет обоснованным опираться при толковании исключительно на волю такого субъекта и, тем более, придавать большее значение его собственному толкованию такой воли. В аналогичном тоне высказывается Е.Н. Тонков: «интерпретатору бессмысленно пытаться выявить метафизическую волю интрасубъективного законодателя, не установив чей законопроект был принят, кто его лоббировал, какие ведомства будут использовать новые нормы, какие юридические средства сочтет оптимальными правоприменитель, в чем будет заключаться его профессиональный и личный интерес»²¹⁶.

Л. Брютт справедливо замечает, что потребность в законе исторически объясняется потребностью в правовой твердости, а этот идеал был бы недостижим, если бы мы стали толковать текст закона на основании изыскания души тех конкретных людей, которые случайно приняли участие в его редакции²¹⁷. Л. Фуллер аналогичным образом приходит к выводу, что ни разработчики закона, ни парламентарии, которые голосовали за него, ни

²¹⁴ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 382.

²¹⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 360—362.

²¹⁶ Тонков Е.Н. Постклассическая парадигма толкования права // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2024. С. 67.

²¹⁷ Цит. по Белова М.А. Сравнительный анализ концепций толкования права в Германии. С. 24.

парламент в целом, не могут ручаться за озвучиваемый лично ими смысл закона, поэтому он предлагает рассматривать закон как чье-то «незавершенное изобретение», оставленное сыну отцом, которое первый должен доработать²¹⁸.

Х.-Г. Гадамер констатирует различие между пониманием автора текста и пониманием самого текста, обращая внимание на слова И. Хладениуса: «так как люди не всё способны предусмотреть, то их слова, речи и произведения могут означать нечто такое, о чем они сами не собирались говорить», поэтому, «пытаясь понять их произведения, можно думать о вещах, которые не приходили их авторам на ум». Темные места в книгах, неосознаваемые до конца самими авторами, могут, по И. Хладениусу: «стать плодотворными для нас и побудить к многим мыслям»²¹⁹.

Ф. Шлеймархер и вовсе формулирует тезис, что автора нужно понять лучше, чем он сам себя понимал, рассматривая акт понимания как реконструкцию творческого процесса, в ходе которого может быть уяснено кое-что из того, что не могло быть осознано творцом²²⁰. Отсюда он заключает, что автор не является признанным интерпретатором произведения или высшим авторитетом при его понимании, так как не обладает никаким преимуществом перед другим читателем, точно также осмысляя свое произведение. Главной задачей юридической герменевтики является «суметь за буквой почувствовать дух, владеющий автором, за знаком – его не только непосредственное значение, но и глубинный потаенный смысл, а под ним и смысл, явно не осознававшийся самим автором»²²¹.

Основываясь на подобных рассуждениях Х.-Г. Гадамер приходит к тому, что смысл текста всегда превышает авторское понимание, что позволяет ученому констатировать продуктивность процесса понимания, но при этом говорить не о «лучшем» понимании текста вследствие этой продуктивности, а о

²¹⁸ Фуллер Л. Мораль права. С. 107.

²¹⁹ Цит. по Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 241.

²²⁰ Там же. С. 240.

²²¹ Стрелкова Е.Ю. Герменевтический подход к толкованию норм права // Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2015. С. 50.

понимании «иначе»²²². Как верно замечает А.И. Овчинников, новый этап в развитии юридической герменевтики состоит в том, что если ранее считалось необходимым установление того, что хотел сказать в тексте законодатель, то теперь эта задача видится не решаемой в принципе. Процесс интерпретации правовой нормы является творческим, и, по сути, правоприменитель, выступая со-законодателем, создает новую норму, осуществляя акт подведения общей нормы и конкретного случая²²³. По мнению К. Ларенца и К.-В. Канариса, как только закон применяется, он оказывает собственное воздействие, выходящее за рамки того, что предполагал законодатель. Закон касается множества меняющихся условий жизни, все из которых законодательная власть не могла учесть. Жизнь требует ответов на вопросы, которые законодатель еще себе не ставил²²⁴.

Кроме того, исходя только из практических соображений не следовало бы признавать за волей законодателя способности дать ответы на все вопросы правоприменения с помощью ее толкования. По Ф. Либеру, интересы момента, в самой гуще которых мы живем, их масштаб, с которым субъекты склонны смеряться, представлять их в ярком свете и придавать слишком большое значение, зачастую затмевают и наносят ущерб куда более важным отдаленным интересам²²⁵. Как указывал Ш. Монтескье: «Дрожащей рукой мы должны принимать законы». Поэтому если бы мы попытались урегулировать каждый случай в соответствии со взглядами текущего законодателя и с учетом сиюминутных интересов, мы бы установили самую невыносимую тиранию и анархию²²⁶.

Подводя итог, следует отметить, что теория толкования воли законодателя имеет неясности и упущения как с философско-правовой точки зрения, так и с позиции философии в целом.

²²² Цит. по Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 243.

²²³ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 137.

²²⁴ Там же. С. 161.

²²⁵ Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. Boston : C.C. Little and J. Brown. 1839. P. 218.

²²⁶ Ibid. P. 163.

В первом случае, сведение толкуемого смысла нормы права к воле законодателя обрекает эту теорию на существование исключительно в рамках этатистской концепции правопонимания, игнорируя установившийся в науке плюрализм и замечания, высказываемые остальными теориями по отношению к юридическому позитивизму. Рассматривая право с позиций различных школ: как общественное отношение, общечеловеческую ценность, результат консенсуса или исторического процесса, невозможно говорить о каком-либо авторстве смысла правовой нормы, и, соответственно, о фигуре некоего законодателя. Правовая норма и ее смысл всегда будут обезличенным общественным продуктом, на то право и социальное явление. Даже при выражении правила поведения конкретным лицом, будь то принятый законопроект депутата парламента или указ монарха, оно признается в качестве правового только обществом в целом, так как без такого акцепта оно просто останется словами на бумаге. Более того, воля такого лица может быть направлена на установление порядка, противоречащего всем принципам права, что может дискредитировать юриста, толкующего право, («искусство добра и справедливости» по изречению римских юристов) до проводника воли суверена.

С философской точки зрения, сама структура выражения смысла и его понимания устроена таким образом, что автор никогда не может поручиться, что высказанное им целиком и полностью отразило его волю, или содержит ровно столько смыслов, сколько он хотел высказать — не больше и не меньше, а мы равно также не можем зарекаться от восприятия смыслов о которых автор даже не задумывался. Иначе говоря, мнение или волю автора текста почти невозможно изолированно выделить из самого текста, смысл которого всегда превышает вкладываемый авторский смысл. Именно поэтому, также сложно говорить о какой-либо действительной воле законодателя: все рассуждения по этому поводу будут носить предположительный и вероятностный характер, так как мы имеем дело только с текстом и не можем проникнуть в мысли автора на момент законодательного процесса (как и он сам, между прочим).

Наконец, из предыдущей главы, посвященной философско-правовому анализу категории смысла, следует, что она не может быть сведена исключительно к замыслу автора того или иного нормативного текста. Смысл нормы права предопределен еще и семантическим ядром в виде текстуального содержания правовой нормы, и контекстом (системным, социально-политическим, ситуативным).

Опора исключительно на цель правовой нормы, предполагаемую законодателем, без учета текстуального содержания правовой нормы и общепринятых языковых конвенций, может привести к ранее приводимому примеру Дж. Серля²²⁷. Наполняя содержание текста неадекватными формулировками, невозможно донести какую-либо последовательную мысль законодателя, которая была бы исполнима и позволила бы упорядочить общественные отношения. При этом, пользуясь языковыми конвенциями, уже не один законодатель диктует правила, а сама структура языка той или иной общности подчиняет себе логику правового регулирования.

В свою очередь, придавая определяющее значение воле законодателя и игнорируя изменяющийся контекст, приходится говорить не о смысле правовой нормы, а скорее о ее бессмысленности. Например, когда речь идет о буквальной адаптации замысла законодателя к сменившемуся технологическому или этическому укладу общества. Так, в XVIII веке студент Оксфордского университета потребовал при сдаче экзамена кружку пива, сославшись на действующий университетский устав от 1513 года, который гарантировал, что каждому экзаменуемому более четырех часов причитается кружка пива. Просьба была удовлетворена частично: студенту была подана кружка лимонада и дополнительно пояснено, что если следовать буквальной трактовке того же устава, то студент должен был явиться на экзамен со шпагой.

Таким образом, замысел законодателя является лишь фактором с ограниченным влиянием в комплексном отношении по конструированию смысла правовой нормы, включающем в себя также: текстуальное содержание

²²⁷ Сёрл Дж. Философия языка. С. 56—75.

нормативного текста, predetermined языковыми конвенциями; изменяющийся контекст правоприменения, ставящий под вопрос актуальность мысли законодателя для регулирования развивающихся общественных отношений; телеологический вектор правовой нормы, обусловленный не только замыслом законодателя, но и историей ее развития, спецификой проблемной ситуации, на которую правовая норма была направлена.

Однако, при всех прочих, нельзя не признать за теорией толкования воли законодателя некоторой познавательной ценности.

Во-первых, ориентация на волю участников законодательного процесса, их интересы, мотивы, потребности, позволяет нам более широко взглянуть на смысл законодательного акта, постулировать наличие или отсутствие в нем правовых характеристик. Так или иначе, смысл правовой нормы может быть частично почерпнут исходя из воли и стремлений отдельных субъектов законодательного процесса, хотя бы в силу того, что они совпадают с волей остальных его участников и социальной реальностью в целом, а также, в конечном итоге, влияют на образование смысла правовой нормы. Как указывает Д.А. Леонтьев, основным источником смыслообразования является цели, мотивы и потребности, которые обеспечивают уникальность восприятия объективной реальности и уникальность смыслов, соответственно²²⁸. Вместе с тем, неправильно было бы указывать направленность всего процесса толкования права только на установление воли сторон законодательного процесса или отдавать этому направлению поиска смысла правовой нормы какой-либо приоритет. Понимание воли, целей, интересов авторов законопроектов, должностных лиц и органов, участвующих в законодательном процессе помимо того, что имеет ограниченное познавательное значение и не лишено условностей в плане уяснения смысла правовой нормы, но еще и не в состоянии охватить процесс ее смыслообразования целиком.

Во-вторых, если рассматривать фигуру законодателя и его волю не в качестве реально существующих объектов, а как определенного рода фикцию,

²²⁸ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. С. 111-112.

то такой прием может быть эффективен для уяснения смысла правовой нормы. Вместо реального автора предполагается «образцовый автор», под которым подразумевается образцовая «текстовая стратегия, определяющая семантические корреляции и требующая, чтобы ей подражали»²²⁹. Иначе говоря, при толковании нормы права мы ставим себя на место законодателя (автора нормативного акта), если бы он действительно существовал, и исходя из содержания нормы предполагаем на что могла быть направлена наша воля, если бы мы были идеальным законодателем, а в дальнейшем возвращаемся с полученным результатом к толкуемому тексту. Более точно, такой подход в свое время выразил Ф.К. Савиньи, определяя цель толкования следующим образом: «...мысленно представить себе и понять точку зрения законодателя и искусно воспроизвести в себе его деятельность... снова воскресить вложенные в «мертвые» буквы «живые» мысли²³⁰. То есть используется психологический метод, направленный на установление мотивов предполагаемого законодателя, являющийся ничем иным как интроспекцией интерпретатора, ограниченной в своих познавательных возможностях. Отчасти именно поэтому стоит критически относиться к результатам такого приема и помнить, что указанное мыслительное упражнение способно быть только одним из способов толкования нормы права, но при его использовании не может идти речи о реальном установлении воли законодателя или действительном смысле правовой нормы.

Подводя итог критическому анализу научной дискуссии о направленности процесса толкования права, необходимо сформулировать следующие концептуальные выводы:

1. Недостаточность классической дихотомии: ни субъективистский подход (поиск воли автора), ни объективистский подход (поиск воли закона) не способны в полной мере описать процесс смыслообразования в современной

²²⁹ Ковкель Н.Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 119.

²³⁰ Цит. по Белова М.А. Сравнительный анализ концепций толкования права в Германии. С. 12.

юриспруденции. Первый превращается в психологическую спекуляцию, второй — в лингвистический фетишизм.

2. Смысл как онтологический медиатор: категория смысла выступает связующим звеном между «мертвым» текстом и «живой» практикой. Смысл — это не сущность, скрытая в словах, а интерсубъективное событие понимания, возникающее в диалоге между интерпретатором, нормой и контекстом.

3. Отказ от идеала «объективной истины»: в теории толкования следует перейти от поиска «истинного смысла» к поиску «правильного» или «легитимного» смысла. Это означает признание поливариантности интерпретаций и важности рациональной аргументации при выборе окончательного решения.

4. Творческая функция интерпретатора: толкование имманентно содержит правотворческий потенциал. Интерпретатор (особенно судья) не является «устаами закона», он активно конструирует правовую реальность, адаптируя абстрактные формулы к уникальным вызовам жизни.

5. Интерсубъективные границы усмотрения: свобода толкования не тождественна произволу. Она ограничена «правовой рамкой» — системой принципов, аксиом и разделяемых в обществе ценностей, которые обеспечивают предсказуемость и стабильность правопорядка.

Таким образом, переосмысление направленности толкования через призму категории смысла позволяет заложить фундамент для построения динамической модели процесса толкования. Эта модель, в отличие от традиционных статических схем «уяснения и разъяснения», должна учитывать когнитивную активность субъекта, влияние контекста и необходимость процедурной легитимации полученного результата. Именно переходу к моделированию этого сложного, многоуровневого процесса смыслообразования будет посвящена третья глава настоящего исследования.

Глава 3. Моделирование процесса толкования права через призму категории смысла

§3.1. Концептуальные основы моделирования процесса толкования: от стадиальности к динамической модели

При моделировании процесса толкования права отечественной юридической наукой традиционно указываются в качестве его основных стадий: операции уяснения и разъяснения, а в странах общего права: интерпретации и конструкции. Вместе с тем, многие правоведы полагают выделение стадий в процедуре толкования права недостаточным, считая, что в отечественной правовой науке отсутствует динамическое моделирование процесса толкования, которое бы отражало реальные стадии правовой интерпретации²³¹.

Остановимся на первом этапе традиционной теории толкования — уяснении. У большинства правоведов принято довольно краткое описание этого процесса: главным образом указывается, что он происходит «внутри сознания»²³² интерпретатора. Однако, в теории толкования права имеются и более обстоятельные характеристики указанного процесса.

Толкование-уяснение, по мнению А.С. Пиголкина, представляет собой необходимый подготовительный акт для любой работы с правовой нормой, в том числе, для ее применения²³³. Нередко можно встретить определение процесса уяснения как «ознакомления с правовым предписанием, субъективным восприятием интерпретатора, оценкой, выявлением соотношения с практикуемой актором индивидуальной нормативной системой». То есть, уяснение не содержит в себе обязательность дальнейшего разъяснения или применения, уяснение — это самодостаточный процесс, итоги которого могут

²³¹ Ковкель Н.Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 122.

²³² Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. №8 (236). С. 15—28.

²³³ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 9.

удовлетворить познающего субъекта²³⁴. Е.Н. Тонков считает, что толкование-уяснение как стадия и цель толкования нормы закона представляет собой интеллектуальную деятельность, направленную на индивидуальное познание смысла и содержания текста или сведений о тексте²³⁵.

С.В. Бошно описывает уяснение правовой нормы как внутренний мыслительный процесс познания, не выходящий за пределы сознания интерпретатора и предполагающий творческую интеллектуально-волевою активность интерпретатора²³⁶.

Исходя из данных определений толкования-уяснения становится очевидным его несамостоятельный характер как стадии толкования, так как он фактически отождествляется с процессом понимания правовых норм, не выражает какой-либо соотнесенности именно с толкованием права, и в этом смысле, не обладает никакой особой спецификой по отношению к нему. Понимание или уяснение содержания правовых норм имеет место в любой из форм правореализации, будь то соблюдение, исполнение, использование норм права или же правоприменение, что также предполагает предварительное ознакомление и понимание применяемых норм. Действительно, уяснение имеет место при толковании права, но указание этой стадии ничего не дает для понимания специфики процесса толкования.

По мнению А.С. Пиголкина, уяснение предполагает, что субъект устанавливает смысл правовой нормы в его полном объеме, тогда как толкование-разъяснение имеет более конкретную цель — «раскрыть смысл того или иного термина или выражения, употребленного в нормативном акте, объяснить, на кого норма распространяется, подлежит ли определенный конкретный случай решению на основании толкуемой нормы и т. д.»²³⁷. Иначе говоря, толкование-разъяснение по А.С. Пиголкину и представляет собой толкование права как специальную деятельность, в отличие от

²³⁴ Тонков Е.Н. Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2015. С. 15.

²³⁵ Тонков Е.Н. Толкование закона и права. С. 10.

²³⁶ Бошно С.В. Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. №4. С. 18—26.

²³⁷ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 9.

несамостоятельной деятельности уяснения. Конкретность цели этой деятельности позволяет говорить о толковании-разъяснении как об особом процессе, отличающемся от других видов деятельности. В этой связи ученый возражает против рассмотрения толкования права как двухстадийного процесса уяснения и разъяснения.

Вместе с тем, если мы ограничимся описанием толкования права как процесса разъяснения, то получим простую тавтологию, которая мало что дает для юридической науки. С.В. Бошно предлагает следующее определение разъяснения: это есть «деятельность по изложению и доведению до сведения других лиц смысла права. Разъяснение воплощает предшествующую познавательную деятельность в форме суждений, понятий, умозаключений»²³⁸. Нетрудно заметить, что определяющим признаком здесь служит то, что смысл «изложен» и зафиксирован в каком-либо результате. Недаром Н.В. Малиновская заключает, что понятие «толкование» в традиции российской юридической науки скорее рассматривается именно как процесс внешнего разъяснения для обозначения внешних результатов интерпретации²³⁹. Но вряд ли такое определение позволяет ответить на вопрос, что происходит в процессе толкования.

Более того, следует также обратить внимание, что само деление процессов уяснения и разъяснения весьма спорно. Если мы подразумеваем под уяснением мыслительный процесс тождественный пониманию²⁴⁰, то проблематично развести его с разъяснением, которое также можно обозначить как объяснение. Как указывает Е.Н. Тонков, «операции понимания и объяснения в любом диалоге чередуются, поэтому проведение четкого различия между состояниями понимания и объяснения невозможно. Понимание — это в том числе объяснение самому себе, самоаргументация, убеждение себя в

²³⁸ Бошно С.В. Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. №4. С. 18—26.

²³⁹ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 101.

²⁴⁰ Азнагулова Г.М. Толкование права как познавательный процесс // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 4. С. 7—14.

достоверности нового знания»²⁴¹. Безусловно, разница между мыслительным процессом происходящим внутри сознания и процессом формулирования мыслей в языковом выражении очевидна. Но может ли такое описание процесса толкования права быть более-менее точным и исчерпывающим?

В качестве альтернативной модели толкования права можно рассмотреть этапы (стадии), традиционно выделяемые в странах общего права. В соответствии с традициями англо-американской юриспруденции Ф. Либер разделяет процесс толкования права на интерпретацию (*interpretation*) и конструкцию (*construction*)²⁴². Для точности терминологии целесообразно обозначать их как толкование-интерпретация и толкование-конструкция.

Под толкованием-интерпретацией Ф. Либер понимает открытие и представление истинного смысла каких-либо знаков, используемых для передачи идей. Его полное определение интерпретации звучит следующим образом: «это искусство нахождения истинного смысла любой формы слов: то есть смысла, который автор намеревался передать, и предоставления другим возможности вывести из них ту же самую идею, которую автор намеревался передать»²⁴³.

Construction на русский язык дословно переводится как процесс строительства, сооружения, что вполне соответствует смыслу придаваемому этому термину в связи с толкованием права: это достраивание правовых норм. Так, Ф. Либер проводя границу между толкованием-интерпретацией и толкованием-конструкцией, указывает, что второе имеет место, когда мы сталкиваемся с противоречивыми местами в тексте, противоречиями толкуемого закона более высокому закону страны или же с новыми и непредвиденными случаями, которые не могли предусмотреть авторы закона при его создании²⁴⁴. Иначе говоря, по Ф. Либери толкованием-конструкцией мы пользуемся в случае дефекта в праве: будь это правовые коллизии, пробелы или

²⁴¹ Тонков Е.Н. Толкование закона и права. С. 13.

²⁴² Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. P. 19.

²⁴³ Ibid. P. 23.

²⁴⁴ Ibid. P. 55—56.

иные недостатки правового регулирования. Кроме того, на стадии толкования-интерпретации интерпретатор работает только с текстом закона, а на стадии толкования-конструкции из-за сложности понимания происходит обращение к иным источникам и материалам, привлекаемым для толкования и устранения неясностей²⁴⁵.

Несколько похожую стадию на толкование-конструкцию пытаются имплементировать в отечественную юридическую науку, вводя понятие «толкования-развития». Оно рассматривается как третья стадия традиционной структуры толкования, следующая за уяснением и разъяснением, при этом необязательно присутствующая в каждом случае толкования, но за счет которой толкование характеризуется как эволютивный процесс²⁴⁶.

Вышеобозначенные виды толкования в странах общего права и попытки российских правоведов выделить новую стадию толкования-развития, неизбежно поднимают вопрос о творческом характере толкования и в действительности пытаются примирить непримиримое: с одной стороны, творческий²⁴⁷ (волевой²⁴⁸) и инновационный характер толкования, способность толкования заполнять правовые пробелы²⁴⁹, с другой — связанность толкования текстом закона, недопустимость привнесения в него нового содержания²⁵⁰, необходимость толкования каждого положения закона²⁵¹. Перед нами открываются две несовместимые стороны одного явления: при характеристике толкования-интерпретации фактически отрицается его творческий характер и указывается его направленность на истинный смысл, заложенный автором текста, а толкование-конструкция возникает в тех случаях, когда нужно оправдать правотворческую деятельность судов при толковании права.

²⁴⁵ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. С. 34.

²⁴⁶ Залоило М. В., Малютин Н. С. Толкование и конкретизация как универсальные формы эволюции права // Актуальные проблемы российского права. 2015. №4. С. 84—89.

²⁴⁷ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. С. 29.

²⁴⁸ Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 424—425.

²⁴⁹ Харт Г.Л. Философия и язык права / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Оглезнева и В. А. Суровцева. М., 2024. С. 135.

²⁵⁰ Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. С. 47—48.

²⁵¹ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. С. 265.

Следует признать, что, помимо обозначенных выше противоречий, указанное деление для целей описания структуры толкования неоправданно и не способно служить теоретически достоверной моделью процесса толкования ввиду следующего.

Во-первых, в качестве отличительной черты толкования-конструкции от толкования-интерпретации, Ф. Либер указывает, что первая всегда стремится выйти за пределы абсолютного смысла текста²⁵². Однако, это признак отличающий прием толкования, а не его отдельную стадию: равно также отличается буквальное (или как его называет Ф. Либер — *close interpretation*) и системное толкование, или же ограничительное и расширительное толкование права.

Во-вторых, толкование-интерпретация при изложенных характеристиках фактически не имеет отношения к правовой деятельности и подразумевает под собой неюридическое толкование. Так, Ф. Либер видит причины неясностей и, соответственно, необходимости толкования-интерпретации в недостатке знания предмета, толкуемого у интерпретатора или автора интерпретируемого, либо в несовершенстве владения средствами коммуникации у того и другого, а также в силу свойства самого человеческого языка, который никогда не может гарантировать абсолютного идентичного сообщения идеи²⁵³.

Действительно, толкование — это работа с доступностью для понимания содержания текста, которое предопределено, в первую очередь, спецификой юридического языка. Однако, если речь идет о том, что законодатель плохо сформулировал нормы права, то это правовой дефект, который надлежит исправлять толкованию-конструкции, так как это ее отличительная черта. А если речь о том, что требуется «перевод» с юридического языка на язык обывателя, то такая интерпретация не будет иметь собственно юридического значения, так как она будет лежать за пределами языковой игры, называемой юриспруденцией. Другими словами, толкование права перестает быть особой

²⁵² Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. P. 64.

²⁵³ Ibid. P. 39.

юридической деятельностью, но становится толкованием в общем смысле слова, то есть толкованием любого текста. Поэтому весьма справедливо замечание П.Е. Недбайло о том, что толкованием в юридическом смысле нельзя называть что-либо кроме правоприменительного толкования. В частности, он предлагает отличать от него научную разработку и разъяснения общего характера для граждан²⁵⁴.

Таким образом, можно констатировать, что общепринятое в российской юридической науке деление толкования права на стадии уяснения и разъяснения, а также принятая в странах общего права традиция рассмотрения толкования как интерпретации и конструкции требуют актуализации. Процесс толкования права заслуживает более детального описания и подробного моделирования, что позволит выделить его уникальные черты и придать теории толкования бóльшую практическую значимость.

Представляется верным для описания процесса толкования рассматривать его как процесс установления смысла, в чем сходятся большинство правоведов²⁵⁵. Целесообразно учитывать специфику категории смысла и мыслительных операций, осуществляемым с ним. Указанные вопросы лежат в области герменевтики и открывают несколько иной, более практически применимый и теоретически выверенный путь описания процесса толкования и его структуры, на что обращает внимание Г.М. Азнагулова²⁵⁶.

Так, например, если рассматривать процедуру толкования герменевтически, то выделяются следующие стадии: 1) ожидание смысла; 2) прояснение смысла; 3) предварительный набросок смысла текста в целом; 4) дальнейшее углубление с пересмотром наброска²⁵⁷.

Ю.Ю. Ветютнев, используя герменевтическую методологию, выделяет восемь этапов процесса толкования: 1) выбор текста; 2) «курсорное чтение» —

²⁵⁴ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М. : Госюриздат, 1960. С. 325—326, 327—328.

²⁵⁵ Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. С. 142; Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. С. 34.

²⁵⁶ Азнагулова Г.М. Толкование права как познавательный процесс // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 4. С. 7—14.

²⁵⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 318.

беглое ознакомление с текстом; 3) поиск темных мест; 4) задавание вопросов; 5) «набросок смысла» — выдвижение гипотез о смысле; 6) проверка гипотез; 7) синтез конкурирующих гипотез; 8) возвращение к началу — конструирование нового текста²⁵⁸.

Несмотря на то, что указанные модели толкования не раскрыты в полной мере через подробное описание конкретных стадий, уже из самой структуры и центрального положения в ней категории смысла очевидна их близость к реальному процессу толкования, как мыслительной деятельности. В этом ключе предлагается развить данное направление и сформулировать собственное детальное описание процесса толкования.

²⁵⁸ Ветютнев Ю.Ю. Процедурность юридической герменевтики // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 138—141.

§3.2. Проблематизация как начальный этап смыслообразования при толковании права

Представляется возможным констатировать, что процесс толкования начинается с осознания неясности, проблемы в понимании нормы. В научной литературе справедливо отмечается, что исходным пунктом толкования служит именно сомнение, возникающее при непосредственном восприятии нормы относительно ее значения²⁵⁹. В процессе толкования перед нами всегда стоит задача поиска смысла, но при этом, мы ставим себе такую задачу только в случае возникновения ситуации, когда этот смысл необходимо найти, а не когда он дан непосредственно. То есть, когда у нас есть сомнения в том уяснили мы что-либо или нет.

Применительно к интерпретации Х.-Г. Гадамер отмечает, что это не просто некая традиция или «искусство понимать правильным образом», а определенное усилие, которое имеет место каждый раз, когда не происходит непосредственного понимания, либо где приходится принимать в расчет возможность недоразумения. То есть толкование требуется в случае чуждости мысли или возможности недоразумения²⁶⁰.

Развивая эту мысль Х.-Г. Гадамер приходит к тому, что понимание становится особой задачей, когда индивиды не находятся в совместном сознании друг друга, когда между ними нет «договоренности» о понимании определенным образом, иначе говоря, нет связующей «интерсубъективности»²⁶¹. Только когда возникают недоразумения и высказанное поражает своей непонятностью, именно там мысль перестает быть единой и предстает в качестве косной данности в виде мнения другого. В таком случае и нужна герменевтика, в том определении, которое предлагал для нее Ф. Шлеймахер: «искусство избегать недоразумения»²⁶², потому как оно возникает само собой, а вот понимание нужно хотеть и искать.

²⁵⁹ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 175.

²⁶⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской. С. 226.

²⁶¹ Там же. С. 228.

²⁶² Там же. С. 233.

Иначе говоря, в процессе толкования на первый план выходит неясность или недоразумение. Оставим пока в стороне вопрос о том, чем вообще обусловлена неясность, главное стоит подчеркнуть, что «темное место» в тексте и неочевидное для нашего сознания — есть та точка, к которой прилагается усилие толкования. Конечный итог в преодолении неясности заключается в том, что какой-либо предмет или утверждение становится для нас ясным или очевидным.

Очевидность выступает, для Э. Гуссерля и Г.Г. Шпета, как последняя ступень ясности, которая не предполагает дальнейших восхождений, обнаруживая полную беспредпосылочность и самостоятельность. Феноменология показывает, что все рационалистические «фокусы» с доказательностью чего бы то ни было, основываются на прямом усмотрении интуиции — очевидности. Когда приводится доказательство факта — субъекту становится «очевидно», что он есть. Проще говоря, для подтверждения теоремы или гипотезы не требуется никаких специальных средств, достаточно лишь достижения очевидности — непосредственности усмотрения. Это состояние феноменология называет «первичной данностью»²⁶³, когда усматриваемое само стоит перед нами, как предмет, где оно по истине воспринимается.

Обращение к очевидному в процессе толкования, как минимум, следует из того, что «когда я обозначаю что-либо, я исхожу из того, что смысл говоримого уже налицо». Но, с другой стороны, я всегда могу сделать смысл того, о чем говорю, объектом следующего предложения, смысл которого я, в свою очередь, при этом тоже не проговариваю. Итак, я попадаю в бесконечный регресс того, что подразумевается²⁶⁴. Чтобы прекратить этот бесконечный регресс мы в определенный момент останавливаемся на достаточной степени очевидности и перед нами возникает «парадокс его стерильности»²⁶⁵. Ведь дойдя до грани очевидного, мы получаем предложение, которое исключает новые толкования и по сути просто дублирует высказываемое предложение.

²⁶³ Шпет Г.Г. Явление и смысл : Феноменология, как основная наука, и ее проблемы.. С. 99.

²⁶⁴ Делез Ж. Логика смысла. С. 44.

²⁶⁵ Там же. С. 49.

Применительно к толкованию права указанные рассуждения о категориях «очевидного» и «неясного» означают, что если для субъекта очевиден и ясен смысл закона, то толкование будет излишним и непродуктивным процессом, так как высказываемое разъяснение будет тождественно разъясняемому. В таком случае не может идти и речи о толковании, а скорее о перефразировании. Соответственно, толкование начинается с проблемы в понимании и осознания неясности.

Однако, в теории толкования права широко распространен тезис о том, что любое положение закона должно подлежать толкованию, а не только неясное. Подразумевается, что у каждого языкового выражения правовой нормы есть истинный, действительный или задаваемый законодателем смысл, соответствующий ее референту. Это утверждение проистекает из теории референции в лингвистике, предложенной Г. Фреге. Основной ее постулат гласит, что каждое слово имеет свой собственный референт в мире. В юридической практике это выражается, когда суды при толковании норм права выделяют «действительный смысл» и его «текстуальное выражение»²⁶⁶.

Но, во-первых, как мы уже ранее разобрались с критикой этой теории в первой главе, этот подход не вполне состоятелен. Смысл — это эластичная, подвижная, intersubъективная материя, которая не может быть прикреплена к какому-либо фрагменту текста. Как подчеркивал Л. Витгенштейн в своей критике позиций Г. Фреге, означающее не прикреплено к означаемому, поэтому референт языкового выражения может меняться в зависимости от контекста²⁶⁷.

Во-вторых, сложности возникают в связи с тем, что правоведам крайне затруднительно разделить процесс понимания смысла и его толкования, так как второе явно включает в себя первое. Последняя проблема должна быть снята ввиду следующих различий: (1) понимание может происходить в силу очевидности — без пространных рассуждений, выстраивания силлогизмов и

²⁶⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2025 № Ф05-28494/2024 по делу № А40-296482/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁷ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. С. 116.

без приложения каких-либо усилий разума, тогда как толкование — это исключительно рациональное усилие; (2) толкование — это вторичный процесс, так как работает с проблемами возникшими в ходе понимания, а не с первичной неизвестностью, как с некоей пустотой, которая заполняется как раз пониманием.

На наш взгляд, тезис о необходимости толкования каждого положения закона должен быть обусловлен не наличием у него соответствующего референта, а тем, что любое положение закона всегда может быть проблематизировано. Речь идет о том, что очевидность нередко бывает обманчива и является скорее предрассудком или мыслительной привычкой, поэтому для выявления более точного смысла нормы мы вынуждены проблематизировать его, даже если он дан напрямую.

Если обратиться к доктрине, то кажется весьма точным замечание А.И. Овчинникова о том, что чтение текста начинается с предрассудка, с предсказания, что позволяет войти в герменевтический круг, войти в круг понимания как процесса осмысления (смыслопорождения и смыслонаделения)²⁶⁸. Мы что-то уясняем во многом благодаря тому, что наше сознание это не *tabula rasa*. Это выражается в том, что в первую очередь в тексте более-менее воспринимается нечто знакомое — узнаваемые смыслы. Мы обращаемся к уже имеющимся в нашем сознании смыслам.

Похожее мнение высказывает Е.М. Крупеня: «субъект толкования задолго до начала этого процесса уже имеет определенное представление о толкуемом объекте, основываясь на полученных ранее знаниях»²⁶⁹. Истоки данной точки зрения лежат в теории предрассудков Х.-Г. Гадамера, согласно которой предварительное понимание составляет неотъемлемую часть процесса познания. Интерпретатор уже имеет какую-то гипотезу, анализируя лишь предмет толкования, которая складывается из его знаний об этом предмете и

²⁶⁸ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 29.

²⁶⁹ Крупеня Е.М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 223.

практического опыта. Процесс толкования норм посредством герменевтического метода представляет собой, по выражению Х.-Г. Гадамера, проектирование. Человек заранее предугадывает суть целого, он читает, ожидая найти смысл, который или часть которого он уже знает сам²⁷⁰.

Разумеется, речь идет не о платоновском «знании-воспоминании», а о том, что, подходя к любому тексту на нас лежит отпечаток индивидуального опыта и пережитых смыслов, через которые мы воспринимаем что-то новое. То есть, мы склонны проводить аналогии между здесь и сейчас уясняемым и ранее уясненными текстами, особенно это связано с усвоенными ранее культурными нормативами и максимами.

Можно обозначить этот феномен как предрассудок или мыслительную привычку. Последняя также нередко приводит нас к тому, что мы не пытаемся глубже вникнуть в суть той или иной правовой нормы, а только рассмотрев очертания уясняемого смысла спешим сделать окончательный вывод о нем. Зачастую мы руководствуемся первым проявившимся для нас смыслом правовой нормы, то есть который с очевидностью следует из ее первого прочтения. А.Б. Сапельник, И.Л. Честнов считают, что на правовое поведение, в том числе, на толкование права, оказывает значительное воздействие некоторые неосознаваемые процессы и явления, которые связаны с «экономией» мышления. Как известно, наш мозг всегда стремится экономить энергию, поэтому многие действия, имеющие в том числе юридическое значение, совершаются людьми без «включения» сознания — на уровне привычек, стереотипов поведения»²⁷¹.

Наглядный пример «экономии мышления» представляет собой прежняя практика судов по сальдированию встречных обязательств в банкротстве, до ее исправления Верховным Судом РФ. По общему правилу зачет в банкротстве запрещен (абз. 2 п. 8 ст. 142 Закона о банкротстве), в свою очередь, сальдирование во многом напоминает зачет: сальдирование обязательств

²⁷⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 42.

²⁷¹ Сапельников А.Б., Честнов И.Л. Теория государства и права: учебник для вузов. СПб : Знание, ИВЭСЭП, 2006. С. 271

подтверждает прекращение обязательств и происходит автоматически, не требуя действий стороны; зачет же порождает прекращение обязательств и требует действий от стороны договора. Иначе говоря, сальдирование представляет собой арифметическую операцию по определению завершающих обязанностей сторон при прекращении договорных отношений. Таким образом, сальдирование не является способом прекращения обязательства, а служит лишь расчетной операцией, кристаллизующей остаточное обязательство в рамках встречного обязательственного правоотношения.

Однако суды, руководствуясь имеющимися знаниями, на протяжении долгого времени квалифицировали арифметические операции по определению завершающих обязанностей сторон при прекращении договорных отношений как зачет и оспаривали их как сделки²⁷². Исправляя практику нижестоящих инстанций и, соответственно, предрассудочное отношение к такого рода операциям, Верховный Суд РФ разработал полноценную судебную доктрину сальдирования²⁷³. Были даны разъяснения, что арифметический характер сальдирования обусловлен автоматическим и пропорциональным усечением объема изначального встречного (синаллагматического) обязательства. Именно поэтому действия, направленные на установление конечного сальдо взаимных предоставлений, не могут быть оспорены по правилам ст. 61.3. Закона о банкротстве, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак как получение кредитором какого-либо предпочтения. Причина кроется в том, что из конкурсной массы просто не выбывает актива в виде права требования к платежеспособному контрагенту, так как право требования должника никогда не возникало в силу встречного характера обязательства.

²⁷² Постановления Арбитражного суда Московского округа от 23.04.2019 по делу № А41-47794/2015 и от 27.09.2017 по делу А40-67546/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²⁷³ Определения Верховного суда РФ от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043(2,3), от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221(2)), от 28.10.2019 № № 305-ЭС19-10064, от 18.03.2018 № № 305-ЭС17-17564 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Возьмем еще один пример из практики толкования ст. 756 ГК РФ. Указанная статья, определяя сроки обнаружения недостатков выполненных работ по строительному подряду, в абз. 1 отсылает к общим положениям о подряде в п. 1-5 ст. 724 ГК РФ. В указанных положениях установлено, что срок обнаружения недостатков может быть определен законом или договором, при этом, в случае если он не определен, то он составляет 2 года, а в случае если он составляет менее 2 лет, то подрядчик несет ответственность, если заказчик докажет, что недостатки возникли до передачи результата работы заказчику или по причинам, возникшим до этого момента. Затем, в абз. 2 ст. 756 ГК РФ указано, что «предельный срок обнаружения недостатков, в соответствии с п. 2 и 4 ст. 724 настоящего Кодекса, составляет пять лет».

Слово «предельный» при буквальном толковании обычно означает последнюю, высшую ступень, верх чего-нибудь. Соответственно, из указанных положений следует, казалось бы, очевидный вывод о том, что срок обнаружения недостатков по договорам строительного подряда также может быть определен договором, но не может составлять более 5 лет, так как законом установлен предельный срок. Однако, в результате более обстоятельного толкования данной нормы судами, был выявлен иной смысл: «предельный срок» означает не верхнюю планку, выше которой нельзя определять срок договором, а ниже можно устанавливать сколько заблагорассудится; «предельный срок» — это срок по смыслу п. 2 и 4 ст. 724 ГК РФ, устанавливающий не максимум, а минимум, следовательно возможность уменьшения срока обнаружения недостатков по договорам строительного подряда в 5 лет законом не установлена²⁷⁴.

Здесь важно подчеркнуть, что не только предрассудки и мыслительные привычки образуют предварительный образ смысла, но и наши желания, и наша воля. А.И. Овчинников считает, что в ситуации правоприменения процесс понимания нормы права начинается уже с имеющимся в правосознании образом «желаемого права» после изучения фактических обстоятельств дела. То

²⁷⁴ Определение ВАС РФ от 18.08.2008 № 10196/08 по делу № А56-14066/2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

есть, походя к истолкованию и применению нормы права судья уже может знать, как ему решить дело, точнее, как он хочет его разрешить. В случае совпадения его предрассудка со смыслом правовой нормы он спокойно осуществляет акт подведения, в ином случае — при несовпадении предрассудка и смысла нормы, судья, рефлексивно осознав это несовпадение, будет иметь, скорее всего, дело с пробельностью закона²⁷⁵.

На этих же постулатах стоит теория судебной интерпретации А. Росса: при вынесении решений судье важно воспринимать свои решения как «правильные» не только в смысле соответствия их формальным требованиям закона, но и соответствующие духу правовой и культурной традиции. Иначе говоря, судье затруднительно будет понять, истолковать и применить такой смысл правовой нормы, который будет противоречить его представлениям о справедливом и социально желаемом²⁷⁶.

Например, институт *culpa in contrahendo* (преддоговорная ответственность) был выведен Р. Иерингом именно с осознания несправедливости регулирования ситуации законом. В течение многих лет, по его словам, он задумывался над вопросом ответственности стороны, допустившей ошибку, перед заблуждавшейся стороной. Правовые подходы того времени склоняли его скорее к отрицанию такой ответственности. Но при этом для него была очевидной несправедливость подобного решения. Результаты применения пандектных правил не соответствовали этико-правовому чувству Р. Иеринга. Ученый задавался вопросом, в чем не совпадают рассматриваемые им случаи с другими обычными делами. Он пришел к выводу, что правонарушение имеет место «в связи с предполагаемыми договорными отношениями», обратившись к римскому праву он нашел ряд похожих случаев и смог сформулировать принцип исходя из них²⁷⁷.

²⁷⁵ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 148.

²⁷⁶ Васильева Н.С. Общая теория судебного метода Альфа Росса // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 299.

²⁷⁷ См. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 280.

Таким образом, при первом знакомстве со смыслом правовой нормы мы сталкиваемся с определенными особенностями нашего предрассудочного восприятия, которые можно обозначить в качестве иррациональных, так как во всех вышеперечисленных случаях мы имеем дело с интуитивным познанием смысла правовой нормы: будь это интуиция «правового чувства», интуиция логической завершенности, предрассудок или мыслительная привычка. То есть, интуитивно воспринятый смысл — это результат «предпонимания» (термин Х.-Г. Гадамера), сформированного профессиональным опытом, мыслительными привычками, ценностными установками, а также «образом желаемого права» (А.И. Овчинников).

По верному замечанию Б.Н. Кардозо, врожденные инстинкты, полученные от предыдущих поколений, приобретенная убежденность, взгляд на жизнь, все это имеет место в деятельности судей при толковании права²⁷⁸. Конечно, мы не можем расценивать такой способ познания смысла правовых норм как однозначно негативный и вредный, ведь нередко и в результате использования рациональных методов выявляется тот же смысл, который был ранее продиктован интуицией.

Более того, например, тот же А.И. Овчинников не видит в этом проблемы, а скорее констатирует интуитивность «правового чувства» как реальный факт, который нужно иметь в виду. Действительно, философская мысль XX века и в первую очередь феноменология признает за интуицией основное место в процессе понимания, однако она ведет речь идет не об обычной эмпирической интуиции. Так, представители этого учения видят в качестве одного из важнейших моментов понимания комплекс ощущений, дающихся в явлении предмета: акт «переживания», восприятие которого дано рефлексивно — оно есть, длится и уже было, прежде чем быть воспринятым. Суть переживания в том, что оно дает бытие вне времени, бытие, которое существует всегда, т. е. оно предстает не как нечто существующее, а как обладающее сутью. Переживание, по мысли Г.Г. Шпета, не просто составляет сознание чего-либо,

²⁷⁸ Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности. С. 11.

но составляет само сознание, выступая временами как «задний план» сознания. Эта характеристика переживания позволяет ему сделать вывод о том, что в процессе понимания задействована не эмпирическая интуиция, а идеальная — интуиция сущности или интуиция смысла²⁷⁹.

Редукция, как основной прием феноменологии, «выключает» весь действительный мир, концентрируясь на интуитивном его описании. Последнее, в свою очередь, дает доступ к установлению бытия «в его разумной мотивированности», а через него — показывает «как есть само истинное». В чистом описании «первичной данности» какого-либо объекта феноменология и видит свою задачу²⁸⁰. Г.Г. Шпет пишет по этому поводу следующее: «всякое интенциональное переживание имеет свой «интенциональный объект», т. е. свой предметный смысл, так как основной характеристикой сознания является «иметь смысл», обладать чем-нибудь осмысленно, — другими словами, сознание не только переживание, но и осмысливающее переживание»²⁸¹.

Но мысленное представление о предмете («ноэма») не дает всего смысла, оно, как выражается Э. Гуссерль, дает только его «ядро» или «форму»²⁸². Полный смысл дается только на основе полного представления о предмете, которое группируется вокруг этого ядра в виде различных «предметных смыслов», выступающих в многообразных феноменологических описаниях, как нечто тождественное. Иначе говоря, в описании направленности наших «переживаниях» или «очевидностей» дан более или менее конкретный смысл воспринимаемого предмета. При этом не будет никакого субъективизма в установлении смысла и перемены интенциональных переживаний не затронут его, так как носитель этого смысла — сам предмет.

Описание подразумеваемого предмета, так как он подразумевается, исключает всякую субъективность и дает прочное основание для выработки некоторой совокупности определений, которая конкретизирует смысл предмета,

²⁷⁹ Шпет Г.Г. Явление и смысл : Феноменология, как основная наука, и ее проблемы. С. 45—46.

²⁸⁰ Там же. С. 101.

²⁸¹ Там же. С. 136.

²⁸² Там же. С. 139.

а предмет, как «мыслимое», выступает «пунктом связи» более или менее конкретных смыслов. Э. Гуссерль считает, что, только очистив сознание от навязанных объективностей и возможно непосредственно познать или осмыслить предмет, т. е. мы будем иметь дело с истинно сущим в момент тождества бытия и сознания²⁸³.

Можно сказать, что сами феноменологи признают — только работа с интуитивными умозаключениями и предрассудками, их всестороннее описание может дать основание для получения «предметного» смысла. Следуя этой традиции Х.-Г. Гадамер справедливо замечает, что предрассудки — это не плохо, так как они дают нам почву под ногами для дальнейших умозаключений. Однако, речь идет скорее о перепроверке наших предрассудков и предмнений, чтобы право не слишком зависело от произвола интуиции правоприменителя.

О необходимости такого испытания для наших суждений свидетельствует М. Хайдеггер, предлагая для правильного толкования «возвыситься над сущим» и отрешиться от произвола озарений и ограниченности мыслительных привычек сосредоточив внимание на «самих фактах»²⁸⁴. Придерживаться фактов, вопреки искажающим воздействиям, которые исходят от самого истолкователя. М. Хайдеггер говорит о том, что только прикоснувшись к тексту мы сразу же набрасываем готовый и знакомый смысл, иначе говоря, вступает в силу предрассудок завершенности смысла. Лишь в процессе углубления в содержания текста мы пересматриваем этот первый смысл, набрасывая все новые и новые смыслы, соперничающие друг с другом, прежде чем установится однозначное единство смысла.

Но чтобы прийти к этому единству такие наброски смысла должны быть правильными и не случайными, поэтому истолкователь, по М. Хайдеггеру должен подойти к тексту не готовыми предмнениями, а подвергнуть их критической оценки с точки зрения происхождения и значения. Поэтому М. Хайдеггер требует от толкователя открытости к чужому мнению и смыслу, готовности выслушать другого, т. е. восприимчивости к инаковости текста. При

²⁸³ Шпет Г.Г. Явление и смысл : Феноменология, как основная наука, и ее проблемы. С. 144.

²⁸⁴ Цит. по Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 318.

этом речь идет не о некоем нейтральном отношении к тексту, а о том, чтобы всегда помнить о собственной предвзятости в ходе толкования ради проявления текста во всей его инаковости и возможности противопоставить свои «факты» нашим собственным предмнениям²⁸⁵.

Ключевой момент для достижения обозначенной М. Хайдеггером цели («дотянуться до самих фактов») — критическое отношение к собственному предмнению и проблематизация налично данного смысла. То есть возможность опрокинуть первоначальную очевидность. В этой связи становится более понятным мнение, которое озвучивал, например, Черданцев А.Ф. о том, что «в толковании нуждается любой закон», а не только неясный²⁸⁶. Советским ученым совершенно верно подчеркивается субъективный момент «ясности» и «очевидности», так как она всегда может быть проблематизирована. При этом следует исходить не только из того, что гипотетически любой закон, даже самый ясный, может быть непонятен кому-нибудь, но и принимать во внимание, что сама общественная жизнь может задавать такие условия, которые могут сделать закон неясным по отношению к ранее не предполагаемым обстоятельствам.

Хороший интерпретатор всегда пытается искать смысл нормы, путем проецирования ряда непохожих ситуаций прямо непопадающих под ее действие, тем самым проблематизируя ее и, таким образом, адаптируя к более широкому кругу общественных отношений. Иначе говоря, при толковании права мы не можем остановиться на определенном смысле нормы, рассмотрев только очевидный случай ее применения, напротив — выбирая ту или иную трактовку смысла, мы стараемся проверить может ли она подойти ко всем возможным обстоятельствам и подвергаем ее своеобразным мыслительным «испытаниям». Последние выражаются в том, что обстоятельства строятся таким образом, что невозможно простое подведение конкретной ситуации под общее правило, так называемого «правоприменительного силлогизма».

²⁸⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 319—321.

²⁸⁶ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. С. 265.

Судья, имеющий опыт постоянного правоприменения, всегда осуществляет толкование через сопоставление смысла правовой нормы (в той степени, в которой он понял на данный момент времени) в сознании с возможными случаями ее применения. То есть он интерпретирует ее с постоянным вопрошанием. А если такая ситуация? Или такая? Или другая?

Хрестоматийный пример проблематизации даже самого очевидного смысла положения закона представляет собой толкование ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, где речь идет об уголовной ответственности за убийство, то есть за «умышленное причинение смерти другому человеку»²⁸⁷. Казалось бы, что может быть очевиднее этого положения закона (при условии, что мы прочтем его не как юристы, а как обыватели)? Однако, и это положение проблематизировано через вопросы: что такое человек, и что такое его смерть? Из ответа на эти вопросы выходит, что человеком можно считать только плод, отделенный от организма матери посредством родов²⁸⁸, а смертью — смерть мозга человека или любую необратимую смерть²⁸⁹. Следует признать, что при первом прочтении сложно себе представить, что можно уйти в такие тонкости определения смысла слов «смерть» и «человек».

Если не подвергать текст правовой нормы проблематизации, то жизнь сама рано или поздно проблематизирует смысл толкуемой нормы. Приведем более развернутое описание приведенного примера с вознаграждением арбитражного управляющего. В силу абз. 2 п. 13 ст. 20.6 Закона о банкротстве установлен размер процентов (7%) вознаграждения конкурсного управляющего от суммы удовлетворенных требований кредиторов, включенных в реестр в процедуре конкурсного производства. Снижение указанной суммы вознаграждение допускается в случае он ненадлежащим образом исполнял свои обязанности. Первичная очевидность данной нормы заключается для нас в том,

²⁸⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁸⁸ См. : Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 ноября.

²⁸⁹ Там же.

что во всех случаях, когда управляющий качественно выполнил свою работу, он заслуживает 7% от удовлетворенных требований.

Но в процессе правоприменения суды стали сталкиваться с ситуациями, когда управляющий, который выявил скрываемое имущество, истребовал документацию для его поиска, оспорил несколько сделок, сопровождал исполнительные производства по возвращению имущества в конкурсную массу, получает такой же процент вознаграждения, как и управляющий, который только реализовал залоговое имущество и завершил тем самым процедуру, что не может считаться справедливым разрешением таких споров²⁹⁰. Несмотря на то, что управляющий в каждом из указанных случаев качественно выполнял свою работу, все же общий объем работы по процедуре отличался ввиду уникальности процедуры банкротства каждого должника.

В этой связи высшими судами предпринимаются попытки дать дополнительные разъяснения о возможности снижения размера вознаграждения управляющего по данному положению закона. В частности, было подчеркнуто, что вознаграждение конкурсного управляющего «стимулирующий характер», что предполагает оценку степени личного (индивидуального) вклада управляющего в результат, выразившемся в погашении требований залогового кредитора, и установлению в зависимости от него размера вознаграждения²⁹¹. Таким образом, первоначальная очевидность смысла данной правовой нормы была опровергнута: стало понятно, что на полный размер вознаграждения может рассчитывать только тот управляющий, который внес существенный вклад в процедуру и благодаря личным действиям которого был погашен реестр требований кредиторов. Именно этот смысл мог бы претендовать на всеобщее значение для различных процедур банкротства.

В этом плане М.М. Бахтин справедливо указывает на неизбежность преодоления догматического отношения к тексту при интерпретации,

²⁹⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.05.2021 по делу № А41-78439/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²⁹¹ Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2023 № 306-ЭС20-14681(13) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

превращающее его из объекта познания в субъект диалога: «текст — это и есть занимающая нас специфически человеческая реальность, притом не всякий текст и не в качестве очередного подтверждения тотального изоморфизма, но именно «вот этот», только неповторимый и особенный текст, т.е. увиденный в качестве такового. Сколько бы в нем ни было повторяющихся, заемных, готовых элементов, пусть он на 99 % сложен из знакомых (помимо него) кирпичиков, нас привлекает то, каким образом они пересоздаются — и по ходу высказывания рождается новый смысл. Именно смысл, а не информация... Тогда это субъект общения (с которым мы вступаем — при соблюдении всех научных процедур, обеспечивающих вспомогательную точность, — в конечном счете в равноправные, диалогические отношения), а не объект познания. Тогда цель каждый раз состоит в переосмыслении — в открытии произведения как бесконечно-особенного, мыслимого лишь на границе со всеми иными особенными духовными мирами»²⁹².

Таким образом, вопрошание к тексту — это методологический прием, при котором интерпретатор не принимает первое прочтение как окончательное, а последовательно задает вопросы: «как эта норма соотносится с принципами?», «каковы последствия ее применения в данном случае?», «соответствует ли это цели, ради которой норма принималась?». Это превращает толкование из пассивного уяснения в активный диалог. Отличие от непроблематизирующего прочтения заключается в том, что, во-первых, последнее останавливается на очевидном, не проверяя его на прочность через контексты, во-вторых, за счет вопрошания обеспечивается продуктивность процесса толкования, которая выступает эссенцией данного явления.

Таким образом, подлинный процесс толкования инициируется не формальной «неясностью» текста, а сознательным актом проблематизации. Толкование начинается с интуитивного предпонимания, которое формируется под влиянием предрассудков, мыслительных привычек и «образа желаемого права». Стадия проблематизации представляет собой рефлексивный акт

²⁹² Цит. по Баткин Л. М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 107.

осознания интерпретатором конфликта между этим интуитивным смыслом и другими элементами правовой реальности (контекстом, последствиями, принципами). Именно этот акт вопрошания к тексту (как в хрестоматийном примере с толкованием ст. 105 УК РФ) обеспечивает герменевтический процесс, превращая пассивное восприятие в активный поиск смысла.

§3.3. Поиск и конструирование смысла правовой нормы: диалектика общего и частного, общего и особенного

После того как перед нами поставлена проблема и артикулирована неясность толкуемой нормы права можно приступить к основному процессу толкования — выдвижению гипотез о смысле и «набрасыванию» его различных вариантов на текст правовой нормы. Можно зафиксировать, что основным процесс, который происходит при выяснении смысла правовой нормы, направлен на переход от неочевидного к очевидному. Так, например, некоторые исследователи говорят о процессе толкования как «о замещении менее точного понятия более точным»²⁹³. Всякая интерпретация по М. Веберу стремится к «очевидности»²⁹⁴. Понимание — всегда соотнесение чего-то известного с неизвестным, чужим, иначе его акт невозможен²⁹⁵.

Что же в таком случае будет являться очевидным для прояснения сути конкретного положения текста? К чему нам следует двигаться? Полагаем, что к контексту — тому очевидному, что окружает толкуемый текст, к уже доступному всеобщему для этого частного.

При этом неважно какой конкретно метод толкования права мы используем — апеллируем мы всегда к контексту. Как правило, по характеру средств толкования выделяют: грамматическое, логическое и систематическое толкование, а также историко-политический, социологический, специально-юридический, доктринальный и телеологический виды толкования²⁹⁶. Вместе с тем, при интерпретации с помощью лингвистических средств мы обращаемся к тому же контексту, а именно к языку, в пространстве которого существует толкуемый текст, историко-политический способ толкования ориентирует нас на исторические обстоятельства, в которых был принят нормативный правовой акт, систематический — на право или законодательную систему в целом,

²⁹³ Тонков Е.Н. Толкование закона и права. С. 107.

²⁹⁴ Вебер М. Понимающая социология / пер. с нем. М. Левиной. М. : Издательство АСТ, 2021. С. 197.

²⁹⁵ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. С. 146.

²⁹⁶ Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. М. : Проспект, 2008. С. 24.

логический — на законы логики и т. д. Можно в некоторой степени утверждать, что различные методы толкования — это возможность рассматривать текст правовой нормы в нескольких пространствах его существования. Он одновременно предмет лингвистики, логики, истории, политики, социологии и юриспруденции.

Таким образом, толкование как направленность на смысл, предполагает обращение к двуединому предмету — неясному положению текста и более ясному контексту, в котором он находится. То есть, толкование текста представляет собой сложный процесс, при котором сложно установить, что является его конкретным предметом: общее или частное? Именно поэтому главным приемом герменевтики, непосредственно занимающейся проблемой толкования, и всеобщим способом интерпретации Х.-Г. Гадамер называет «герменевтический круг» — уяснение части текста из целого и наоборот, который начал развивать еще М. Лютер, толкуя детали Библии исходя из контекста, из взаимосвязи и из единого смысла, на который сориентирован текст в целом²⁹⁷. Задача этого приема состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство понятого смысла, который считается верно понятым, если все частности соответствуют целому.

Однако, при данном рассуждении неизбежно встает вопрос насчет широты этого самого контекста. Насколько далеко мы можем зайти, подбирая материал для толкования, то есть соответствующий контекст для толкуемого положения? Например, применительно к систематическому способу толкования это может быть и глава в тексте закона, закон целиком, а возможно необходимо обращение к праву как таковому.

Тут встает вопрос о концепциях понимания права, так как в зависимости от того, какой материал считается правом, мы можем говорить о нем как о правовом контексте для толкования. В советской традиции право понималось как «возведенная в закон воля господствующего класса», поэтому предметом, источником и основным материалом для толкования выступал закон или

²⁹⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 222—223.

нормативный правовой акт, о чем свидетельствует даже названия работ известных ученых-правоведов: «Толкование нормативных актов в СССР» А.С. Пиголкина или «Телеологическое (целевое) толкование советского закона» Т.Я. Хабриевой. Даже в работе А.Ф. Черданцева «Толкование советского права», в которой он во многом исходит из динамического и относительно свободного понимания социалистического права, сформулированного в ранние годы советской государственности Е.Б. Пашуканисом, М.А. Рейснером и П.И. Стучкой, все же зафиксирован свершившийся переход от толкования права к толкованию закона после А.Я. Вышинского.

Однако, В.В. Лазарев, размышляя о предмете и объекте толкования, допускает возможность и более широкого понимания. Так, он утверждает, что если различать право и закон, если вести речь о толковании учеными и законодателями, то при таком подходе к толкованию права интерпретируются уже самые многообразные явления и факторы общественной жизни, рождающие и питающие то «живое» право, которое законодателю придется возводить в закон. Более того, интерпретаторы постепенно обращаются к воле прошлых законодателей, и не только отечественных, но и зарубежных²⁹⁸. В свою очередь, Н.Н. Лузина и вовсе настаивает на том, что при интерпретации правовых норм нужно обращаться к ценностям права²⁹⁹.

Безусловно, закон и его конкретные положения подлежат толкованию в первую очередь, так как источником права в континентальной правовой семье, к которой мы принадлежим является нормативный правовой акт. Более того, как подчеркивает Е.В. Васьковский «очень часто в самом тексте законов мы находим разъяснение смысла данной нормы, либо из того же текста узнаем логическое отношение ее к другим нормам, положение в системе права, юридическое основание, цель, повод, происхождение»³⁰⁰. Как положения закона

²⁹⁸ Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 443

²⁹⁹ Лузина Н.Н. Аксиологические подходы к объекту толкования права // Вестник КрасГАУ. 2012. №10. С. 252—257.

³⁰⁰ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. С. 149.

в целом, так и определенная отрасль законодательства или даже весь массив действующего законодательства может выступать в качестве контекста для толкования нормы права.

Если обращаться к конкретным примерам, то в качестве контекста для толкования отраслевых норм, суды наиболее часто обращаются к положениям Конституции РФ. Так, нижестоящие судебные инстанции нередко отказываются рассматривать какие-либо процессуальные документы, ссылаясь на отсутствие буквального указания закона на право их подачи. В частности, суды апелляционной инстанции со ссылкой на ст. 268 АПК РФ отказывают в приобщении к материалам дела дополнений к апелляционной жалобе, поскольку они содержат новые доводы³⁰¹. Вместе с тем, с той же регулярностью Верховный Суд РФ отменяет такие судебные акты или дает обязательные разъяснения, требуя от нижестоящих судов учитывать в качестве контекста предусмотренное Конституцией РФ право на судебную защиту. Высшая судебная инстанция обращает внимание, что исходя из необходимости соблюдения гарантированного статьей 46 Конституции РФ права на судебную защиту, суд апелляционной инстанции не может отказать в принятии дополнений к апелляционной жалобе, представлению, содержащих новые доводы (суждения) по поводу требований, изложенных в апелляционной жалобе, представлении, а также дополнений к апелляционной жалобе, представлению, содержащих требования, отличные от требований, ранее изложенных в апелляционной жалобе, представлении (например, обжалуется ранее не обжалованная часть судебного постановления)³⁰².

Вместе с тем, наиболее часто толкование отраслевых норм во взаимосвязи с Конституцией РФ, конечно же, дает Конституционный Суд РФ. Например, исходя из того же контекста статьи 46 Конституции РФ, предусматривающей право на судебную защиту, Конституционный Суд РФ признал толкования

³⁰¹Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.04.2024 по делу № А40-228389/23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁰² См. : п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 №16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

судами статьи 42 АПК РФ и статьи 34 Закона о банкротстве в их взаимосвязи не соответствующими Конституции РФ, так как сформулированные правовые позиции исключали возможность обжалования лицом, привлеченным к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, судебного акта, принятого без его участия, о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов за период, когда это лицо являлось контролирующим по отношению к должнику³⁰³.

Не менее важным материалом и контекстом для толкования являются сами же акты толкования, то есть, например, те же постановления Конституционного Суда РФ, пленума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ или постановления Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам. Несмотря на то, что указанные акты направлены только на формирование единообразия толкования судами норм права, важным остается фактический уклад взаимоотношений между судами первой, апелляционной и кассационной инстанций. В частности, арбитражный суд первой инстанции нередко вынужден принимать во внимание устоявшуюся практику арбитражного суда апелляционной инстанции и толкуя нормы права может исходить из уже существующих толкований высших инстанций и толковать их, в том числе. Важное значение имеет не только иерархическая структура судов, но и заложенные на протяжении долгих лет традиции толкования судами тех или иных положений закона.

Также роль контекста и материала для толкования могут играть акты ненормативного характера, содержащие толкования и разъяснения других государственных органов, например, информационные письма Федеральной антимонопольной службы и Роспатента, письма Федеральной налоговой службы или Росреестра. Нередко предметом для толкования выступают и акты международных и надгосударственных органов, в частности, решения коллегии Евразийской Экономической Комиссии. Не менее важным контекстом для толкования права является и научная доктрина.

³⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Часто в качестве контекста толкования права называются объяснительные записки и мотивы к законам, протоколы заседаний редакционных комиссий и законодательных учреждений, сочинения, мемуары и переписки составителей законов, исторические и юридические исследования и т. д., которые Е.В. Васьковский называет «внешними источниками толкования права»³⁰⁴. Обращаясь к ним, интерпретатор в рамках телеологического способа толкования закона устанавливает цели и намерения законодателя.

Например, Верховный суд РФ, толкуя нововведения в закон о ЖКХ в части ограничения круга лиц, имеющих право приобретать права по взысканию долгов по ЖКХ, исходил из пояснительной записки к проекту закона, в которой указано, что цель поправок — защита прав граждан от коллекторов. Поэтому спорный запрет нужно толковать ограничительно: запрещено лишь уступать просроченные долги граждан, а не как это сделал суд нижестоящей инстанции, сославшись на запрет уступать любые права требования по ЖКХ³⁰⁵

Однако, при толковании исходя из контекста цели, значение может придаваться не конкретному историческому намерению (цели) законодателя, следующему из вышеуказанных материалов, а некоей объективной проблеме, требующей правового урегулирования. То есть, интерпретатор выясняет, выражаясь терминологией Л. Фуллера, какой «недуг» в общественных отношениях пытался исправить законодательный орган, когда создавал правовое положение³⁰⁶. Об этом же свидетельствуют Х.И. Гаджиев и Т.Я. Хабриева, указывая, что цель нормативного акта предшествует его тексту, поэтому она должна быть признана отправной точкой при толковании закона. Установление того вреда, который хотел устранить законодатель с помощью нормативного предписания, существенно помогает интерпретатору и правоприменителю. Выяснение цели закона способствует не только уточнению

³⁰⁴ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. С. 150.

³⁰⁵ Определение Верховного суда РФ от 15.03.2022 № 308-ЭС21-22821 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁶ Фуллер Л. Мораль права. С. 103.

смысла и содержания текста, но и его более справедливому, обоснованному применению к конкретным правоотношениям³⁰⁷.

При этом, определяя этот самый «недуг» при правоприменительном толковании интерпретатор не всегда следует способу устранения этого «недуга», он скорее пытается проанализировать суть возникшей ситуации и сформулировать самостоятельно — как разумный и справедливый законодатель должен был устранить этот «недуг». Это вполне закономерно, так как подходя к проблеме, ранее разрешенной законодателем путем принятия нормы, суд ближе к оценке конкретной ситуации и последствиям решения, предлагаемого законодателем, которое может быть не совсем адекватным для устранения «недуга». Именно поэтому, целевой подход критикуется противниками судейского нормотворчества, так как при применении целевого подхода судья фактически привлекается к законодательной деятельности, ведь цель законодателя не всегда согласуется со способами достижения цели, выбранными им³⁰⁸.

Рассмотрим следующий пример. Толкуя ст. 310 ГК РФ, предусматривающую, что право на односторонний отказ от договора может быть согласовано только когда такое соглашение заключается в связи с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, применительно к ситуации, когда только одна из сторон имеет статус предпринимателя, ВАС РФ указал, что цель данной нормы — защитить слабую сторону договора. В этой связи были даны разъяснения, что подразумеваемый в норме запрет не может распространяться на случаи, когда в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, указанное право предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем³⁰⁹.

³⁰⁷ Гаджиев Х.И. Толкование права и закона. М., 2000. С. 75—76; Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Теория и практика. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1988. С. 67.

³⁰⁸ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. С. 110.

³⁰⁹ См. : п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Наконец, при толковании права в качестве наиболее широкого контекста может рассматриваться право, как таковое в целом, его основополагающие характеристики, принципы, равно как и правовые ценности. Говоря о принципах права как о контексте для толкования, следует обратить внимание, что при толковании норм таможенного права Верховный Суд РФ нередко использует общепризнанные международные и конституционные принципы правовой определенности, предсказуемости правового регулирования и недопустимости действия с обратной силой (ретроспективно) норм закона, ухудшающих положение лица³¹⁰. Конституционный Суд РФ при толковании норм публичного права неоднократно учитывал в качестве контекста принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм³¹¹. Можно привести еще десятки и сотни других примеров, когда ориентиром для толкования судами конкретных норм права становятся принципы добросовестности³¹², диспозитивности³¹³, состязательности³¹⁴ и т. д., формулируя разъясняющие положения, далеко выходящие за пределы текста закона.

Стоит обратить внимание, что право в целом, как материал для толкования, не может сводиться исключительно к продуктам деятельности государственных органов и причастных к ним лиц, это в широком смысле результат деятельности всего человечества. Более того, толкуя право мы также нередко выходим и за его пределы в области морали, экономики, политики,

³¹⁰ Определения Верховного Суда РФ от 08.09.2015 № 308-КГ15-2483 и от 30.09.2015 № 302-КГ15 2428 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³¹¹ Постановления КС РФ от 24.05.2001 № 8-П, от 29.01.2004 № 2-П, от 20.04.2010 № 9-П, от 20.07.2011 № 20-П, от 27.03.2012 № 8-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³¹² Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2024 № 300-ЭС24-6956 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³¹³ Определение Верховного Суда РФ от 08.08.2022 № 307-ЭС22-8816 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁴ Определения Верховного Суда РФ от 05.12.2017 № 305-ЭС17-14948 и от 18.01.2018 № 305-ЭС17-13822 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

поэтому стоит определять предмет толкования права как постоянно расширяющийся вследствие своей контекстуальности и сообщенности с социальной реальностью. Недаром лингвисты указывают на своеобразную «матрешку» смыслов: смысл слова заключен в предложении, смысл предложения — в языке, а языка — в культуре³¹⁵.

Однако, толкование нормы права — это не только обращение к контексту ее существования в тексте, языке, истории, праве и т.д., но также и обращение к контексту конкретного случая ее применения. Так, например, в английском праве система инструментов толкования обязывает интерпретатора творчески анализировать норму закона применительно к конкретным правоотношениям³¹⁶. Иначе говоря, толкование — это не только движение к общему, но и к особенному. Это выражается в том, что при толковании права мы также действуем казуистически — обращаемся к известной нам «сути» или «природе» вещей, то есть сути предполагаемой или наличной ситуации, регулируемой правовой нормой. Затем, отталкиваясь от этого понимания, мы возвращаемся к тексту правовой нормы.

Следует учитывать, что некоторые правоведы считают концепцию «природы вещей» несостоятельной, так как, по их мнению, она слишком метафорична и в действительности просто маскирует волюнтаризм судьи и создание его собственного замещающего законодательства³¹⁷. Вместе с тем, есть иной подход, который предполагает, что судья просто находит лучшее право, в том смысле, что логика и природа самой ситуации подсказывает ему необходимое решение и действительный смысл, который должен быть приписан правовой норме. Так, И.А. Исаев замечает, что «тексты должны быть истолкованы и поняты не только в том, что они говорят, но и в том, что в них и через них свидетельствует о самом себе»³¹⁸. Представляется, что правоведов

³¹⁵ Честнов И.Л. Герменевтическая парадигма в историко-правовой науке // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 318.

³¹⁶ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. С. 3.

³¹⁷ Белова М.А. Сравнительный анализ концепций толкования права в Германии. С. 140.

³¹⁸ Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С. 382.

смущает инновационный результат толкования «природы вещей» и они видят источник такой новизны исключительно в субъекте толкования, однако неясно по какой причине другим таким источником не может быть также уникальность этих самых вещей и возникающих ситуаций (казусов).

Например, римские юристы при толковании права, в первую очередь, учитывали природу вещей: исходя из понимания природы человека, животных, предметов материального мира и даже природы отношений³¹⁹. Отличные образцы такого казуистического юридического мышления содержатся в «*Corpus juris civilis*». Например, ситуация, требующая решения, заключалась в том, что рой пчел перелетел из сада Марка в сад к Юлию, следовал вопрос: кому принадлежит теперь рой пчел? По этому поводу в п. 41.1.5.2. книги 41 Дигест толкуется, что «пчелы по природе дикие, поэтому те, которые сядут на наше дерево, пока они не заключены нами в улей, считаются нашими не более, чем крылатые, которые совьют гнездо на нашем дереве. Поэтому если другое лицо заключит их в улей, оно станет их собственником»³²⁰. В данном случае юристы ищут смысл не в тексте правовых норм, а в самой жизненной ситуации: обращаются к самой природе пчел.

В свою очередь, например, Ф.К. Савиньи вывел категории обязательственных правоотношений, в том числе, понятие действий как объекта обязательства, имплементированные в большинство современных правопорядков (в том числе, в ГК РФ), исходя из природы самих обязательств³²¹. Схожим образом формулировались выводы относительно такого объекта гражданских прав как деньги. Природа «денег» означает, что денежный долг нельзя просто приравнять к обычному материальному долгу. Если должнику предоставляется сумма денежных средств с обязанностью возврата, то он обязан вернуть численно выраженную номинальную денежную стоимость, а не

³¹⁹ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 60.

³²⁰ Дигесты Юстиниана. 2-е изд., испр. Т. 1. Кн. I–IV / пер. с лат. Л.Л. Кофанова, И.С. Перетерского; общ. ред. перевода Л.Л. Кофанов; ред. Конституций и кн. I В.А. Томсинов. М. : Статут, 2008. С. 132.

³²¹ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 164.

передать эти же банкноты обратно. То есть временное использование денежной суммы невозможно в форме «аренды» банкнот, а только в форме займа³²².

Аналогичным образом нередко действуют и российские суды, например, в случае с вознаграждением арбитражного управляющего. В частности суд округа, обосновывая возможность снижения процента вознаграждения управляющего по основаниям не предусмотренным в законе, обратился к природе такого вознаграждения: «... в отличие от фиксированной части вознаграждения, полагающейся арбитражному управляющему по умолчанию, проценты по вознаграждению являются дополнительной стимулирующей частью его дохода, подобием премии за фактические результаты деятельности, поощрением за эффективное осуществление мероприятий по формированию и реализации конкурсной массы в рамках соответствующей процедуры банкротства ...»³²³.

Современное осмысление концепции «природы вещей» возможно с помощью философской герменевтики, которая предлагает нам распространить понятие текста как предмета интерпретации, в том числе, на бытие. В этой связи Н.В. Малиновская рассматривает правовую ситуацию (казус) как текст, подлежащий интерпретации. Так, именно в конкретной ситуации мы разбираем определенные обстоятельства, действия, высказывания, правовой статус участников. Н.В. Малиновская формулирует следующее определение правовой ситуации — совокупность сложившихся обстоятельств, подлежащих систематическому толкованию ввиду наличия у каждого обстоятельств особой смысловой нагрузки, присущей ему именно как элементу указанной совокупности³²⁴. Действительно, особенности конкретной правовой ситуации в виде обстоятельств времени, места, действия непосредственно влияют на толкуемый смысл правовых положений, так как они могут сложиться таким образом, что, например, при буквальной интерпретации правовых положений

³²² Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 276.

³²³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.05.2022 №Ф05-10296/22 по делу №А40-42214/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³²⁴ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 114—115.

последние будут просто бессмысленны для таких обстоятельств. Несколько корректируя данную точку зрения, можно предположить, что правовая ситуация скорее становится контекстом для толкования правовых норм.

Обращение к конкретным казусам нередко лучше всего выражает смысл правовой нормы, в частности, когда он может быть раскрыт через перечисление определенных случаев ее очевидного применения, так как через них опыт повседневности напрямую будет диктовать нам верный смысл правовой нормы. Например, Закон о банкротстве в п. 2 ст. 61.4. исходит из того, что сделки, совершаемые в обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником, не могут быть оспорены на основании п. 1 ст. 61.2 и ст. 61.3 настоящего федерального закона. В данном случае употреблен оценочный термин — «сделка, совершенная в обычной хозяйственной деятельности», который разъясняется через перечисление конкретных ситуаций, когда сделку можно квалифицировать в таком качестве. Так, в п. 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» разъяснено, что к таким сделкам, в частности, с учетом всех обстоятельств дела могут быть отнесены: возврат очередной части кредита в соответствии с графиком, уплата ежемесячной арендной платы, выплата заработной платы, оплата коммунальных услуг, платежи за услуги сотовой связи и Интернет, уплата налогов и т. п.³²⁵.

Напротив, смысл нормы права может раскрываться через перечисление частных случаев, когда она очевидно не должна быть применена. Толкуя ст. 333 ГК РФ Верховный Суд РФ перечислил ситуации, которые не могут выступать основанием для снижения неустойки вследствие ее несоразмерности: тяжелое финансовое положение должника, наличие у него задолженности перед другими кредиторами, отсутствие бюджетного финансирования, неисполнение

³²⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

обязательств контрагентами, выполнение ответчиком социально значимых функций³²⁶.

В перечисленных выше случаях мы действуем по следующей схеме: анализируя правовую норму мы ищем примеры из действительности, когда правовое предписание, изложенное в ней будет очевидно и безусловно справедливо для этого конкретного случая (или наоборот — очевидно несправедливо), так как такие определения как «обычно», «несоразмерность», «разумность», «добросовестность» и т. д. проблематично изложить в простой форме словесного объяснения или определения, но можно пояснить с помощью примеров.

Однако, всеобщность правовой нормы и уникальность каждой ситуации — это то, что, регулярно вынуждает обращаться к толкованию. По мнению И.Л. Честнова, право и представляет собой единство и различие, т. е. диалог уникального (конкретного, фактического взаимодействия — правоотношения, в котором существует субъективное право) и типичного, повторяющегося (объективной нормы права)³²⁷. Проблема заключается в том, что полностью тождественных обстоятельств не бывает и при каждом разрешении спора требуется творческий подход к правовой норме, адаптирующий ее к новым обстоятельствам. Сама по себе очевидность действия нормы права в конкретных обстоятельствах не является достаточной.

Бывает, что из закона нам известны очевидные случаи применения или неприменения правовой нормы, но перед нами возникает ситуация, которая прямо не предусмотрена им, но по логике близка к его смыслу или же напротив — применение нормы было бы несправедливо для текущих обстоятельств. То есть до конца неясно распространяется ли правовая норма на такие

³²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³²⁷ Честнов И.Л. Онтологическое измерение постклассической герменевтики права как интерпретации воспроизводства правовой реальности // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 56.

фактические обстоятельства или нет. Требуется уточнение перечня ситуаций, на которые распространяется или не распространяется правовая норма. Именно для устранения неясности такого рода от нас требуется концептуально «растянуть» правовую норму на уникальную ситуацию или напротив — обосновать исключение ее из-под действия толкуемой правовой нормы. Иначе говоря, толкование устанавливает границы всеобщности нормы, которые остаются подвижными вместе с изменяющейся действительностью.

Примером может послужить толкование Верховным Судом РФ законодательства о банкротстве, которое выработало полноценные доктрины понятий, не предусмотренные действующими положениями федеральных законов, а также регулярно «растягивало» действующие положения закона на прямо не попадающие под него обстоятельства.

В частности, так была выработана категория «фактической аффилированности» — ситуация, когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет избежать формального критерия группы лиц, установленного законом, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности. В таких случаях Верховный Суд РФ признал возможность доказывания общности экономических интересов не только через подтверждение аффилированности юридической (например, через корпоративное участие), но и фактической³²⁸.

Аналогичным образом, Верховный Суд РФ развил концепцию субординации требований кредиторов и выработал неизвестные законодательству о банкротстве понятия «имущественного кризиса» и «компенсационного финансирования»³²⁹. Верховный Суд РФ исходя из общих положений ст. 2 и 9 Закона о банкротстве сформулировал вывод о том, что к

³²⁸ Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2023 № 307-ЭС22-15103 (2,5) по делу № А56-104043/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³²⁹ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

числу конкурсных кредиторов не могут быть отнесены участники, предъявляющие к должнику требования из обязательств, вытекающих фактически из участия в капитале должника, при том, что формально такие обязательства могут иметь гражданско-правовую природу и быть оформлены в виде договора займа, купли-продажи, аренды и т. д.

Вместе с тем, адаптируя норму к новым обстоятельствам или исключая их из-под ее действия нам нужно ответить на вопрос: из чего это следует? То есть требуется вновь восхождение к всеобщему — доктринальное обоснование исходя из более общих норм, принципов и идей конкретного института или права в целом: почему правовая норма распространяется или не распространяется на конкретные обстоятельства. На это же обращают внимание немецкие ученые, указывая, что мысленный процесс толкования идет, по сути, во встречных направлениях — от общеправовой идеи к делам, рассмотренным в соответствии с ней, и от конкретных дел, признанных схожими, типовыми, обратно к общему принципу³³⁰.

Двигаясь концентрическими кругами в поисках смысла правовой нормы и обращаясь к ее контексту, мы все дальше и дальше продвигаемся в ее понимании, но вряд ли можно утверждать о поступательном приближении к центру или ядру смысла. Процесс поиска смысла правовой нормы скорее представляет собой постоянное движение по герменевтическому кругу. Целесообразно было бы использовать вместо понятия «круг» понятие «спираль». То есть, несмотря на движение по кругу, интерпретатор все же движется вперед в своем понимании, он не возвращается на точку, с которой начал³³¹. Аналогичное замечание было высказано Ф. Шлейермахером, который указывал на бесконечность процесса толкования, поскольку каждый раз с новым подходом процесс понимания движется по все более и более расширяющемуся кругу (от общего к частному и от частного к общему).

³³⁰ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 134.

³³¹ Стрелкова Е.Ю. Герменевтический подход к толкованию норм права // Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2015. С. 42.

Постоянное и неоднократное возвращение на этот круг способствует более углубленному пониманию интерпретируемого текста³³².

Правовая норма в этом круге (спирали) находится между двумя точками притяжения: идеей всеобщей справедливости и справедливостью здесь и сейчас в конкретном случае. Отталкиваясь от правовой нормы и следуя к контексту ее существования в целом — праву в целом, языку, истории, мысли автора, а затем обратно, мы ищем некое всеобщее и ясное правило для всех пограничных ситуаций, отправляясь от правовой нормы к контексту ее применения и обратно, мы ищем справедливости здесь и сейчас. Мастерство толкования права предполагает гармоничную связь между двумя этими направляющими: толкуя норму права в контексте частного случая применения — увидеть корни всеобщего; интерпретируя норму права в контексте общего — согласовать ее смысл с конкретной ситуацией применения.

Таким образом, основная стадия процесса толкования — поиск и конструирование смысла — представляет собой диалектическое движение, описываемое герменевтической спиралью. Это движение происходит в двух плоскостях: 1) диалектика «частного и общего» — движение мысли от конкретной нормы (частное) к ее многообразным контекстам (общее), таким как системный, доктринальный, исторический, телеологический, и обратно; 2) диалектика «общего и особенного» — движение от нормы (общее правило) к уникальной ситуации ее применения (особенное) и обратно.

Процесс движения от частного случая к идее права, от абстрактного всеобщего правила к справедливости здесь и сейчас, дает нам возможность выявления различных смысловых оттенков толкуемой нормы. Иначе говоря, осуществляя поиск и «набрасывание» гипотез смысла, мы сталкиваемся с тем, что зачастую толкование права дает нам сразу несколько вариантов смысла, каждый из которых может претендовать на правильное значение нормы. Как

³³² Стрелкова Е.Ю. Герменевтический подход к толкованию норм права // Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2015. С. 41.

указывает Е.Н. Тонков: «в правовой действительности мы имеем дело не с нормой права, а с вариантами ее интерпретации»³³³.

То есть, в ходе этого движения интерпретатор не находит единственный смысл, а конструирует смысловое поле, состоящее из нескольких конкурирующих, но потенциально валидных вариантов интерпретации, которые и передаются на финальную стадию волевого выбора.

³³³ Тонков Е.Н. Толкование закона и права. С. 8.

§3.4. Аргументация и легитимация решения о смысле: завершающий этап модели

Толкователь, сталкиваясь с множественностью смыслов и их конкуренцией, должен определить своим волевым решением наиболее релевантный смысл правовой нормы или, как указывает М.А. Белова, провести проверку гипотез о смысле³³⁴, что является финальной стадией процесса толкования.

Так, М. Троппер считает, что текст закона может нести в себе множество смысловых структур, следовательно, и множество правовых норм, среди них правоприменительный орган должен выбрать ту, которую он применит. До осуществления этого выбора применяемой нормы не существует, существует лишь текст. В некотором смысле именно толкование вводит в текст определенную норму. Производимый выбор является результатом волеизъявления, проявлением свободной воли правоприменительного органа³³⁵.

Анализируя этот феномен с философско-правовой точки зрения Г. Кельзен приходит к тому, что эпистемологическое установление смысла правовой нормы может привести только к установлению «рамки», которую представляет собой толкуемая норма, и изучению множества возможностей, заданных в пределах такой рамки. Ученый настаивает, что толкование может вести к множеству решений, каждое из которых имеет равную ценность по отношению друг к другу, но нет никакого метода, который бы установил «верное» вербальное значение правовой нормы³³⁶. Проще говоря, толкование есть не акт познания смысла, но практическое действие, включающее в себя волевой аспект³³⁷.

³³⁴ Белова М.А. Сравнительный анализ концепций толкования права в Германии. С. 40.

³³⁵ Троппер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 175.

³³⁶ Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 424—425.

³³⁷ Васильева В.С. Общая теория судебного метода Альфа Росса // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 284.

При этом, как и любое правовое решение, решение о смысле толкуемой нормы права может быть принято только если определены общие правила и критерии, по которым этот смысл должен быть выбран. Очевидными проблемами для теории толкования права, признающей многовариантность интерпретаций смысла закона, становятся пределы свободного усмотрения интерпретатора и риски дестабилизации правового порядка. Встают вопросы:

1) Как возможно достижение предсказуемости права (ожиданий граждан от правового порядка) в ситуации постулируемой неопределенности смыслов и их многовариантности? Иначе говоря, как многовариантность смыслов нормы права и свобода интерпретатора в определении правильного варианта смысла может соотноситься с такими необходимыми свойствами закона и правового порядка в целом, как ясность, формальная определенность, стабильность, соответствие между применением нормы и ее содержанием (предсказуемость)?

2) Как исключить произвол интерпретатора при толковании? Чем он должен руководствоваться? Есть ли какой-либо содержательный критерий отбираемых смыслов? Не можем же мы относиться к тексту закона как к художественному произведению, признавая любой смысл допустимым. В каких случаях данные толкования могут считаться более-менее валидными и подлежащими обсуждению, а в каких будут противоречить самой сущности толкования права?

Данные вопросы чрезвычайно актуальны для теории толкования права, так как пренебрежение ими в определенные моменты истории приводило к тому, что авторитарные и тоталитарные режимы «ломали» правовую рамку именно с помощью произвольной интерпретации норм. Так, придя к власти, Гитлер не отменил Веймарскую конституцию и законодательство Веймарской республики, которые с правовой точки зрения должны были ограничить все его последующие действия. После того как 28 февраля 1933 г. был осуществлен поджог рейхстага, был принят закон, по которому гитлеровское правительство, опираясь на ст. 48 Веймарской конституции, приостановило действие на территории Германии демократических прав и свобод. В дальнейшем суды при

применении репрессивных мер толковали законы «творчески», ссылаясь на экстраординарность обстоятельств, чтобы вывести правоотношения из-под действия ординарных демократических законов Веймарской республики в пользу нацистского блока чрезвычайных указов и регламентов³³⁸.

Анализируя примеры из отечественного правопорядка, весьма противоречивым и спорным представляется толкование Конституционным Судом РФ правовых норм о выборах губернаторов. Так, Конституционный Суд РФ в 1996 году толкуя ст. 3 и 32 Конституции РФ указал, что «высшее должностное лицо субъекта РФ получает свой мандат непосредственно от народа и перед ним ответственно»³³⁹, запретив вмешиваться в прямой порядок избрания такого лица. Но в 2004 году одобряя поправки, позволяющие Президенту РФ вмешиваться в прямые выборы губернаторов, Конституционный Суд РФ сослался на «развивающийся социально-исторический контекст»³⁴⁰ и возможность уточнения и изменения прежнего толкования данных статей с учетом нового законодательного регулирования.

Похожим образом, Конституционный Суд РФ изменил данное им же в 1996 году толкование о недопустимости избрания в качестве Президента РФ одного и того же лица на второй срок подряд несмотря на то, что действующий на тот момент Президент РФ — Б.Н. Ельцин избирался на первый срок по Конституции РСФСР от 1978 года³⁴¹. Однако, при толковании одних и тех же норм права в 2020 году Конституционный Суд РФ сослался на «конкретно-исторические факторы принятия соответствующего решения, в том числе степень угроз для государства и общества, состояние политической и экономической систем и т. п.»³⁴², а также фактически провел мысль о том, что раз народ хочет избирать одного и того же человека на большее количество

³³⁸ Фуллер Л. Мораль права. С. 120.

³³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁴¹ Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1996 № 134-О [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁴² Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

сроков, чем установлено в Конституции РФ, то было бы нарушением баланса конституционных ценностей запрещать это делать ему.

Примечательно, что в данных актах толкования официальный истолкователь Конституции РФ отчетливо прописал, что выявление смысла норм должно производиться с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, «духа времени», но не раскрыл о каких конкретно изменениях идет речь. Как справедливо отмечает А.Л. Кононов в особом мнении к постановлению от 2005 года: «с этой точки зрения, конечно, можно оправдать все, что угодно, но это будет за пределами права»³⁴³. В том же духе высказывается и Р.А. Ромашов, указывая, что подобное разъяснение демонстрирует весьма специфическое отношение к тексту Конституции РФ, который воспринимается как «послушный инструмент обеспечения принципа государственной целесообразности, суть которого сводилась к безусловному приоритету государственных интересов по отношению к частным и «возвышению» государства, представленного государственной бюрократией (администрацией) над личностью»³⁴⁴.

Не будет лишним отметить, что вышеуказанные примеры изменения толкования свидетельствуют о необходимости быть крайне осторожным при внедрении динамических подходов к толкованию права, способствующих более свободному отношению к букве закона. Стоит признать, что толкование права не может зависеть от произвола правоприменителя. Элемент воли и творчества в процессе толкования права не означает, что он вправе подстраивать смысл нормы права под свои практические интересы. Нередко правоведы исходят из того, что это может способствовать более оперативной апробации новейших доктрин, помочь не поспевающему за развитием общественных отношений законодателю. Но мы видим, что такие способы толкования могут иметь и обратный эффект, когда текст с прежней интерпретацией демократического

³⁴³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁴ Ромашов Р.А. Конституция как объект толкования и герменевтики // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 422.

содержания может быть переиначен в сторону авторитарных практик с неопределенными ссылками на изменившиеся социально-политические условия.

В этой связи необходимы определенные правила и принципы толкования права, которые бы ограничивали произвол интерпретатора при выборе того или иного смысла. По Ф. Либеру, основные принципы толкования-конструкции должны сводиться к следующему³⁴⁵:

1. Главный инструмент конструкции — аналогия или рассуждение путем параллелизма;

2. Цель, причины и предмет текста имеют существенное значение, если их содержание достоверно известно;

3. Ни один текст не подразумевает невыполнимых вещей;

4. Всякий раз, когда текст предоставляет привилегии одному лицу, двусмысленные части должны толковаться в пользу непривилегированного;

5. Текст, навязывающий исполнение, выражает минимум для исполнителя и максимум, если он подразумевает жертву или терпение для другой стороны;

6. Конструкция должна соответствовать духу текста;

7. Последствия и эффекты конструкции могут помочь нам решить какое толкование следует принять, но не следует слишком ориентироваться на это, так как это может привести к отмене всякого правила и казуистике;

8. Чем старше закон, тем более обширным должно быть толкование;

9. Ничто не способствует больше индивидуальной свободе, как наиболее близкое и привычное толкование;

10. Пусть слабые получают преимущества при всяком сомнении относительно смысла закона. Пусть торжествует милосердие, если есть действительное сомнение;

11. Для справедливого и точного толкования необходимо рассмотрение всего текста и всего дискурса;

³⁴⁵ Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. P. 143—144.

12. Добросовестность главное при конструкции, не нужно навязывать постороннее в текст;

13. В случаях сомнения между властью и отдельным лицом преимущество должно быть отдано частному лицу, а не власти; ибо власть создает законы³⁴⁶.

Формулируя собственное отношение к пределам усмотрения при принятии решения о смысле толкуемого, в качестве первого ограничения для интерпретатора, нам следует отметить необходимость ориентации толкователя на добросовестное отношение к тексту, как к полноценному участнику диалога. Вариативность смыслов и отсутствие конечной точки в его интерпретации хотя и предполагает флуктуации ясности и определенности, но вовсе не означает, что интерпретатор может подвергать текст насилию и выводить нужные ему интерпретации.

Как указывают правоведы, допустимо и позволительно понимать текст строго или широко, но неверным является безосновательно вбрасывать в текст посторонние смыслы, руководствуясь, например, собственными ассоциациями, или притягивать и подгонять смысл текста к конкретной цели, какой бы благой она не была. По мнению К. Ларенца и К.-В. Канариса, судья не может вкладывать в содержание закона то, что он сам хочет от него получить. Подобная процедура с точки зрения стремления к справедливости тоже могла бы быть оправданной, только если бы судья мог заранее знать в каждом случае, какое решение является справедливым, однако так быть не может³⁴⁷.

Ф. Либер видит в здравом смысле (*common sense*) и добросовестности (*good faith*) «ведущие звезды» всякой подлинной интерпретации, указывая, что цель толкования не в том, чтобы сгибать, искажать и изменять текст, пока его не удастся всунуть в форму предвзятых идей, не расширить и не исказить на манер Прокруста³⁴⁸. Именно эти условия, по мнению Ф. Либера, помогают найти «золотую середину»: с одной стороны, мы должны помнить, что буква закона

³⁴⁶ Lieber F. *Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities.* P. 172.

³⁴⁷ Ларенц К., Канарис К.-В. *Методология юриспруденции.* С. 198.

³⁴⁸ Lieber F. *Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities.* P. 89.

убивает, когда перед нами вопиющее противоречие принципам права, особый случай или новое отношение; с другой — нередко недобросовестный субъект права желает оправдать свое поведение и вывести его из-под действия закона, сославшись на особый случай, кризис и прочее³⁴⁹. Философская герменевтика указывает нам, что интерпретатор всегда понимает текст иначе, но это «иное» нельзя назвать произволом, если разумение затрагивает то же самое, чему следует своей мыслью настоящий текст³⁵⁰.

Для предотвращения произвольного определения смысла толкуемого теория интерпретативного сотрудничества объявляет необходимым условием адекватной интерпретации текста «диалектику прав» текста и интерпретатора: условием извлечения смысла из текста называется выявление его буквального значения, и только затем — свобода интерпретации³⁵¹. Оценивая это утверждение, стоит признать, что формулировки «буквальное значение», «буквальный смысл» и равно также «буквальное толкование» несколько неадекватны. Когда большинство правоведов говорят о характеристике буквальности, то они скорее имеют в виду очевидность. То есть буквальный смысл — это очевидный смысл, причем очевидный именно с юридической точки зрения, а не для каждого человека.

В подтверждение этого тезиса рассмотрим термин «владеть» в контексте российского гражданского права. Каждый юрист знает, что право собственности и право владения не тождественные понятия: «владеть» означает иметь физическое господство над вещью, тогда как «иметь в собственности» означает титул собственника со всеми правами (владеть, пользоваться, распоряжаться). Однако, буквальное толкование термина «владеть» через обращение к общеупотребительному значению этого слова, приводит нас к тому, что «владеть» это иметь в собственности что-либо. Об этом

³⁴⁹ Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. P. 137.

³⁵⁰ Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация. С. 105.

³⁵¹ Ковкель Н.Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 120.

свидетельствует как теория, так и практика языка. В словарях для слова «владеть» первым значением указывается — иметь что-либо в собственности. В свою очередь, практика языка, например, на рынке купли-продажи автотранспортных средств свидетельствует о том, что при указании на собственника автомобиля продавцы употребляют термин «владелец».

Поэтому Ф. Либер небезосновательно считает термин «буквальное толкование» (*literal interpretation*) довольно опасным и не подходящим, предлагая в качестве альтернативы «близкое толкование» (*close interpretation*) или если переводить менее дословно — очевидное толкование. Буквальное толкование, по мнению Либера, вырывает слова из контекста и отрывает их, таким образом, от смысла³⁵². Под знаменем буквального толкования по Ф. Либеру совершались самые ужасные преступления государства против человека, а также искажался смысл любых правил. Так, каноническое право запрещало священникам римско-католической церкви «проливать кровь», вследствие чего священнослужители в Средние Века сражались булавами без шипов³⁵³.

Кроме того, буквальное (очевидное) значение нормы права может быть отвергнуто интерпретатором, что вовсе не приводит к признанию данной интерпретации нелегитимной. В частности, здесь идет речь о толковании *contra legem*. Под толкованием *contra legem* следует понимать придание нормативному предписанию смысла, противоречащего буквальному прочтению его текста, но соответствующего, например, принципам права. Вместе с тем, прибегать к такому толкованию суд может лишь в исключительных случаях (в трудных/сложных/нетипичных делах), когда применение позитивной нормы строго в ее текстуальном выражении в конкретных обстоятельствах приводит к несправедливому или неразумному решению дела. Решение, принимаемое в результате такого толкования, не тождественно незаконному или ошибочному

³⁵² Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. p. 68.

³⁵³ Ibid. p. 69.

решению, поскольку в данном случае буквальный смысл нормы приводится в соответствие с общими и отраслевыми принципами права³⁵⁴.

Таким образом, цель толкования *contra legem* заключается не в том, чтобы заменить применимое к конкретному случаю правило новым правилом, произвольно выработанным судьей, а в том, чтобы изменить применимое к конкретному случаю правило, когда буквальное его применение ведет к принятию решения, несовместимого с принципами права. Действительно, принципы права дают судье достаточно широкий дискреционный простор. Тем не менее они ограничивают этот простор, поскольку обозначают четкие границы содержания нового правила и причины, по которым произошло отступление от старого правила³⁵⁵.

Открытым остается вопрос как в такой ситуации выбрать правильный вариант толкования, если каждый из них подкреплен одним из принципов права? Разумеется, в основании выбора того или иного варианта должен быть положен более-менее ясный критерий. Так, в рамках исследования «динамичных» теорий толкования в США, которые признают вариативность интерпретаций положений закона и пытаются найти некий объективный критерий для выбора, Э.Ю. Викторовой выделяется теория «наилучшего ответа»: судья выбирает интерпретацию наиболее близкую к морали поведения, свойственного обществу на данном этапе развития и тем самым, наиболее понятную адресату правовой нормы³⁵⁶. В свою очередь, например, М.А. Беляев считает, что выдвигаемые толкователем вариации смыслов могут быть ограничены рекомендациями законодателя или иного авторитета, либо конвенциональными установками юридического сообщества³⁵⁷.

Разрешая проблему конфликта интерпретаций и подкрепляющих их принципов, Р. Дворкин предлагает взвешивать последние в ходе толкования

³⁵⁴ Аллахвердиев И.Г.О. О толковании *contra legem* и судебском произволе // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 4. С. 108—126.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Викторова Э.Ю. Толкование норм права в Англии и США. С. 124—126.

³⁵⁷ Беляев М.А. Нормативность в правовой герменевтике: эпистемический аспект // Парадигмы юридической герменевтики/ под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 102.

права³⁵⁸. Судьи при интерпретации закона обязаны принять все соответствующие принципы (с учетом рассмотрения их относительного веса) и определить, какие из них являются доминирующими: «если судья считает, что принципы, которые он обязан признавать, склоняют его к одному какому-то решению, а принципы, склоняющие к другому решению, не обладают равной с ними весомостью, то он должен принимать решение в соответствии с первыми принципами так же, как он должен следовать обязательной норме»³⁵⁹.

Ученый признает, что весомость принципа нельзя усмотреть таким же образом, как мы, например, определяем более высокую юридическую силу норм Конституции над нормами обычных законов, но при этом же не согласен с тем, что есть свободное усмотрение судьи при выборе одного из этих принципов. Р. Дворкин предлагает обосновывать принцип ссылаясь на некий сплав практики и других принципов — сплав, в котором следствия, выведенные из истории законодательной и судебной деятельности, переплетены со ссылками на общественные обычаи и соглашения, но все-таки признает, что нет никакой «лакмусовой бумажки» для проверки правильности такого обоснования³⁶⁰.

Очевидно, что для американского философа права высшей ценностью является цельность, стабильность и упорядоченность права. Ведь, при всех обозначенных выше нюансах он считал, что «необходимо, чтобы одни принципы права имели более важное значение, чем другие, иначе ни одна норма не была бы надежной»³⁶¹. Именно поэтому весьма утопичной выглядит его концепция судьи «Геркулеса», который может взвесить все принципы права (как думается автор воспринимал ее также, давая такое название своему судье). Так, Р. Дворкин считал, что судья «Геркулес» должен построить структуру абстрактных и конкретных принципов, обеспечивающую согласованное обоснование всех прецедентов в рамках общего права, а также тех

³⁵⁸ Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой; ред. Л.Б. Макеева. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 116.

³⁵⁹ Там же. С. 63.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Там же. С. 65.

конституционных и законодательных постановлений, которые основываются на соображениях принципа³⁶². Роль такого судьи Р. Дворкина, как полагает С.В. Моисеев, в том, чтобы стремиться разработать совершенно цельную (*coherent*) теорию права и на основе ее вынести решение, которое будет (а) находиться в наибольшем соответствии (*best fit*) с имеющимися юридическими материалами, то есть предшествующими решениями и законодательством и (б) представит право в наилучшем свете (*in its best possible light*), в смысле морального и политического совершенства (*soundness*), выражающегося в либеральных ценностях справедливости, честности, равенства, правильного судебного процесса (*due process*) и индивидуальных прав³⁶³.

Аналогичной позиции придерживается Х.-Г. Гадамер, полагая, что в ходе толкования права суд должен учитывать весь существующий правопорядок и догматически обработать расширение закона выводя умозаключения из этого целого. Таким образом, в ходе толкования подлежащий пониманию текст обретает конкретность и завершенность, крепко держась за смысл самого права и текста, потому как юрист не может смотреть на задачу аппликации как на свободу по отношению к тексту³⁶⁴. Сравнивая судью с ремесленником, который вынужден менять свой план по изготовлению продукта, сталкиваясь с препятствиями материи, и делать, таким образом, уступки, так как лучше не получается, Х.-Г. Гадамер отмечает совершенно иной характер действий судьи. По его мнению, судья идет на уступку строгости закона не потому, что лучше не получается, а потому, что в ином случае это было бы несправедливо, проще говоря, он находит лучшее право³⁶⁵.

Сохраняя определенный скептицизм относительно реальности выполнения поставленной перед судом задачи, стоит все же согласиться, что при выборе того или иного варианта толкования суд, по крайней мере, должен попытаться учесть существующие тенденции развития права и надлежащим

³⁶² Дворкин Р. О правах всерьез. С. 166

³⁶³ Харт Г. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афонасина и др.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2007. С. 20

³⁶⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 392.

³⁶⁵ Там же. С. 376.

образом обосновать превосходство одного принципа над другим в каждом конкретном случае. В идеале же — он должен попытаться согласовать принципы права друг с другом выработав такое толкование нормы, которое бы позволило сплести их воедино. Однако, как отмечают К. Ларенц и К.-В. Канарис, перед судами стоит задача решить спор здесь и сейчас, поэтому они ограничены в возможностях и не могут провести дискуссию в научном сообществе и дождаться догматически выверенного ответа. Судья вынужден дать ответ, даже если он не может обосновать его в полной мере, то есть допустить определенную степень произвольности, при этом все же пытаюсь, насколько это возможно, снабдить его юридическими аргументами³⁶⁶.

Так, например, в свое время Верховный Суд РФ разрешил конфликт между целью наибольшего удовлетворения требований кредиторов законодательства о банкротстве и целью ухода от долевой собственности как нестабильного юридического образования (ст. 250 ГК РФ). Суть спора заключалась в том, что не было специального регулирования порядка реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на нежилое помещение при ее реализации на открытых в ходе банкротства, а имелось только общее указание на возможность реализации любого преимущественного права перед проведением торгов на основании оценки начальной продажной стоимости объекта. То есть, сособственник мог реализовать свое преимущественное право на основании оценки перед торгами, на которых стоимость реализуемого имущества могла бы существенно возрасти по шагу аукциона, и таким образом, дополнительно пополнить за счет этого конкурсную массу должника.

Верховный Суд РФ разрешил данный спор следующим образом: цена доли должника в праве общей собственности на нежилое помещение должна быть определена по результатам открытых торгов. После определения в отношении доли должника победителя торгов сособственнику должна предоставляться возможность воспользоваться преимущественным правом

³⁶⁶ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 67.

покупки этого имущества по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора³⁶⁷. Таким образом, сохранялся и приоритет на укрупнение долей собственников, и принцип наибольшего пополнения конкурсной массы.

На основании изложенного можно заключить, что добросовестное отношению к тексту и процессу интерпретации предполагает: 1) отношение к тексту как субъекту диалога, а не как к послушному инструменту, который может быть употреблен для оправдания любого произвольно приписываемого смысла; 2) обязанность интерпретатора — рассмотреть все релевантные контексты и конкурирующие интерпретации, а не подгонять текст под заранее принятое решение; 3) обоснованность не личными предпочтениями, а апелляцией к интересубъективным критериям (принципам, правовым позициям, разумным ожиданиям).

Не менее важным фактором для возможности принятия обоснованного решения о смысле является относительная ясность толкуемого текста. Как верно отмечено Л. Фуллером, одним из основных критериев права в целом является ясность и определенность правовых норм³⁶⁸. Без этого попытка упорядочить и урегулировать поведение людей была бы бессмысленна, так как никто бы не понимал из-за неясности нормативных положений, какое поведение от него ожидается. В отечественном правопорядке это реализовано в виде возможности признать незаконным нормативный правовой акт, который является неопределенным и предполагает неоднозначные толкования. Так, Верховный Суд РФ предписывает при проверке законности содержания оспариваемого нормативного правового акта также выяснять, является ли оно определенным. Если оспариваемый акт или его часть вызывают неоднозначное толкование, оспариваемый акт в такой редакции признается не действующим полностью или в части с указанием мотивов принятого решения³⁶⁹.

³⁶⁷ Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2020 № 306-ЭС19-22343 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁸ Фуллер Л. Мораль права. С. 81.

³⁶⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих

Примером такого акта может выступать Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», который предусматривает в качестве одного из оснований для признания кого-либо иностранным агентом и, соответственно, для ограничения его прав, такой признак как «нахождение под иностранным влиянием»³⁷⁰ — предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами. Буквальная трактовка такого признака предполагает, что все граждане РФ находятся под иностранным влиянием, так как в современном мире все страны влияют на население друг на друга (в том числе, в информационном, культурном, идеологическом и пр. аспектах), что является абсурдным. С юридической точки зрения, «иноагентство» — это вид агентских правоотношений, прямо поименованных в гражданских кодексах большинства государств, в том числе, нашего. Соответственно, оно предполагает правовую конструкцию этих отношений: агента, принципала, прав и обязанностей между ними. Несмотря на то, что по заявлениям российского законодателя указанный акт, якобы является аналогом схожих законов в США и Великобритании, в данном законе не предполагается доказывания собственно агентских правоотношений, то есть наличия у агента принципала — в интересах которого он действует, а также наличия отношений, в частности, прав и обязанностей между ними, закрепленных каким-либо договором.

В итоге, правоприменительная практика по данному закону крайне избирательна и указывает, что необходимо толковать «иностранное влияние» как антиправительственные позиции, общение с иностранными агентами или комментарии их материалов³⁷¹, что явно не соответствует вышеобозначенной буквальной или сугубо юридической трактовке. Как указал Европейский суд по

разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁷⁰ Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Российская газета. 2022. 19 июля.

³⁷¹ Определение Московского городского суда от 11.09.2024 по делу № 33а-7445/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

правам человека, данный закон искажает саму суть агентских правоотношений, подменяя негативным ярлыком известное во многих правопорядках понятие «агента»³⁷². Толкование такого антиправового положения закона очевидно бессмысленно и любая его интерпретация будет идти вразрез с разумными ожиданиями обычного человека. Иначе говоря, никто не в состоянии понять какое поведение в связи с этой нормой определяется как надлежащее, то есть, каким образом можно находиться не «под иностранным влиянием», чтобы не быть признанным иностранным агентом.

Аналогичные неясные формулировки закона, которые можно растягивать как угодно и ни на что не опираясь, можно найти в большом количестве в новейшем репрессивном законодательстве Российской Федерации, начиная с понятия «экстремизма» и заканчивая «дискредитацией». Стоит согласиться с Е.Н. Тонковым в том, что в настоящий момент в отечественном правопорядке присутствует полная размытость в отношении объективной стороны преступлений экстремистской направленности, избыточная вариативность санкций уголовного законодательства, и обширные уголовно-процессуальные возможности правоприменителей, что сформировало релятивистский подход к принятию решений. Отсутствие стандартных требований к достаточному обоснованию выносимых решений, необходимому описанию аргументативных последовательностей — позволяет правоприменителям сокращать мотивировочную часть актов применения до полного отсутствия обоснований выносимого решения³⁷³.

Таким образом, если в законе нет ясности вообще, как в вышеуказанных нормах, то это не нормы права вообще. Можно с уверенностью сказать, опираясь не только на теоретические положения, но в том числе, на практику применения КАС РФ³⁷⁴, что одним из условий правомерности толкования

³⁷² Case of Kobaliya and Others v. Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-237425> (дата обращения: 17.09.2025).

³⁷³ Фуллер Л. Мораль права. С. 145.

³⁷⁴ См. : п. 35 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

является минимальная ясность и определенность толкуемых положений (которая в свою очередь является критерием для признания чего-либо правом по Л. Фуллеру).

При этом, согласно Л. Фуллеру требование ясности не должно приводить нас, например, к осуждению всех законов, которые предполагают оценочные критерии, например, «разумности»³⁷⁵ или «добросовестности»³⁷⁶. По мнению ученого, иногда требуется пожертвовать ясностью и опираться только на здравый смысл правоприменителя, допуская опыту повседневной жизни придавать таким категориям привычное для него значение³⁷⁷. Безусловно, закон не может существовать без оценочных критериев наподобие «соразмерности»³⁷⁸ или «должной степени осмотрительности»³⁷⁹, но есть пределы использования таких критериев при создании текста закона. Если мы сформулируем все правила поведения исключительно на основании таких широких критериев, то участники правопорядка будут дезориентированы. То есть, необходимо исходить из ограниченного использования таких критериев. Кроме того, их действие должно быть сведено к минимуму или вовсе исключено, когда речь идет о запрещающих и ограничивающих нормах.

Как отмечает Л. Фуллер, ясность и другие критерии внутренней морали права являются моралью стремления, то есть мы не можем сказать, что если существует хоть сколько-нибудь неясное положение закона, то мы не можем признавать правового значения законов такого государства. Ясность и определенность имеют градацию: в каких-то законах она присутствует в большей степени, в каких-то в меньшей. Поэтому при толковании неясного закона перед нами сложнейшая задача найти «золотую середину» при оценке степени его неясности: если положение закона настолько неясно, что невозможно сделать более-менее доступные обычному человеку выводы — нет

³⁷⁵ См. ст. 6.1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // «Российская газета». 2002. № 137.

³⁷⁶ См. ст. 10 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.

³⁷⁷ Фуллер Л. Мораль права. С. 81.

³⁷⁸ См. ст. 333 Гражданский кодекс Российской Федерации.

³⁷⁹ См. ст. 401 Гражданский кодекс Российской Федерации.

необходимости интерпретировать и применять такой закон, ведь его толкование будет произвольным, а сам закон не будет отвечать признакам права; если же перед нами недостаточно ясное положение закона, которое можно исправить несложной дополнительной логической операцией, то вряд ли будет разумным игнорировать положение такого закона.

Ученый признает, что нет легкого выхода из этой ситуации. Есть вечный конфликт: между справедливостью, которая может быть выведена только через хитросплетения ума, и формой закона (формальной определенностью, стабильностью, предсказуемостью), которая гарантирует всем известные и ожидаемые последствия. Возводя в абсолют формализм права, правоприменитель неизбежно столкнется с ситуациями, когда ему придется идти на сделку с совестью и возлагать несоразмерное бремя ответственности по всей строгости закона, или напротив — воздерживаться от устранения лазеек в законе, использующихся недобросовестными участниками оборота. Равно также, полностью игнорируя форму права, можно прийти к тому, что законы будут толковаться произвольно и участники правоотношений будут не в состоянии определить, как себя вести, из-за того, что смысл нормы станет им известен только из карающего решения суда (ситуация, которую И. Бентам называл *dog law*).

Последнее более чем справедливо в отношении законодательства, регулирующего, главным образом, отношения между государством и гражданином, а вернее даже воздействие государства на гражданина, в случае применения репрессивного законодательства. Исключением для поощрения плюралистического подхода к смыслу закона явно должна быть сфера уголовного и административного законодательства, предполагающая суровые санкции и существенные ограничения прав и свобод граждан. Используемые в данной сфере меры принуждения требуют в соотношениях между формой закона и «судом по правде», ясностью и глубиной смысла, стабильностью правопорядка и справедливостью однозначно выбирать формальную определенность, ясность и стабильность. Например, в английском праве по

этому поводу применяются следующие презумпции толкования: «законы о налогах следует толковать ограниченно»; «положения, относящиеся к уголовному праву, толкуются особенно ограничительно» и т. д.³⁸⁰

Очевидно различие между ситуациями, когда арбитражный суд, творчески толкует нормы и предписывает более высокий стандарт добросовестности в гражданских правоотношениях, например, при применении мер субсидиарной ответственности или признания сделок недействительными, и когда суд по уголовному делу, толкуя нормы законодательства об экстремизме, признает политические высказывания против действующей власти преступлением экстремистской направленности. Следует констатировать, что в силу такого различия не только все сомнения суда в фактических обстоятельствах должны быть истолкованы в пользу обвиняемого, но и все неясности закона должны толковаться в его пользу.

Юридическое искусство толкования как раз состоит в том, чтобы согласовать всеобщность и справедливость при отправлении правосудия, найти баланс между ними, в зависимости от контекста выстроить его таким образом, чтобы выровнять риски одного и другого, как в вышеобозначенном случае. В этом правоприменителю помогают определенные правила толкования. Как утверждает Н.А. Шуринов главной проблемой дискреции при толковании права является то, что оно не может носить произвольного характера, а должно подчиняться каким-то правилам³⁸¹.

В этой связи мы приходим к тому, что о свободе интерпретации и конкуренции смыслов в толковании права можно говорить только если мы имеем дело с правовой системой, в которой правовые нормы имеют потенциал для толкования и являются лишь относительно неясными, а не абсолютно «белым» пятном для их постижения, т. е. они должны быть потенциально открытыми для более-менее обоснованных гипотез, выдвигаемых любым

³⁸⁰ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. СПб. : Алетейя, 2013. С. 87.

³⁸¹ Шуринов Н.А. Американский правовой реализм // Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2015. С. 125.

средним разумным гражданином. В других случаях, мы скорее будем иметь дело с обычным произволом.

Следующий момент, который стоит отметить в качестве критерия для выбора смысла толкуемого — это качественная характеристика искомого смысла, который может быть только правовым, то есть соответствовать основной идее и принципам права. Приблизительно об этом же ранее писал Х.-Г. Гадамер, когда указывал, что судья, толкуя и приспособляя к современным условиям закон, дошедший к нему из прошлого, не перетолковывает его произвольно, а стремится соответствовать «правовой мысли» закона, то есть стремится познать правовое значение закона³⁸².

Так, еще представители школы свободного права указывали, что валидность права происходит от идеи, принципа или назначения, неотъемлемо присущего праву, — это может быть идея справедливости, доминирующие этико-правовые ценности общества, принцип общего блага и т. д. В данной концепции задача интерпретации закона определяется как «додумывание» закона в согласии с имманентным для права принципом³⁸³. Главное в ходе процесса толкования следить за тем, чтобы различные варианты смыслов не выходили за «правовую рамку», о которой писал Г. Кельзен, и помнить, что может устанавливаться только правовой смысл, то есть соответствующий основным принципам права и закономерностям его развития³⁸⁴.

Несмотря на то, что среди ученых-правоведов все еще ведутся дискуссии о смысле права вообще или вовсе отрицается необходимость поднимать эту тему, имеется относительное единообразие взглядов большинства теоретиков касательно принципов права. Под принципами права принято понимать некие основные руководящие идеи, которые выражают «дух» права и его «общую

³⁸² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской. С. 387.

³⁸³ Васильева Н.С. Общая теория судебного метода Альфа Росса // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 296.

³⁸⁴ Жигитов А.А. Истинный смысл как объект толкования права // Теория государства и права. 2023. № 3. С. 107—119.

направленность»³⁸⁵, что позволяет некоторым говорить о выражении ими закономерностей права как такового. К принципам права принято относить: принципы социальной свободы, гуманизма, равноправия, демократизма, законности, равенства всех перед законом, правосудием, взаимная ответственность личности и государства и некоторые другие³⁸⁶. Все они так или иначе являются результатом осознания необходимых закономерностей человеческого общежития и обуздания наших бесконечных потребностей. На куда более важную роль принципов указывает А.И. Клименко, по его мнению, за правовыми принципами всегда стоят правовые ценности, при чем первые выступают в качестве связующего звена между правовыми ценностями и правовыми нормами. Это позволяет сформулировать ученому вывод о том, что легитимность законодательства напрямую зависит от того насколько в нем отражены правовые принципы и ценности этого общества³⁸⁷.

Таким образом, принципы права выступают в качестве интересубъективных, и потому реальных для каждого, объектов, обеспечивающих, в свою очередь, экзистенцию (существование/реальность) соответствующего им смысла текста того или иного закона и относительное единообразие его уяснения. Иначе говоря, принципы права формируют «правовую рамку» смыслов, которые могут быть выявлены в ходе толкования норм права, о чем писал Г. Кельзен. Очевидно, что если в результате толкования у нас возникает не правовой смысл, а какой-либо другой, то мы занимались явно не толкованием права, а выясняли смысл какого-то другого явления.

Как указывает А.М. Михайлов, принципы права вбирают в себя основополагающие идеи правового регулирования, фундируют собой правовые отрасли, институты и придают им особый «цвет», выступая в качестве формы выражения общезначимых ценностей, которые и воссоздают целостность того

³⁸⁵ Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Основные принципы права: понятие и классификация // *Legal Concept*. 2013. №1. С. 5—11.

³⁸⁶ Бошно С.В. Принципы права: понятие, классификация // *Право и современные государства*. № 4. 2019. С. 55.

³⁸⁷ Клименко А.И. Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // *Юридическая техника*. 2020. №14. С. 167—169.

или иного правового образования (цикла, отрасли, подотрасли, института, субинститута, ассоциации норм)³⁸⁸. В этой связи любой вариант выявленного смысла при толковании права в любом случае будет верным, если он выведен из сущности права и основан на каком-либо принципе.

В качестве примера можно привести толкование судами принципа свободы договора и принципа добросовестности применительно к установлению формулы сальдо встречных обязательств при расторжении договора лизинга. Проблема была в том, что лизинговые компании предусматривали в типовых договорах такие формулы расчета конечного сальдо, которые делали крайне невыгодным преждевременное расторжение договора со стороны лизингополучателя, чем если бы договор лизинга был прекращен исполнением.

Ранее суды толкуя такие положения договора лизинга основывались на том, что какая бы невыгодная формула расчета сальдо встречных обязательств не была установлена договором, применяется именно она, а не рекомендованная формула, установленная Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» от 14.03.2014 №17³⁸⁹. Мотивировалось данное толкование тем, что следует исходить из принципа свободы договора при заключении договора лизинга: стороны согласились рассчитывать конечное сальдо на основании формулы, установленной в договоре, и не могут ссылаться на разъяснения высших судов, которые носят рекомендательный характер³⁹⁰. Однако, на данный момент Верховный Суд РФ изменил сложившуюся практику, обратив внимание нижестоящих судов на то, что не подлежат применению условия договора, которые создают неправильные

³⁸⁸ Михайлов А.М. Юридическая герменевтика и правовая идеология в романо-германской традиции // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 180.

³⁸⁹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» от 14.03.2014 №17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.01.2023 по делу № А40-66951/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

стимулы поведения участников экономического оборота (пункты 3-4 ст. 1 ГК РФ), поскольку делает именно расторжение договора лизинга способом получения прибыли лизинговой компании. Поэтому в таком случае подлежит применению формула, установленная рекомендацией высших судов³⁹¹.

Несмотря на то, что толкование, данное Верховным Судом РФ, представляется более верным, так как акцентирует внимание на недобросовестность условий, позволяющих извлекать необоснованную выгоду, такими же правовыми остаются и прежние выводы арбитражных судов, в связи с тем, что они позволяют лизинговым компаниям в соответствии с принципом свободы договора самостоятельно оценивать последствия досрочного расторжения договора, а не нести убытки, руководствуясь формулой, предложенной высшими судами. Иначе говоря, и тот, и другой смысл положений договора лизинга имеет право на жизнь, так как они оба мотивированы основополагающими принципами права, которые конкурируют между собой в определенных ситуациях.

Вместе с тем, принципы права нередко воспринимаются как нечто совершенно абстрактное и, в связи с этим, использование их в качестве ограничения для волюнтаризма в толковании может выглядеть не слишком надежным. Здесь нам могут прийти на помощь ограничения второго уровня, например, конвенциональные установки юридического сообщества. Действительно, такие принципы права как справедливость, равенство, добросовестность, гуманизм, по своей природе являются абстрактными, оценочными и открытыми. Их нельзя применить механически, как конкретную норму о сроке давности. Именно здесь конвенциональные установки сообщества становятся незаменимыми.

В частности, через доктрины и конвенции принципы права получают конкретизацию абстрактного содержания. Например, возьмем принцип добросовестности (*bona fides*). Сам по себе он ничего не говорит о том, является

³⁹¹ Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2023 по делу № А40-33927/2022; Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2023 по делу № А40-101929/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

ли конкретное действие добросовестным. Но юридическое сообщество через судебную практику, научные комментарии и правовые доктрины вырабатывает конвенциональные критерии добросовестности: незнание и невозможность знать о правах третьих лиц, отсутствие умысла причинить вред, проявление разумной осмотрительности, сложившаяся судебная практика по определенным категориям дел (например, о «добросовестном приобретателе»). Таким образом, судья, применяя принцип, опирается не на свое личное мнение, а на эти устоявшиеся в сообществе представления.

Конвенциональные установки юридического сообщества также являются наиболее валидным критерием, если речь идет о доктринальном толковании, но не следует пренебрегать им и уполномоченным на официальное толкование лицам. Безусловно, постулируется, что в праве должен разбираться каждый, но именно юристы являются наиболее значимыми акторами нынешних правовых систем, так как континентальное право во многом основано на трудах римских юристов, а позднее — на глоссах и комментариях ученых-правоведов.

Помимо принципов права, свобода толкователя также ограничена схожими с ними по сути правовыми аксиомами, формулируемыми еще со времен римского права: «специальный закон имеет преимущество перед общим», «позднейшим законом отменяется более ранний», «отягчающий ответственность закон не имеет обратной силы», «то, что не запрещено — разрешено»; «свобода одного человека ограничивается свободой других лиц»; «где есть право, там есть и его защита», «нет преступления без указания на то в законе» и т. п., которые выработаны традицией права, а общезначимость переведена в более абстрактную форму.

На правовых аксиомах также заканчивается толкование права, так как они представляют собой очевидность в чистом виде. М.Л. Давыдова отмечает, что правовые аксиомы по форме — это четкие, емкие, предельно сжатые суждения, не допускающие нескольких толкований³⁹². В этой связи именно они придают

³⁹² Давыдова М.Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. 2007. №1. С. 203—207.

правовым смыслом качество устойчивости не сводя дискрецию правоприменителя до произвола.

Такой же границей для свободы усмотрения толкователя являются принципы логики и аксиомы логического характера, поскольку этим правилам подчиняется и правовая аргументация. Логичность и внутренняя непротиворечивость интерпретации предполагает, что суждения, составляющие интерпретацию, были построены в соответствии с законами формальной логики и не содержали внутренних противоречий. Среди принципов логики обязательными являются: закон тождества — в процессе умозаключения всякое высказывание и суждение должны оставаться тождественными самим себе; закон непротиворечия — два противоположных суждения не могут быть истинными в одно и то же время и в одном и том же отношении; закон исключенного третьего — из двух противоречащих суждений одно истинно, другое ложно, а третьего не дано; закон достаточного основания — никакое суждение не может утверждаться без достаточного основания.

Разум есть пространство наиболее всеобщего, на котором также может замыкаться волюнтаризм толкования права. Как верно замечал М. Вебер рациональность, выраженная в логичности — высшая степень очевидности. Высочайшие «ценности» и «цели» не предполагают такой очевидности и менее доступны для понимания, чем больше они отличаются от наших предубеждений, тем тяжелее их понять. Поэтому к рациональному, вследствие его однозначности, стремятся для достижения всеобщности³⁹³.

Следует также отметить, что помимо логических и правовых аксиом существуют и лингвистические, которые также могут быть использованы для ограничения свободы усмотрения при толковании права, хотя они во многом напоминают логические. Так, в английском праве используются следующие лингвистические максимы: *Noscitur a sociis* (слова должны рассматриваться в контексте словосочетания, предложения либо всей текстуальной единицы), *Expressio unius exclusio alterius* (упоминание одной вещи исключает другие),

³⁹³ Вебер М. Понимающая социология / пер. с нем. М. Левиной. М. : Издательство АСТ, 2021. С. 197.

Reddendo singula singulis (относится только к последнему — максима вводит правило, согласно которому, если в тексте нормативного акта список понятий завершается фразой, уточняющим словом или словосочетанием, то эти дополнения относятся только к последнему понятию) и некоторые другие³⁹⁴.

Переходя на уровень ниже — правила толкования и конкуренции смыслов могут быть приняты на уровне закона или оформляться в виде рекомендаций авторитетных органов. Так, Верховный Суд РФ разработал в 2018 году правила толкования гражданско-правовых договоров. Среди них содержатся несколько интересных положений о конфликте интерпретаций и способах их разрешения: например, в случае нескольких вариантов толкования условий договора, оно осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия; если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу³⁹⁵.

В Англии, например, также есть законодательное регулирование толкования: Акт «Об интерпретации» 1889 г. нормативно закрепил достижения в развитии доктрины толкования, затем в переработанном виде был преобразован в Акт «Об интерпретации» 1978 г. Акт 1889 г. содержит определения многих понятий и терминов, которые и ныне используются в законодательных актах и практике их применения³⁹⁶. Кроме того, английской судебной практикой сформулированы три важнейших правила толкования: «буквальное правило» (*literal rule*) — словам следует придавать их очевидный, общеупотребительный смысл, даже если результат будет выглядеть не очень разумно; «золотое правило» (*golden rule*) — воплощение стремления судей

³⁹⁴ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. С. 88—89.

³⁹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁶ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. С. 8.

избегать тех толкований, которые могут привести к абсурдным выводам и решениям; «правило вреда», иногда его называют «правилом устранения вреда» (*mischief rule*) — каждый последующий закон должен обнаружить оплошности и недостатки предыдущего, чтобы устранить противоречия; если же законодатель этого не сделал, то именно судья должен интерпретировать закон таким образом, чтобы исключить возможный вред нового закона, а равно устранить пробел в праве³⁹⁷.

Не менее важным критерием является соответствие прежним толкованиям судей. Разумеется, судья может в каждом конкретном случае не принимать предыдущие результаты толкования, которые не соответствуют обстоятельствам текущего дела, но по большей части суды следуют ранее выработанным трактовкам — и не только ради экономии времени и сил, а больше из-за сохранения правовой определенности и нежелания потерять «равную меру». Действительно, не бывает полностью идентичных ситуаций, но если мы применяем по отношению к ним один и тот же стандарт, то нельзя допускать различного его толкования в случае каждого отличия в фактическом составе конкретной ситуации от стандартной. В таком случае, по мнению К. Ларенца и К.-В. Канариса, идея «равной меры» как основного элемента справедливости была бы не более чем иллюзией³⁹⁸.

В качестве еще одного фактора, ограничивающего свободу интерпретатора при принятии решения о смысле толкуемого, следует иметь в виду не раз вышеупомянутые ожидания субъектов права, воспринимающих толкуемый смысл. Это важно для соотношения предсказуемости права (соответствия между правоприменительной практикой и содержанием нормы) и указываемых в данной главе характеристиками толкования права. Динамизм в интерпретации смысла правовых норм не должен приводить к тому, что все разумные ожидания по правоприменению законов рушатся и фактически только правоприменители диктуют значение закона ничего не понимающим гражданам. По мнению Л. Фуллера, толкователь всегда должен ориентироваться

³⁹⁷ Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. С. 56.

³⁹⁸ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции. С. 67.

на разумные ожидания субъектов правоотношений относительно того, как будет действовать закон. Он не может переинтерпретировать содержание нормы таким образом, каким вообще никак нельзя было ее представить обычному участнику таких правоотношений: «результат толкования должен гармонично вписываться в систему взаимных ожиданий»³⁹⁹.

Стоит сделать оговорку, что «разумные ожидания общества» — это лишь гипотетическая модель, а не эмпирический факт. Это одна из фикций в праве, которая предполагает проведение мысленного эксперимента: мы представляем себе гипотетического индивида, обладающего общими знаниями о праве, что исключает его осведомленность о крайних тонкостях юридического языка, последних достижениях в юридической доктрине, намерениях группы депутатов при создании закона и пр. Он обладает базовыми знаниями для толкования права, которые можно ожидать от любого среднего человека (он не заканчивал юридического факультета, но в состоянии дать адекватную трактовку большинства юридических норм) в тех обстоятельствах, в которых его застало правовое регулирование. Например, он в состоянии понять, что в формулировке «неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» не играет роли, намерение угонщика вернуть автомобиль на место его стоянки или бросить в другом месте. Более того, эта гипотетическая модель не может быть абсолютной, то есть, когда мы ее применяем, нужно выстраивать определенную шкалу: «с вероятностью n-% средний разумный человек поймет утверждаемый смысл толкуемой правовой нормы». Соответственно, если уровень градации ниже, например, 50%, то мы можем с уверенностью говорить о том, что предлагаемый для интерпретации смысл не соответствует разумным ожиданиям субъектов права.

Когда идет речь о разумных ожиданиях в отношении смысла толкуемой нормы, это означает, что путь его разъяснения должен быть открыт для любого более-менее разумного субъекта правовых отношений. Б.Н. Кардозо считает

³⁹⁹ Фуллер Л. Мораль права. С. 270.

важным при толковании поиск не того, что конкретный толкователь считает правильным, а того, что, как можно обоснованно предположить, каждый другой человек обычного умственного развития и обычной сознательности рассматривал бы в качестве правильного⁴⁰⁰. Л. Фуллер указывает, что при выявлении смысла через причину принятия законодательного акта, толкователь должен поставить перед собой вопрос: «Насколько хорошо поймут предназначение Акта те, кто должен руководствоваться его словами, ибо закон не должен становиться западней для тех, кто не может знать его оснований столь же полно, как Судьи»⁴⁰¹.

В частности, Ф. Либер также пишет о некоем пределе ясности, задаваемом здравым смыслом⁴⁰². Вместе с тем, в английском языке это выражение звучит как «common sense» и его буквально можно перевести как «общий смысл». Это немного приоткрывает завесу того, что следует понимать под здравым смыслом. Здравый или общий смысл — это ни что иное, как обычно понимаемый смысл того или иного выражения. Именно ориентир на общий смысл направляет нас к тому, что при толковании правовых норм не всегда нужно уходить в изыски доктринальной терминологии, а смотреть скорее на общее и всем доступное.

Поэтому ориентиром для толкования не может быть личностный смысл. Толкователь должен попытаться не просто придумать свой вариант толкования, а найти интерсубъективное — общий смысл, который могут разделить другие. Как верно указывает М.А. Беляев, принцип правовых отношений таков, что в них всегда участвуют две стороны, поэтому интерпретатор нацелен на убеждение другой стороны в правильности (истинности) своей позиции. Этот процесс может проходить как конфликт интерпретаций, но в общем случае конфликтность вовсе не обязательна, обязательно лишь убеждение другого субъекта, создание общего смысла, общего и взаимопользующего

⁴⁰⁰ Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности. С. 47.

⁴⁰¹ Фуллер Л. Мораль права. С. 103.

⁴⁰² Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics : with remarks on precedents and authorities. P. 32.

коммуникативного пространства⁴⁰³. Ученый совершенно верно отмечает, что итоговый результат интерпретации — достижение взаимопонимания путем создания общего коммуникативного пространства. Задача интерпретатора состоит не просто в абстрактном сопоставлении разных смыслов на предмет выбора наиболее предпочтительного. В ходе толкования права как нигде более ярко проявляется имманентный праву диалогизм, нацеленность субъекта правовой действительности на установление коммуникативного контакта, на создание общего смыслового пространства с точно таким же субъектом⁴⁰⁴. То есть критерием для выбора смысла нормы права должен являться потенциал его intersubjectивности, доступности его восприятия для большинства субъектов права, в связи с чем, это должен быть смысл, наиболее отвечающий правовой культуре соответствующего общества, включая все ее уровни от обыденного до доктринального. Л. Фуллер считает, что, если при толковании неясного закона мы приходим к выводу, что буквально предписываемое им поведение вовсе не направлено на достижение цели его принятия, и только при помощи прямого искажения текста закона в ходе толкования возможно достижения этой цели — суд должен исходить из разумных ожиданий обывателя, воспринимающего буквальную трактовку⁴⁰⁵.

Важно подчеркнуть, что перечисленные критерии, формирующие «правовую рамку», не являются плоским, одноуровневым перечнем. Они сами образуют иерархическую структуру, которая также направляет интерпретатора в процессе аргументации.

В связи с вышеизложенным, можно представить следующую иерархию критериев:

Уровень 1: формально-правовые (системные) ограничения. (Высший приоритет). К ним относятся: а) принципы права (конституционные и отраслевые); б) правовые, логические и лингвистические аксиомы.

⁴⁰³ Беляев М.А. Нормативность в правовой герменевтике: эпистемический аспект // Парадигмы юридической герменевтики / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 92.

⁴⁰⁴ Там же. С. 90.

⁴⁰⁵ Фуллер Л. Мораль права. С. 272.

Уровень 2: институционально-конвенциональные ограничения. (Применяются для выбора внутри «рамки» уровня 1). К ним относятся: а) правила толкования, изложенные в нормативных правовых актах, правовых позициях высших судов; б) традиции правоприменительного толкования (требование единства практики); в) устоявшиеся доктринальные установки (*communis opinio doctorum*).

Уровень 3: социальные ограничения. (Применяются в «трудных делах» при конфликте критериев уровня 1 и 2 или их неясности). Сюда входят: а) разумные и добросовестные ожидания субъектов; б) моральные установки общества.

Следует вместе с тем признать, что сформулированные постулаты, к сожалению, нередко имеют мало общего с реальным процессом разрешения конфликтов интерпретаций и выявлению смысла правовых норм в отечественной правовой системе. По справедливому замечанию Е.Н. Тонкова российский судья скорее выберет тот вариант, который сочтет наиболее приемлемым в контексте своей профессиональной перспективы и личного психологического комфорта. Как бы это не звучало парадоксально, но правоприменитель при толковании нормы, факта и правоотношения думает в первую очередь о себе, о том, чтобы выносимое решение не причинило в дальнейшем неприятностей лично для него⁴⁰⁶. Но, как уже было отмечено ранее, в условиях отсутствия реальной независимости судей предложенная концепция должна рассматриваться *не столько в качестве дескриптивной модели* (описывающей сущее), *сколько в качестве прескриптивной (нормативной) модели* (описывающей должное).

Подводя итог, отметим, что заключительная стадия модели представляет собой волевой акт выбора одного из конкурирующих смыслов, сгенерированных на предыдущем этапе. Этот выбор, однако, не является произвольным, а представляет собой акт аргументации и легитимации.

⁴⁰⁶ Тонков Е.Н. Толкование закона и права. С. 150.

Во-первых, решение о смысле толкуемой нормы может быть легитимным только при добросовестном отношении интерпретатора к тексту и процессу интерпретации, что подразумевает: отношение к тексту как субъекту диалога, а не как к послушному инструменту, который может быть употреблен для оправдания любого произвольно приписываемого смысла; обоснованную аргументацию отступления интерпретатора от буквального значения текста при толковании *contra legem*, которая, при всем этом, не может противоречить системе действующего регулирования в целом (в частности, принципам права).

При выборе между вариантами толкования, каждый из которых восходит к определенному контексту (историческому, телеологическому, ситуационному или любому другому), нельзя произвольно предпочесть тот или иной контекст, за этим должно следовать всеобщее и доступное каждому обоснование такого предпочтения. Надлежащая мотивировка предполагает подробное обоснование связи выбранного смысла с первоначалами и принципами института, отрасли права или права в целом. Проще говоря, данное толкование должно быть гармонично вписано в правовую систему. В свою очередь, такие абстрактные термины как «развивающийся социально-исторический контекст» или «дух времени», «чрезвычайность ситуации» вряд ли можно назвать опорной точкой, из которой следует исходить при принятии решения о смысле толкуемого.

Во-вторых, для принятия такого решения толкуемый текст правовой нормы должен отвечать минимальным требованиям ясности, то есть он должен быть потенциально открыт для более-менее обоснованных гипотез, а не быть абсолютно недоступным значением, в отношении которого можно только высказывать догадки.

В-третьих, пределы усмотрения интерпретатора задаются иерархически выстроенной «правовой рамкой» (термин Г. Кельзена). Ключевыми содержательными критериями, ограничивающими этот выбор, выступают:

1) формальные (принципы права, правовые, логические и лингвистические аксиомы);

2) институциональные (правила толкования, изложенные в нормативных правовых актах, правовых позициях высших судов; сложившиеся традиции правоприменительного толкования; устоявшиеся доктринальные установки);

3) социальные (разумные и добросовестные ожидания субъектов, моральные установки общества).

То есть, легитимация смысла есть не его «объективное» доказывание, а его intersubъективное обоснование как наиболее справедливого и соответствующего целостности правопорядка.

В заключение третьей главы диссертации обращаем внимание, что она представляет авторскую герменевтическую модель процесса толкования права как процесса смыслообразования. Данная модель, развивает ранее предложенные правоведами модели толкования права и является онтологически обоснованной, поскольку каждая ее стадия соответствует свойствам смысла (креативность, контекстуальность, intersubъективность), что позволяет адекватно описать реальный когнитивный и волевой процесс, происходящий в сознании интерпретатора.

Разработанная трехстадийная герменевтическая модель находит свое практическое воплощение в виде конкретного алгоритма действий интерпретатора. Этот алгоритм не является жесткой схемой, но представляет собой ориентировочную основу для деятельности, будь то судьи, адвоката или правоприменителя.

Стадия 1. Проблематизация: диагностика герменевтического конфликта.

Триггеры для запуска стадии:

— Конфликт «буквы и духа»: Буквальное применение нормы ведет к результату, который воспринимается как глубоко несправедливый или абсурдный в контексте конкретного случая (как в деле *Re Sigsworth*).

— Системная коллизия: Неясно, как согласовать толкуемую норму с другими нормами или принципами правовой системы.

— Телеологический разрыв: Цель нормы, выявленная из ее текста и истории принятия, вступает в противоречие с изменившимися социальными реалиями или новыми вызовами.

— Возникновение новой, непредвиденной законодателем ситуации: Норма должна быть применена к отношениям, которые не существовали на момент ее принятия (например, криптоактивы, цифровые права).

Действие интерпретатора: Формулировка конкретного герменевтического вопроса. Не «что означает эта норма?», а «как применить эту норму к данной ситуации, чтобы решение было справедливым, системно согласованным и отвечало целям правового регулирования?».

Стадия 2. Поиск и конструирование смысла: диалектическое движение в смысловом поле.

На этой стадии интерпретатор не просто «извлекает» смыслы, а активно конструирует смысловое поле, перемещаясь между полюсами нормы и контекста. Это движение можно визуализировать как работу с концентрическими кругами контекста.

Действие интерпретатора: Задавание серии вопросов к тексту нормы, последовательно расширяя контекст:

— Грамматический и логический анализ: Что следует из буквального прочтения? Каковы внутренние логические связи в тексте?

— Системный «выход»: Как данная норма соотносится с другими нормами этой отрасли? С принципами права? С конституционными положениями?

— Телеологический «выход»: Каковы цели данной нормы? Какой социальный результат она призвана обеспечить?

— Исторический «выход»: Какие проблемы решал законодатель?

— «Возвращение» к казусу: Как каждый из выявленных контекстов проецируется на конкретную ситуацию? Какие варианты решения порождает их наложение?

Результатом стадии является не один смысл, а спектр легитимных интерпретационных возможностей («правовая рамка» по Г. Кельзену), каждая из которых имеет разумное обоснование в одном или нескольких контекстах.

Стадия 3. Аргументация и легитимация: взвешивание и выбор.

На этой стадии интерпретатор совершает волевой акт выбора и обосновывает его, апеллируя к интересубъективным критериям. Предлагается использовать следующую иерархию критериев:

Уровень 1: Формальные критерии (основание легитимности): Принципы права (справедливость, равенство, добросовестность); логические и лингвистические аксиомы. Выбор не должен им противоречить.

Уровень 2: Институциональные критерии (стабильность и предсказуемость): Правовые позиции высших судов; устоявшиеся доктринальные подходы; правила юридической техники.

Уровень 3: Социальные критерии (актуальность и справедливость): Разумные ожидания участников правоотношений; моральные устои общества; социальные последствия принимаемого решения. Именно на этом уровне легитимируются «прорывные» решения, меняющие устоявшуюся практику.

Действие интерпретатора: аргументация движется сверху вниз; сильнейшим считается аргумент, который последовательно удовлетворяет критериям всех трех уровней.

Применяя данный подход, правоприменители (главным образом суды) могут обосновывать толкование норм права в судебном акте через воспроизведение герменевтической логики его принятия, что будет повышать уровень доверия к выносимым судебным решениям и упрощать контроль вышестоящих инстанций за единообразием в толковании правовых норм судами. В мотивировочной части необходимо: четко обозначить герменевтический вопрос, требующий разрешения (этап проблематизации); представить спектр рассмотренных конкурирующих интерпретаций с опорой на различные контексты и аргументы (этап поиска); обосновать итоговый выбор,

последовательно выстраивая процедуру легитимации — от формально-юридических критериев к социально-ценностным (этап легитимации).

В настоящий момент, согласно п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ, п. 3 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ суд при вынесении мотивировочной части решения обязан указать мотивы, по которым он не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Однако, основанием для отмены судебных актов в силу ч. 2 ст. 270 АПК РФ, ч. 2 ст. 330 ГПК РФ является не только неприменение закона, подлежащего применению, но и неправильное истолкование⁴⁰⁷.

Представляется необходимым внесение изменений в п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ, п. 3 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, с помощью которых суды будут обязаны указывать в мотивировочной части на наличие проблемы в однозначном толковании применяемой нормы, варианты интерпретаций сторон и суда, ссылаться на различные контексты и аргументы, а также приводить мотивы итогового выбора. Новая редакция п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ, п. 3 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ может быть изложена следующим образом: «В мотивировочной части решения должны быть указаны законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения; мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В случае разногласий относительно толкования норм права в мотивировочной части решения также указываются: предложенные лицами, участвующими в деле, интерпретации; мотивы, по которым суд посчитал неправильным вариант толкования норм права, предложенное лицом, участвующем в деле; основания, в силу которых суд принял итоговое толкование норм права».

⁴⁰⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // «Российская газета». 2002. № 137 ; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // «Российская газета». 2002. № 220.

Заключение

В завершении диссертационного исследования категории смысла в теории толкования права следует подвести итоги и сформулировать выводы, имеющие значение как для развития общей теории права, так и для совершенствования правоприменительной практики в условиях постклассической научной традиции. В рамках данной работы была предпринята попытка дополнить традиционные представления о толковании как о сугубо технической деятельности по «уяснению и разъяснению», и предложить целостную концепцию, в центре которой находится феномен смыслообразования.

Первый и самый важный результат — это обоснование того, что смысл является главным элементом любой работы по интерпретации права. Некритично воспринятым может быть мнение о том, что смысл — это что-то застывшее, что изначально сидит в тексте закона или в голове у того, кто его писал, и задача интерпретатора — просто его отыскать. Изучение работ из других областей — от философии Э. Гуссерля до идей Л. Витгенштейна о языковых играх, — показало, что смысл правовой нормы — это не какой-то неподвижный предмет, а живое отношение.

Это отношение формируется в пространстве intersubъективного взаимодействия и имеет три ключевых компонента: содержание нормативного текста (означающее), контекст (системный, социально-политический и ситуативный) и интенциональная направленность нормы (ее телеологический вектор).

В работе аргументировано, что intersubъективная природа смысла является тем механизмом, который спасает теорию толкования от крайностей солипсизма и объективизма. Смысл не живет исключительно в сознании судьи, но и не является «естественным законом», ожидающим своего открытия. Он существует в поле общего понимания, где личный опыт юриста сталкивается с историей применения норм и ожиданиями общества.

Существенная часть исследования была посвящена критическому анализу объективистского и субъективистского подходов, которые на протяжении

десятилетий формировали дихотомию «воли закона» и «воли законодателя». В работе доказано, что оба этих подхода в их радикальных формах не соответствуют современному состоянию правовой реальности и достижениям постклассической эпистемологии.

Объективистский подход, постулирующий поиск «истинного» или «объективного» смысла, требует актуализации в условиях постклассической науки. Право, как ценностно-нормативный феномен оперирует категориями должного, которые недоступны для критериев «объективной истины», пригодных для дескриптивных наук. Смысл нормы — это не физический факт, а конвенциональный конструкт. Идея единственного, навечно данного смысла игнорирует темпоральный разрыв между моментом создания нормы и моментом ее применения, а также эволюцию общественных ценностей. Как показано на примере дел *Plessy v. Ferguson* и *Brown v. Board of Education*, один и тот же текст (Четырнадцатая поправка к Конституции США) в разных социально-исторических контекстах может и должен иметь диаметрально противоположные смыслы.

В свою очередь, субъективистский подход, ориентированный на реконструкцию «воли законодателя», также сталкивается с рядом неустранимых проблем. В условиях современного сложного законодательного процесса фигура «законодателя» становится герменевтической фикцией. Текст закона — это результат компромисса множества волей, интересов и лоббистских усилий, который после вступления в силу приобретает автономию от своих создателей. Попытка ограничить смысл нормы только тем, что «имел в виду» автор проекта, лишает право его адаптивной функции и превращает правоприменителя в заложника исторической случайности.

Таким образом, исследование предлагает рассматривать в качестве объекта толкования права не волю того или иного субъекта, а сам смысл, который конструируется здесь и сейчас в процессе соотнесения абстрактного правила и конкретного казуса.

Одним из наиболее дискуссионных и значимых результатов диссертации стало обоснование творческой составляющей толкования права. Вопреки позитивистской догме, отрицающей возможность правотворческой функции суда, в работе доказывается, что приращение смысла в процессе интерпретации является не аномалией, а имманентным свойством функционирования права.

Творческая составляющая толкования права обусловлена выявленными свойствами смысла:

1. Субъективный вклад: Каждый интерпретатор привносит в процесс свое «предпонимание», профессиональный опыт и ценностные установки, что делает разъяснение «новым творчеством понимания».

2. Поливариантность и выбор: Наличие «рамки» (по Г. Кельзену) с множеством легитимных вариантов смысла вынуждает судью совершать волевой акт выбора, который не может быть сведен к чистому познанию.

3. Адаптация к контексту: Необходимость применения старых норм к новым, непредвиденным ситуациям (например, цифровая экономика, банкротные доктрины «фактической аффилированности») требует от суда генерации новых смысловых связей, фактически создающих «правоположения».

Вместе с тем, в диссертации подчеркивается, что творчество интерпретатора не тождественно произволу. Оно ограничено «правовой рамкой», задаваемой принципами права, иерархией норм и требованиями легитимации. Разработанная концепция толкования *contra legem* (против буквы, но в согласии с духом) демонстрирует, что суд может корректировать содержание нормы только в исключительных случаях — при наличии «телеологических пробелов», когда буквальное применение ведет к разрушению целостности правопорядка. Как в хрестоматийном деле *Re Sigsworth*, где суд не позволил убийце унаследовать имущество жертвы, несмотря на ясный текст закона, легитимация смысла произошла через апелляцию к более высокому уровню правового смысла — аксиоме о недопустимости получения выгоды из правонарушения.

Ключевым вкладом в развитие юридической техники является разработка авторской герменевтической модели процесса толкования, состоящей из трех последовательных стадий: проблематизации, поиска и легитимации.

В работе доказывается, что толкование в подлинном смысле начинается не тогда, когда мы просто читаем текст, а тогда, когда мы сталкиваемся с препятствием для понимания. Этот этап обозначен как «проблематизация». Он заключается в сознательном рефлексивном усилии интерпретатора, направленном на преодоление интуитивно воспринятого смысла (предрассудка). Началом процесса толкования является не формально установленная неясность текста, а акт «вопрошания» к норме: соответствует ли этот налично данный смысл целям регулирования? Каковы будут социальные последствия его реализации? Именно через проблематизацию толкование превращается из пассивного «уяснения» в активный смыслопорождающий диалог.

На второй стадии мысль интерпретатора движется по «герменевтической спирали», соотнося норму с ее многообразными контекстами. Это движение описывается как диалектика:

- Общего и частного: понимание текста закона через всю систему права и наоборот.
- Общего и особенного: соотнесение абстрактного правила с уникальными обстоятельствами казуса.

На этой стадии интерпретатор использует весь арсенал методов — от грамматического до телеологического, — но не для того, чтобы найти «единственный правильный ответ», а для того, чтобы очертить поле возможных легитимных интерпретаций. Результатом этой стадии становится набор конкурирующих гипотез о смысле, каждая из которых имеет под собой рациональное основание в том или ином контексте.

Заключительная стадия процесса — это волевой акт выбора одного из конкурирующих смыслов и его легитимация перед лицом правового сообщества. В работе аргументировано, что этот выбор не является

произвольным, если он проходит через процедуру легитимации, основанную на иерархии содержательных критериев.

Легитимация смысла есть его превращение из «частного мнения» судьи в «общезначимое требование» правопорядка через убедительную аргументацию, демонстрирующую, почему выбранный смысл наилучшим образом соответствует целостности системы права.

Теоретические выводы диссертации имеют прямое практическое измерение и направлены на повышение прозрачности и предсказуемости судебной деятельности. В работе доказывается, что признание творческого характера толкования требует установления более высоких стандартов судебной аргументации.

Предложено внести изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 170) и Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 198), закрепив обязанность суда при наличии конкуренции интерпретаций отражать в мотивировочной части решения ход герменевтического поиска. Судебный акт должен содержать явную формулировку герменевтической проблемы, анализ предложенных сторонами вариантов толкования и подробное обоснование того, почему выбранный судом смысл является приоритетным с точки зрения принципов права и системных связей. Это позволит перевести контроль вышестоящих инстанций из плоскости «правильности применения нормы» в плоскость «качества аргументации смысла».

Руководствуясь вышеизложенным, можно сформулировать ключевые позиции, определяющие новизну и значимость проведенного исследования:

— Правовой смысл — это не статический объект, а intersubъективный процесс. Его бытие определяется диалогом между текстом, контекстом и целью, что делает невозможным существование одного «объективно истинного» смысла вне ситуации интерпретации.

— Классическая дихотомия «воли закона» и «воли законодателя» преодолевается через категорию intersubъективного смысла. Это снимает проблему поиска «мифического автора» и позволяет правоприменителю

выступать ответственным со-творцом правовой реальности, связанным, однако, принципами права и традицией толкования.

— Толкование права обладает ограниченным творческим потенциалом. Судебное правотворчество признается не как произвол, а как необходимый механизм гомеостаза правовой системы, позволяющий адаптировать абстрактные нормы к уникальности жизненных обстоятельств.

— Герменевтическая модель толкования (проблематизация – поиск – легитимация) предлагает рациональный алгоритм работы с неопределенностью. Она превращает текст судебного решения в открытую дискуссию, что в современном мире и есть настоящая определенность права.

— Правовая определенность, в первую очередь, достигается через прозрачность процедуры толкования. В условиях поливариантности смыслов только качественная аргументация выбора может служить основой доверия общества к судебной системе.

Данная диссертационная работа не претендует на исчерпание темы, но закладывает фундамент для дальнейших исследований в области теории права. Более детального изучения требует иерархия ограничителей судебного усмотрения и их возможная институализация через совершенствование процессуального законодательства в части закрепления требований к аргументации выводов в судебных актах. Кроме того, предложенная герменевтическая модель носит общетеоретический характер. Целесообразно ее адаптировать и конкретизировать для отдельных отраслей права, где специфика объекта, принципов и способов регулирования может существенно влиять на процесс толкования. В частности:

- уголовное право: влияние принципа *in dubio pro reo*, строгость толкования, проблема оценочных понятий;
- конституционное право: эволютивное толкование, роль конституционных принципов, интерпретационные доктрины конституционных судов;

- гражданское право: взаимодействие принципов добросовестности, свободы договора и разумности при разрешении конфликта интерпретаций;
- административное право: специфика толкования норм, ограничивающих права граждан, и норм, предоставляющих усмотрение органам власти.

В заключение также следует сделать оговорку о ценностных предпосылках работы. Автор исходит из того, что фетишизация «буквы закона» не может быть целью правопорядка. Как показывает история права, «закон для народа, но не народ для закона». Толкование должно служить благу людей, придавая закону тот смысл, который соответствует этой цели.

Теория толкования сталкивается с особым вызовом в условиях, когда наблюдается хаотичное нормотворчество, а содержание отдельных актов вступает в противоречие с фундаментальными правовыми принципами. В такой ситуации сиюминутная политическая целесообразность, облеченная в форму закона, создает иллюзию легальности. Однако, как доказывает история права, именно независимая судебная власть, вооруженная доктриной толкования, способной согласовывать букву с духом права (принципами и ценностями), является главным гарантом правопорядка от волюнтаризма. Предложенная в диссертации герменевтическая концепция закладывает теоретический фундамент для такой модели правосудия. При этом, автор полностью осознает ранее обозначенные риски внедрения данной модели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. № 5. Ст. 410.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета. 2015. 11 марта.
9. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2002. 7 мая.
10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. 2 ноября.
11. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Российская газета. 2007. 14 февраля.
12. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Российская газета. 2007. 6 октября.

13. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября.

14. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Российская газета. 2022. 19 июля.

Материалы судебной практики

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1996 № 134-О [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.1997 № 8-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.1998 № 8-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.1998 № 10-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2010 № 9-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

26. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
28. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
29. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
30. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
35. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аф-

филированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение ВАС РФ от 18.08.2008 № 10196/08 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение Верховного Суда РФ от 29.01.1999 № 83-В98-17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2007 № 11В07-12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Верховного Суда РФ от 12.07.2011 № 74-В11-4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Верховного Суда РФ от 20.03.2012 № 16-В11-24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Верховного Суда РФ от 09.10.2012 № 18-КГ12-39 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

42. Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2015 № 308-КГ15-2483 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

43. Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2015 № 302-КГ15-2428 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

44. Определение Верховного Суда РФ от 05.12.2017 № 305-ЭС17-14948 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

45. Определение Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 305-ЭС17-13822 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

46. Определение Верховного Суда РФ от 18.03.2018 № 305-ЭС17-17564 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

47. Определение Верховного Суда РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-10064 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2020 № 306-ЭС19-22343 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

49. Определение Верховного Суда РФ от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043(2,3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

50. Определение Верховного Суда РФ от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221(2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
51. Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2022 № 308-ЭС21-22821 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
52. Определение Верховного Суда РФ от 08.08.2022 № 307-ЭС22-8816 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
53. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2023 № 307-ЭС22-15103(2,5) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
54. Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2023 № 306-ЭС20-14681(13) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
55. Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2023 №305-ЭС23-8962 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
56. Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2023 №305-ЭС23-11168 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
57. Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2024 № 300-ЭС24-6956 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
58. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.09.2017 по делу № А40-67546/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
59. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.04.2019 по делу № А41-47794/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
60. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.09.2019 № Ф08-8607/2019 по делу № А32-47254/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
61. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.05.2021 по делу № А41-78439/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.05.2022 по делу № А40-42214/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.01.2023 по делу № А40-66951/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

64. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.10.2024 по делу № А57-1405/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

65. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2025 по делу № А40-296482/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 по делу № А40-29943/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

67. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.04.2024 по делу № А40-228389/23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

68. Решение Арбитражного суда города Москвы от 07.04.2023 по делу № А40-29943/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

69. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 17.07.2025 по делу № А19-1420/2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

70. Определение Московского городского суда от 11.09.2024 по делу № 33а-7445/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Научные, справочные и учебные издания

71. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. М. : Юрид. лит., 1981. 359 с.

72. Братусь С.Н., Венгеров А.Б., Кузнецов И.Н. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М. : Юридическая литература, 1975. 327 с.
73. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.
74. Вебер М. Понимающая социология / пер. с нем. М. Левиной. М. : АСТ, 2021. 479 с.
75. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. – М. : АСТ, 2010. 347 с.
76. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева; сост., вступ. ст. и примеч. М.С. Козловой. М. : Гнозис, 1994. 544 с.
77. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М. : Юридическая литература, 1976. 118 с.
78. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
79. Гаджиев Х.И. Толкование права и закона. М. : Медпрактика, 2000. 95 с.
80. Горелов А.А. Истина и смысл. М. : ИФРАН, 2010. 145 с.
81. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб. : Фонд Университет; Владимир Даль, 2004. 398 с.
82. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой; ред. Л.Б. Макеева. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 389 с.
83. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Свирского Я.И. М. : Академический Проект, 2011. 472 с.

84. Дигесты Юстиниана. 2-е изд., испр. Т. 1. Кн. I–IV / пер. с лат. Л.Л. Кофанова, И.С. Перетерского; общ. ред. перевода Л.Л. Кофанов; ред. Конституций и кн. I В.А. Томсинов. М. : Статут, 2008. 598 с.
85. Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. Е.Д. Зайцевой; под ред. Г.Г. Шпета. М. : РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
86. Иванов В.В. Теория государства. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
87. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб. : Н.В. Муравьев, 1881. 412 с.
88. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 256 с.
89. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М. : Юристь, 2006. 478 с.
90. История философии XX века. Современная зарубежная философия: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А.С. Колесникова. М. : Юрайт, 2016. 366 с.
91. История философии: учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. М. : Академический Проект, 2005. 783 с.
92. Капустин А.Я. Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А.Я. Капустина. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 432 с.
93. Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности / пер. с англ. М. : Статут, 2017. 110 с.
94. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. М. : ИД Алеф-Пресс, 2023. 542 с.
95. Кун Т. После «структуры научных революций». М. : АСТ, 2014. 448 с.
96. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К.В. Нама. М. : М-Логос, 2024. 357 с.
97. Леви Э.Х. Введение в правовое мышление / пер. с англ. А.С. Мамуляна, Л.Ф. Пирожковой. М. : Наука, 1995. 115 с.

98. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2019. 584 с.
99. Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. М. : Мысль, 1997. 831 с.
100. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М. : Политиздат, 1990. 414 с.
101. Маритен Ж. Человек и государство. М. : Идея-Пресс, 2000. 196 с.
102. Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Теория и практика. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1988. 144 с.
103. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М. : Госюриздат, 1960. – 511 с.
104. Нерсесянц В.С. Общая теория государства и права. М. : Норма, Инфра-М, 1999. 539 с.
105. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. СПб. : Азбука-классика, 2014. 331 с.
106. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.]; отв. ред. Н.Н. Черногор. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2019. 348 с.
107. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: монография. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 285 с.
108. Парадигмы юридической герменевтики / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. 488 с.
109. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Госюриздат, 1962. 166 с.
110. Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А.Л. Никифоров. М. : ИФРАН, 2008. 212 с.
111. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 832 с.

112. Рейснер М.А. Общее право. М. : Государственное издательство, 1925. 275 с.
113. Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М. : Академический проект, 2008. 695 с.
114. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / под ред. Д.В. Дождева. М. : БЕК, 2002. 400 с.
115. Сапельников А.Б., Честнов И.Л. Теория государства и права: учебник для вузов. СПб. : Знание; ИВЭСЭП, 2006. 279 с.
116. Сёрл Дж. Философия языка / пер. с англ. И.М. Кобозевой. Изд. 3-е. М. : URSS, Едиториал УРСС, 2011. 208 с.
117. Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. М. : Проспект, 2008. 144 с.
118. Спасов Б. Закон и его толкование / пер. с болг. М. : Юрид. лит., 1986. 246 с.
119. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Научные революции и смена типов научной рациональности. М. : Гардарики, 1999. 372 с.
120. Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2024. 526 с.
121. Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: учебное пособие. М. : Зерцало-М, 2010. 264 с.
122. Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. СПб. : Алетейя, 2013. 346 с.
123. Тонков Е.Н. Толкование закона и права. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2015. 194 с.
124. Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2007. 306 с.

125. Хабриева Т.Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. : Норма; ИНФРА-М, 2023. 384 с.

126. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 1: монографии. М. : Российская акад. наук, 2018. 559 с.

127. Харт Г. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 302 с.

128. Харт Г.Л. Философия и язык права / сост., общ. ред. и вступ. ст. В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. М. : Канон+, 2017. 383 с.

129. Хомский Н. Человек говорящий. Эволюция и язык / пер. с англ. С. Черникова. СПб. : Питер, 2018. 320 с.

130. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М. : Юридическая литература, 1979. 164 с.

131. Шершеневич Г.Ф. Философия права. Часть теоретическая. Общая теория права. М. : Бр. Башмаковы, 1910/1912. 805 с.

132. Шпет Г.Г. Явление и смысл: Феноменология как основная наука и ее проблемы. М. : Гермес, 1914. 219 с.

133. Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2016. 436 с.

**Публикации в периодических изданиях, материалах конференций,
сборниках научных трудов**

134. Азнагулова Г.М. Толкование права как познавательный процесс // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 4. С. 7—14.

135. Азнагулова Г.М. Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 1. С. 138—151.

136. Аллахвердиев И.Г. Сбалансированная модель толкования *contra legem*: попытка обоснования // Право и политика. 2021. № 12. С. 69—88.

137. Аллахвердиев И.Г. О толковании *contra legem* и судебном произволе // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 4. С. 108—126.

138. Антонов М.В. Толкование и применение права как творческий процесс // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4 (56). С. 74—86.
139. Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 104—113.
140. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 51—63.
141. Бошно С.В. Принципы права: понятие, классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. С. 53—59.
142. Бошно С.В. Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 18—26.
143. Васьковский Е.В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 172—199.
144. Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. 1966. Вып. 6. С. 3—19.
145. Власенко Н.А., Залоило М.В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 43—57.
146. Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Основные принципы права: понятие и классификация // Legal Concept. 2013. № 1. С. 5—11.
147. Гаврилова Ю.А. Категория «Смысл права» и толкование права по объему // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2007. № 6. С. 99—103.
148. Гаджиев Х.И. Судебное правотворчество в международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 118—129.
149. Горбухова М.Ю. Естествознание и гуманитарные науки: различие и проблема единства // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2. С. 101—105.

150. Давыдова М.Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 203—207.
151. Ершов В.В. «Судебное правотворчество»: pro et contra // Правосудие. 2020. № 1. С. 7—35.
152. Жигитов А.А. Истинный смысл как объект толкования права // Теория государства и права. 2023. № 3. С. 107—119.
153. Жигитов А.А. Проблемы теории толкования «воли законодателя» // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 4. С. 37—43.
154. Жигитов А.А. Творческое и интеллектуальное начала в толковании права // Журнал российского права. 2024. № 10. С. 144—154.
155. Залоило М.В., Малютин Н.С. Толкование и конкретизация как универсальные формы эволюции права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 84—89.
156. Зыков Д.В. О трех видах юридического мышления // Legal Concept. 2013. № 2. С. 82—84.
157. Касаткин С.Н. Тезис судейского усмотрения в споре Р. Дворкина и позитивистов: аргументы «позднего» Г. Харта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 372—398.
158. Клименко А.И. Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 167—169.
159. Ковлер А.И. Эволютивное толкование европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 92—100.
160. Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 29—43.
161. Ладов В.А. Витгенштейн и Хакер о языке ощущений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 135—140.

162. Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 15—28.
163. Лазутин А.А. Воля и волеизъявление законодателя в процессе толкования норм права // Право и современные государства. 2018. № 6. С. 28—34.
164. Лузина Н.Н. Аксиологические подходы к объекту толкования права // Вестник КрасГАУ. 2012. № 10. С. 252—257.
165. Максимова Н.Э. Воля и волеизъявление как существенные элементы гражданско-правового договора // Вестник ЧГУ. 2006. № 5. С. 60—62.
166. Малахов В.П. Право в контексте философского сознания // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 63—66.
167. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3—15.
168. Пашенцев Д.А. Динамика правовой традиции в условиях четвертой промышленной революции // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 5. С. 5—15.
169. Пашенцев Д.А. Основной вопрос правоведения в контексте типологии правопонимания // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 37—43.
170. Ракитина С.В. Интенциональное содержание юридического текста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 107—109.
171. Равочкин Н.Н. Влияние философских идей Л. Витгенштейна на современное право / Н.Н. Равочкин // Философия права. 2018. № 1 (84). С. 12—16.
172. Сиднева Т.Б. «Открытое произведение» Умберто Эко и проблема границы в искусстве // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2011. № 5 (21). С. 44—49.
173. Тропер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 171—181.

174. Хапчаев С.Т., Кокорев В.Г. Расовая сегрегация как проявление идеологического экстремизма: на примере дела «Плесси против Фергюсона» // Legal Bulletin. 2023. № 4. С. 30—41.

175. Цительман Э. Пробелы в праве // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб. : Издат. Дом СПбГУ, 2011. С. 612—628.

Диссертации и авторефераты диссертаций

176. Белова М.А. Сравнительный анализ концепций толкования права в Германии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 168 с.

177. Варламова Н.В. Права человека : теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация : автореферат дис. ... доктора юридических наук. М., 2024. 60 с.

178. Викторова Э.Ю. Толкование норм права в Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 270 с.

179. Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 219 с.

180. Вольфовская Я.С. Объекты юридического толкования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. 2007. 187 с.

181. Годик В.Е. Толкование норм права в судебных решениях в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 142 с.

182. Долголенко Т.Н. Аксиологический и формально-юридический смысл толкования права: дис. ... канд. юрид. наук. 2012. 152 с.

183. Дудко Г.Н. Казуальное толкование юридических норм: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 228 с.

184. Лазарев В.В. Пробелы в советском праве и методы их установления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. 388 с.

185. Леонова Ю.А. Пробелы в праве России и Германии (сравнительный анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 239 с.

186. Малиновская Н.В. Интерпретация в праве: генезис, эволюция, актуализация: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 216 с.

187. Писаревский А.Е. Юридическая герменевтика: социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук. 2004. 194 с.

188. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: дис. ... канд. юрид. наук. 1996. 146 с.

Источники на иностранном языке

189. Holmes O.W. The common law. London: Little, Brown a. co., 1881. 422 p.

190. Chemerinsky E. Constitutional Law: Principles and Policies. New York: Wolters Kluwer Legal & Regulatory U.S., 2019. 2194 p.

191. Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge, 2017. 820 p.

192. McLeod I. Legal method. London: Macmillan press, 1999. 351 p.

193. Lieber F. Legal and political hermeneutics, or, Principles of interpretation and construction in law and politics: with remarks on precedents and authorities. Boston: C.C. Little and J. Brown, 1839. 240 p.

194. Case of Kobaliya and Others v. Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-237425> (дата обращения: 17.09.2025).